

А. А. Семеновъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗАРАФСАНСКИХЪ ГОРЪ.

КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА.

Фото-миксографіи—работы Павлова, съ фотографій Н. В. Богоявленскаго и
набросковъ и калекъ автора.

1903

Община пазъ, китанка от Дарваза.

12511

218
55

Пазова

А. А. СЕМЕНОВЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗАРАФШАНСКИХЪ ГОРЪ

КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА.

12511

Фотогипи и циткографіи — работы Пазова, съ фотографій Н. В. Боговаленскаго и изобрескови и кілець автора.

90-31-5651

1903.

Предисловіе.

Настоящая книга—одинъ изъ результатовъ поѣздки по горамъ Зарафшана, Каратегина и Дарваза гг. А. А. Бобринского, Н. В. Богоявленскаго и нижеподписавшагося, которые въ 1898 году были командированы въ упомянутыя мѣстности Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

Содержаніе книги представляетъ полѣтку датъ, на основаніи личныя наблюдений и разспросныхъ свѣдѣній, въ связномъ и болѣе или менѣе обстоятельномъ изложеніи этнографическія особенности населенія Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза, конечно въ той мѣрѣ и полнотѣ, въ какихъ возможно было что-либо сдѣлать въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія среди туземцевъ названныхъ мѣстностей.

При собраніи матеріаловъ для настоящаго труда авторъ руководствовался «Программою для собранія этнографическихъ свѣдѣній, составленною при Этнографическомъ Отдѣленіи Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи». Она принесла ему не мало пользы, такъ какъ представляетъ собою, выражаясь метафорически, готовую канву, по которой вышитъ узоръ не составляетъ особой трудности.

Въ то время, когда пишущій это только еще задумывалъ составленіе этихъ очерковъ, онъ пользовался для предстоящей

работы различными указаниями и советами: М. О. Агтая, гр. А. Д. Бобринского, акад. Ф. Е. Корша, проф. В. Ф. Миллера, Н. Н. Харузина и бар. Р. Р. Штакельберга. Этимъ лицамъ оныи и приноситъ свою глубокую благодарность, а дорогому учителю, Н. Н. Харузину, sit ievus terra!

А. Селенов.

Асхабадъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава I. Географическій очеркъ Зарафшанскихъ горъ. Каратегина и Дарваза	1
Глава II. Горные таджики	19
Глава III. Жилище горнаго таджика	32
Глава IV. Биты, занятія и промыслы	49
Глава V. Изъ области религиозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ	70
Глава VI. Семейные нравы и обычаи	79
Глава VII. Образцы памятниковъ народнаго творчества	97
I. Басня. Осель, Левъ, Верблюды и Волкъ	98
II. Басня. Человѣкъ и Змѣя	99
III. Сказка. Сынъ визиря	100
IV. Сказка. О курильщикѣ опія и о его мнимомъ богатствѣ	103
V. Сказка. О продѣлкахъ Ашур-Айора и его жены	105
VI. Басня. Лисица и Перепелка	108
VII. Басня. Ястребъ, Ворона и Лисица	111

Перечень фототипическихъ таблицъ.

Таблица I. Общій видъ кишлака въ Дарваздѣ	Послѣ обложки.
Таблица II. Дарваздъ. Жилая постройка въ кишлакѣ на Панджѣ.	Въ концѣ книги.
» III. Образцы рѣзныхъ дверей.	
» IV. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» V. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VI. Образцы рѣзныхъ орнаментовъ.	
» VII. Деревянные издѣлія горныхъ таджиковъ.	
» VIII. Образцы тканей.	
» IX. Желѣзные издѣлія.	
» X. Образцы мѣдныхъ кунгановъ.	

Глава I.

Географическій очеркъ Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза.

Въ томъ мѣстѣ Центральной Азии, гдѣ образуютъ горный узелъ юго-западные отроги Тянь-Шаня, Памиры съ ихъ западными склонами и сѣверные склоны Хиндुकша, сплетаются двѣ великихъ системы плоскогорій Монголии и Ирана.

Эта мѣстность, столь чтимая въ легендахъ первобытныхъ индо-иранцевъ и во все послѣдующее вѣка столь извѣстная въ караванныхъ дорожникахъ Горной Азии, ивѣтъ называется на языкѣ мѣстныхъ туземцевъ просто «кухистонъ», т. е. горная страна, и раздѣляется на нѣсколько отдѣльных областей, именно: Зарафшанъ (горная часть южной Самаркандской области), Каратегинъ по р. Сурхобу (правый притокъ р. Амударьи), Дарвазъ, лежащій по обѣимъ сторонамъ р. Панджа¹⁾, Шугнанъ, Рошанъ и Ваханъ (по правую сторону Панджа).

Въ этой книгѣ мы коснемся только первыхъ трехъ странъ, какъ наиболѣе намъ извѣстныхъ по личному знакомству съ ними.

Рѣка Зарафшанъ²⁾ лежитъ на сѣверѣ отъ Амударьи и зарождается изъ громадныхъ ледниковъ въ западныхъ отрогахъ Тянь-Шаня. Въ своемъ верхнемъ теченіи она представляется могучею рѣкою, питаемою многочисленными рѣчками и потоками—ея притоками съ правой и лѣвой стороны. По выходѣ же въ долину воды

¹⁾ Такъ называется Амударья въ верхнемъ теченіи.

²⁾ Что значитъ *разсыпавшая, разбрасывающая золото* (отъ персидскаго *zār*), *zār*—золото и *afshān*, *afshān*—разсыпавшій, разбрасывающій).

³⁾ Буквою *й* мы изображаемъ средний звукъ между *а* и *э*, онъ вполнѣ соответствуетъ немецкому *й* или англійскому *y* въ словѣ *baney*.

Зарафшана расходятся по бесчисленным арбикам и, не дойдя версты ста до Аму-дарьи, Зарафшанъ совершенно истощается и пропадаетъ.

Горная страна, орошаемая Зарафшаномъ, занимает востокъ и югъ Самаркандской области и напомена системами хребтовъ: Туркестанскаго, Зарафшанскаго и Хисарскаго. Все они исходятъ изъ общаго горнаго узла Тянь-Шаня на границѣ Ферганской области, близъ Зарафшанскаго ледника. Первые два хребта идутъ сначала параллельно съ востока на западъ, сопутствуя р. Зарафшану до меридиана сел. Урмитанъ. Отсюда Туркестанскій хребетъ, постепенно понижаясь, тянется извилистыми горными грядами къ сѣверо-восточному углу области, получая сначала название Мор-Гузарскихъ горъ, а затѣмъ, отъ г. Джизака, — Тур-Атинскихъ горъ, или Кара-Тау. На меридианѣ сел. Сабахъ Зарафшанскій хребетъ видѣляется Хисарскій, который составляетъ нашу государственную границу съ Бухарою, и, сохраняя прежнее свое направление, переходитъ ниже г. Пенджакента сначала въ рядъ невысокихъ (3—5 т. футовъ) горъ (Шахрисябскихъ), а затѣмъ въ холмистую степь.

Долина р. Зарафшана, заключенная между Туркестанскимъ и Зарафшанскимъ хребтами, есть самая значительная въ этой горной мѣстности. Мѣстами она расширяется, образуя относительно удобныя для поселения и посѣвовъ пространства, мѣстами же до такой степени суживается, что представляетъ собою глубокую трещину, чрезъ которую съ ревомъ и пѣною бурлитъ рѣка. Параллельно Зарафшанской долини, на югъ отъ нея, лежитъ долина р. Ягноб-Дарьи; она заключена между Зарафшанскимъ и Хисарскимъ хребтомъ и отличается такимъ же характеромъ, какъ и Зарафшанская.

Природа сѣверныхъ склоновъ трехъ вышеозначенныхъ хребтовъ, въ сравненіи съ южными склонами Хисарскаго хребта, бѣднѣе и суровѣе. Здѣсь чаще встрѣчаются голыя скалы, нагроможденныя одна на другую, глубокія и мрачныя разсѣлины и сердито ревущіе потоки, хотя древесная и кустарная растительность, — въ числѣ которой арча¹⁾, береза, кленъ, жимолость, барбарисъ, черная смородина, шиповникъ и друг. часто занимаютъ большія пространства, — значительно смягчаетъ суровость окру-

¹⁾ Изъ породы хвойныхъ (*Juniperus pseudosabina*).

жающаго пейзажа, особенно тамъ, гдѣ такіа заросли чередуются съ обширными лугами, покрытыми разнообразною травяною растительностью. Въ самой южной части системы горъ Хисарскаго хребта лежитъ замѣчательное по своему высокому положенію въ горахъ озеро Искандер-Куль. Оно находится въ огромной котловинѣ, на высотѣ почти 7000 фут. надъ уровнемъ моря и имѣетъ въ окружности, приблизительно, 11 версты. Берега озера и окружающія его невысокія горы (до 3½ т. футовъ) покрыты заросшими деревьями и кустарниками, все же мѣстность представляетъ одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ въ Туркестанѣ. Однако, вследствие труднаго доступа къ озеру, берега его чужды поселеній, лишь вѣтромъ сюда заходитъ стада кочевниковъ — узбековъ и киргизовъ, да заглядываетъ тотъ или другой любознательный европеецъ-путешественникъ¹⁾.

О происхожденіи озера среди мѣстныхъ туземцевъ существуетъ слѣдующая легенда. До прихода Александра Македонскаго (*Искандър-Подшю*) въ Зарафшанскія горы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Искандер-Куль, былъ городъ огнепоклонниковъ (*отъишпарист*). Александръ взялъ городъ, разрушилъ его и приказалъ

Въ горахъ Зарафшана.

¹⁾ Все, приведенное до сихъ поръ о Зарафшанскихъ горахъ, позаимствовано въ значительной степени изъ «Справочника и адресъ-календаря Самаркандской области за 1902 г.», сост. М. И. Вирскимъ.

на этомъ мѣстѣ вѣрнѣе громадный бассейнъ и наполнить его водою. Такимъ образомъ будто бы образовалось озеро Искандер-Куль. «Телеръ», прибавляютъ окрестные таджики, «по ночамъ изъ озера выходитъ водяной конь (иски-об) на берегъ бѣтъ траву, оставаясь на сушѣ до утренней зари».

Прилегающая къ Зарафшану горная область Каратегинъ лежитъ по р. Сурхобу и заключена между двумя хребтами: по правую сторону рѣки идетъ Зарафшанскій хребетъ, а по лѣвую сторону — хребетъ Петра Великаго, отдѣляющій Каратегинъ отъ Дарваза.

Рѣка Сурхобъ), значительный притокъ Аму-Дарьи, несущій въ своемъ нижнемъ теченіи названіе Вахша), принимаетъ въ себя изъ безчисленныхъ боковыхъ долинъ и ущелий множество потоковъ и рѣчекъ. По берегамъ одной изъ послѣднихъ (Оби-Гармъ—горячая вода) мѣстами находятся горячіе сѣрные источники. Самый значительный изъ нихъ находится въ кишлакѣ) Оби-Гармъ, въ глубокой ложбинѣ, почти въ центрѣ селенія. Онъ окруженъ деревяннымъ срубомъ, сбоку котораго по желобу падаетъ внизъ вода и бѣжитъ извилинами ключомъ между корней деревьевъ и кустарниковъ въ рѣку.

Поверхность воды въ бассейнѣ равна, приблизительно, 12 кв. аршинамъ, глубина не превышаетъ 2 аршинъ; температура воды 38° по Цельсію. Поднимающіеся со дна бассейна пузырьки свидѣтельствуютъ объ обильномъ выдѣленіи сѣрнаго газа. Передъ каждымъ намазомъ вокругъ этого источника собираются жители кишлака для омовеній, передъ послѣднимъ же намазомъ, незадолго до сна, сюда идутъ купаться. Цѣлебныя свойства мѣстныхъ сѣрныхъ ключей едва ли кому изъ населенія извѣстны, хотя, безъ сомнѣнія, они существуютъ и при болѣе куватурности туземцевъ давно бы нашли должное примѣненіе.

1) Сурхобъ—красная вода (сурх, сорх по-персидски значить красный, об, об—вода). Воды рѣки действительно красны вслѣдствіе большой насыщенности ихъ глиною.

2) Вахшемъ, какъ извѣстно, въ древности назывался одинъ изъ городов Хоталана, отъ котораго получилъ названіе и цѣлый округъ. Въ настоящее же время туркмены и узбеки, кочующіе по Вахшу, называютъ его *Вашимъ*, объясняя это тѣмъ, что въ ропотъ воды быстро бѣгущей рѣки (теченіе Вахша действительно, весьма быстро) какъ бы слышится *вашим-вашимъ*.

3) Кишлакъ (или, вѣрнѣе, *кишлякъ*) по-туркски означать *зачинку, земное жилище*. Во всѣхъ же горныхъ говорахъ значить *селеніе вообще* и признается *кишлакъ*.

Отъ кишлака Оби-Гармъ пролегаетъ чрезъ долину Сурхоба широкая, прекрасно содержимая дорога, одна изъ лучшихъ, видѣнныхъ нами въ Горной Азии. Она вѣтся по склонамъ горъ, по правую сторону рѣки, до перевала «Акбаи-Куллок-Карамукъ»¹⁾. Возможно, что здѣсь пролегалъ одинъ изъ древнихъ караванныхъ путей, связывавшій Бухару съ долиной Алая, Южною Ферганою и Китаемъ. Своимъ настоящимъ видомъ эта дорога обязана двумъ покойнымъ мірамъ²⁾ (губернаторамъ) Каратегина, именно: началъ ее разрабатывать въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія Худай-Назар-Аталыкъ, а за смертію его она была окончена его преемникомъ Амас-Беккомъ (умершимъ, кажется, въ 1891 году). Приятное впечатлѣніе отъ дороги еще болѣе усиливается при видѣ обильной растительности, насажденной по сторонамъ пути его строителями.

Вся долина р. Сурхоба представляетъ собою одинъ изъ цвѣтущихъ по природѣ уголковъ Горной Азии. Гранаты, персики, сливы, абрикосы, миндаль и проч. плоды, испанскіе чинары, шапообразныя карагачи, раскидистыя могучія деревья грецкого орѣха, хорошія пастбища съ свѣтлымъ нагульнымъ скотомъ и многочисленныя кишлаки, потонувшіе въ зелени садовъ,—свидѣтельствуютъ о мягкомъ, тепломъ климатѣ страны и о болѣе высокой производительности ея почвы.

Мѣстный міръ живетъ въ единственномъ городѣ страны, Гармѣ, лежащемъ на правомъ берегу Сурхоба. Во времена независимости Каратегина³⁾ это была резиденція его владѣтелей, которые, какъ и ханы Дарваза, вели свой родъ отъ Александра Македонскаго.

1) Такъ, по крайней мѣрѣ, называли намъ этотъ перевалъ мѣстные туземцы.

2) Мир'амъ въ Бухарѣ называютъ *губернаторомъ* (сокращенное изъ арабск. *амир* (امیر) князь, владыка, повелитель), титулъ же *амир'а* дается исключительно коронованнымъ особамъ. На ряду со словомъ *мир'а* въ большомъ ходу также тюркское *бекъ* (бей, бекъ—господинъ, князь). Первое слово (*мир'а*) употребляется болѣе интеллигентною, второе же (*бекъ*)—простонародьемъ и русскими.

3) Послѣднимъ владѣтелемъ Каратегина былъ Музафар-Шахъ, при которомъ Каратегинъ былъ присоединенъ къ Коканду, а самъ Музафар-Шахъ взятъ въ плѣнъ и поселенъ въ Кокандѣ. Но вскорѣ послѣ этого (въ концѣ 1869 г.) у Коканда возникло изъ-за Каратегина крупная недоразумѣнія съ Бухарою. Во избѣжаніе вооруженнаго столкновенія между двумя ханствами, тогдашній Туркестанскій генералъ-губернаторъ, К. П. Кауфманъ, явился посредникомъ между обѣими враждующими сторонами и посоветовалъ Кокандскому хану Худояру возвратить Каратегинъ его прежнему владѣтелю Музафар-Шаху, что и было исполнено. Послѣ же Музафар-Шаха Каратегинъ былъ присоединенъ къ Бухарѣ, которая съ тѣхъ поръ и владѣетъ имъ.

Сосѣдняя съ Каратегинскою страна — Дарвазъ. Она лежитъ на югъ отъ него, по обѣимъ берегамъ Панджа. Часть Дарваза по правую сторону Панджа (Сѣверный Дарвазъ)¹⁾ занимаетъ западный склонъ Памирскаго плоскогорья: этотъ край изрѣзанъ глубокими долинами рѣкъ: Панджа и его притоковъ справа: Оби-Хингоу, Ванджа и Язгуляна. Водораздѣлами этихъ рѣкъ служатъ два высокихъ хребта: Дарвазскій, между рр. Оби-Хингоу и Ванджа съ Панджемъ, и Ванджскій, — между долинами рр. Ванджа и Язгуляна. Третій хребетъ — Петра Великаго, онъ проходитъ на сѣверъ Дарваза и отдѣляетъ долину р. Оби-Хингоу отъ долины Сурхоба. Въ верховьяхъ Ванджа всѣ упомянутыя горныя цѣпи сходятся въ одинъ узелъ и сливаются съ Памирами.

Три долины Сѣвернаго Дарваза по характеру ихъ мѣстности отличаются другъ отъ друга.

Такъ, долина Оби-Хингоу въ низовьяхъ во многомъ напоминаетъ сосѣднюю долину Сурхоба. То же разнообразіе растительности, плодовъ и фруктовъ и тѣ же прекрасныя урожаи хлѣбовъ, обусловливаемыя теплымъ климатомъ и плодородіемъ почвы. Выше по рѣкѣ начинаетъ преобладать обичивый горный пейзажъ: больше встрѣчается обнаженныхъ склоновъ, покрытыхъ снѣгами горныхъ вершинъ, попадаются ледники, глубокіе овраги и сердитые потоки чаще пересѣкають путь, преобладаетъ растительность, свойственная умѣренной и холодной поясамъ: береза, осина, таль, арча и проч.

При слияніи четырехъ рѣчекъ, изъ которыхъ образуется Оби-Хингоу: Квиргиза, Гармо, Бохуда и Бодруда стоитъ посѣд-

¹⁾ Южный Дарвазъ лежитъ по лѣвому берегу Панджа. По послѣднему Памирскому разграниченію этотъ край былъ отнятъ у Бухары и отданъ афганцамъ. По отзывамъ туземцевъ южная часть Дарваза весьма населенная и шибущая. Жители съ величайшимъ неудовольствіемъ сносятъ тяжелое иго афганцевъ. Ежедневно чинимы кровавыя расправы послѣднихъ надъ мирнымъ населеніемъ, грабежи, насилія надъ женщинами и проч. ужасы заставляютъ многихъ туземцевъ покидать свою родину и переселяться въ Бухару. Въ 1898 году, именно въ то время, когда мы находились въ Горной Бухарѣ, 400 семей бѣжало изъ Южнаго Дарваза въ Бухару, вынужденныя къ этому несправедливости новыхъ хозяевъ края. И на пути отъ г. Каратага до р. Сурхоба намъ то и дѣло встрѣчались мужички, шедшіе впереди нагруженныхъ разнымъ скарбомъ лошадей и ословъ, на которыхъ сидѣли женщины закутанныя съ ногъ до головы. На каждый вопросъ, откуда они идутъ, слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: «изъ Афганстана», при чемъ многіе рассказывали возмутительныя вещи о водвореніи афганцевъ въ отнятомъ отъ Бухары край. По словамъ переводчика Хисарскаго Куш-Беги, Рахмат-Удлама²⁾, Бухарское правительство охотно отводитъ этимъ бѣглецамъ мѣста для поселеній и, несмотря на какія требованія афганцевъ, рѣшило не выдавать ихъ.

²⁾ Этотъ не состоитъ на службѣ у Куш-Беги.

ній кушлакъ долины, Пашмгаръ, дѣлье котораго мѣстивыя горы сливаются съ Памирами. Въ этомъ горномъ узлу лежитъ на высотѣ свыше 15 тыс. футовъ надъ уровнемъ моря перевалъ (Сытарги³⁾) въ долину р. Ванджа, или Ванча.

¹⁾ Здѣсь позволю себѣ привести изъ своей записной книжки нѣсколько словъ объ этомъ перевалѣ: по описанію Сытарги можно составить представленіе о перевалахъ вообще, такъ какъ далѣе въ книгѣ не разъ упоминается объ этихъ неизбѣжныхъ путяхъ сообщенія между мѣстными долинами.

... Рано утромъ, когда еще не занималась заря, всѣ люди были на ногахъ и спѣшили навьючивать лошадей. Еще послѣдніе сборы — я нашъ караванъ изъ двѣнадцати лошадей при пятнадцати людяхъ выступилъ къ перевалу.

Въ открывающейся передъ нами долине бѣлѣла снѣжная вершина горы, черезъ которую мы собирались перевалывать на Ванджъ. Возшедшій надъ горою мѣсяцъ обливалъ съ высоты безоблачнаго неба спящія окрестности. Неспѣшнымъ шагомъ, осторожно ступая межъ острыхъ камней, или унылыя горныя лошади. Вотъ поравнялись и чиновали налѣво тѣснину съ бѣжавшими громадами какого-то ледника. Дорога вступала въ узкое ущелье, гдѣ наряду холодный полумракъ, хотя на дальнихъ снѣжныхъ вершинахъ уже дрожали первые розовые отблески утренней зари.

Версть пять влѣвъ вверхъ по громаднымъ пластамъ твердаго, какъ камень, снѣга, мѣстами усѣяннаго обломками сланца, а мѣстами стаявшаго и обнаруживающаго каменную почву. По ней небольшими бурными потоками, выбиваясь изъ-подъ снѣга, бѣжалъ Бохудъ. Вдругъ какъ то неожиданно вырастають передъ глазами громады ледяныя, возвышающіяся непоколебимой стѣной черезъ всю полуверстную ширину ущелья. Твердая снѣговая масса, идущая вверхъ, помогаютъ намъ безъ труда вобраться на ледникъ, по которому и продолжается путь до самой вершины перевала. Ледникъ, называемый туземцами «Пир-Эх-Сытарги» (вѣчный ледъ «Сытарги») беретъ начало на изданахъ видѣющихся уступахъ горы, потонувшихъ въ снѣгу, и занимаетъ своею площадью пространство въ нѣсколько верствъ, причѣмъ самая масса льда покрыта сверху толстымъ слоемъ снѣга. Въ самомъ началѣ пути по леднику или поперечныя глубокія трещины, хотя и не особенно широкія. По словамъ мѣстныхъ таджиковъ, самыя широкія и опасныя разсѣлыны бывають на ледникахъ въ то время, когда созрѣвшій грецкій орѣхъ начинаетъ дозрѣвать, т. е. въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Эти трещины не мало затрудняли путь, такъ какъ лошадямъ приходилось лѣзть черезъ нихъ прыжкомъ⁴⁾ и тонуть въ снѣгу, изъ котораго ихъ стоило не малаго труда выручать.

Но вотъ опасное мѣсто миновало, небольшой подъемъ вверхъ — и мы на обширной снѣжной равнинѣ, составляющей прямое продолженіе того же ледника. Всюду, куда ни кинешь глазами, одно снѣжное поле; залитое солнечными лучами, оно ослѣпительно рѣжетъ глаза своимъ яркимъ нестерпимымъ свѣтомъ. Безъ темныхъ очковъ нельзя обойтись: сопровождающіе насъ туземцы то и дѣло закрываютъ глаза руками или, упавъ ничкомъ, подолгу лежать на снѣгу съ сомкнутыми глазами.

Нѣсколько верствъ влѣвъ по снѣжному полю и, не дойдя до его конца, свертываемъ вправо, гдѣ высокою, почти отвѣсною стѣною возвышается снѣговой валъ, на немъ чернѣють какія-то движущіяся точки, рѣзко выдѣляющіяся на снѣжной бѣлѣ: скатерти. Это таджикъ съ Ванджа выѣхавъ къ намъ навстрѣчу. Подъѣзжаемъ къ этому мѣсту, сходимъ съ лошадей и прыжкомъ взбираемся на верхъ снѣжной стѣны, такъ какъ разрыхлѣвшій снѣгъ не только не держитъ лошадей, но даже проваливается подъ ногами человѣка. Вьюки сняты съ лошадей и на людяхъ внесены на верхъ; началось втаскиванье животныхъ, обильное вслѣдствіи бытности по мерзлымъ сенами. Послѣ полуторачасоваго подъема лошадей на высоту не болѣе трехъ саженъ весь караванъ былъ наконецъ на самомъ гребнѣ перевала, на высотѣ свыше 15,000 футовъ надъ уровнемъ моря, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, среди абсолютной

⁴⁾ Вьюки, конечно, передъ этимъ снимались съ лошадей, причѣмъ это развьючиванье и вьюченіе отнимали не мало времени.

Последняя заключена между двумя хребтами горъ: Дарвазскимъ (по правую сторону рѣки) и Ванджскимъ, отдѣляющимъ эту долину отъ долины р. Язгулана.

Всю ширину Ванджской долины занимаетъ обмелѣвшее русло рѣки¹⁾, сплошь усеянное большими и мелкими камнями. Мутныя же воды Ванджа бѣгутъ въ центрѣ этого русла въ видѣ небольшого потока. На оползняхъ съ соседнихъ горъ ютятся кущаки, густо заросшіе растительностью, съ пшеничными и ячменными полями подлѣ хижинъ. чего въ прочихъ описываемыхъ нами мѣстностяхъ не встрѣчается. Подобное сосредоточіе садовъ, полей и жилищъ въ одномъ мѣстѣ, среди окружающей бесплодной каменистой почвы, придаетъ мѣстности видъ оазисовъ среди пустыни.

Въ низовьи р. Ванджа лежитъ самый значительный кущакъ долины, Кал'ан-Ванджъ, или Кал'ан-Рохаръ (крѣпость Ванджъ, крѣпость Рохаръ). Укрѣпленіе въ немъ до сихъ поръ довольно хорошо сохранилось. Оно стоитъ на обрывистомъ берегу рѣки, стѣны мѣстами глинобитныя, мѣстами сложены изъ кирпичей и камней. По бокамъ лицевой стороны крѣпости—двѣ полуразрушенныя зубчатыхъ башни. Отъ крѣпостныхъ воротъ сохранились лишь притоки и соединяющая вверху ихъ балка. Этотъ проходъ, да еще справа его большая брешь въ стѣнѣ ведутъ во дворъ, гдѣ неизмѣнные переходы съ темными сводами, подпертыми рядами рѣзныхъ деревянныхъ

тишины и покоя. Усталые люди, замурявъ глаза, неподвижно лежали на снѣгу; измученныя лошади, покрытыя пѣною, съ окровавленными копытами, едва держались на ногахъ.

Послѣ небольшой передышки стали спускаться въ снѣжную долину, ведущую на Ванджъ. Сначала скатили съ снѣгового гребня на разостланныхъ кошмахъ вещи, а потомъ свели лошадей и сошли сами. Дальнѣйшій спускъ верстъ на 10—12 шелъ по довольно мягкому снѣгу, что по ровной дорогѣ затрудняло бы движеніе, но здѣсь, при крутизнѣ ската, это соеслужило не малую службу. Ноги сами-собою быстро двигались впередъ, такъ что ихъ приходилось задерживать въ рыхломъ снѣгу. Попрямому мѣшала нестерпимо яркій солнечный свѣтъ, отражаемый необычайной бѣлизной снѣговъ, да среди окружающаго холоднаго воздуха сильно жгло руки и лицо горячее солнце.

Послѣ двухчасовой безпрерывной ходьбы или, лучше сказать, бѣга внизъ по снѣгу мы достигли голыхъ, лишенныхъ снѣга черныхъ скалъ, устланныхъ камнями. Отсюда шла узкая тропа, вьющаяся по крутымъ обрывамъ и уступамъ скалъ, взбирающаяся въ высь и опять круто спускающаяся внизъ. По этой тропѣ мы слѣдали весь остальной спускъ на лошадахъ до самой долины р. Ванджа, которая своею зеленью и терломъ производила крайне отрадное впечатлѣніе послѣ четырнадцатичасоваго пребыванія въ снѣгахъ и льдахъ.

¹⁾ Мы были въ долинѣ Ванджа въ концѣ іюня и началѣ іюля, когда разливы рѣки отъ таянія снѣговъ въ горахъ еще не начинался.

колонны, раздѣляются высокими и низкими дверями, сплошь покрытыми затѣйливою рѣзбовою.

Крѣпость, по преданію, была построена лѣтъ двѣсти тому назадъ дарвазскимъ ханомъ, Азия-Ханомъ, и, вѣроятно, не разъ сослужила хорошую службу ей защитникамъ во времена независимаго Дарваза. Генералъ въ ней живетъ амлекдаръ (начальникъ округа) долины Ванджа. Отъ покоевъ прежнихъ властителей сохранилась небольшая комната въ углу крѣпости къ рѣкѣ: двери и окна въ ней вбиты, на полу навалены кучи мусора и пыли, съ потолка мѣстами висятъ куски грошовыхъ обоевъ русской фабрикаціи, слѣды, повидимому, позднѣйшаго безвкуснаго украшенія. Когда-то прекрасно оштукатуренныя алебастромъ и украшенныя лѣпными орнаментами стѣны почти сплошь покрыты многочисленными надписями посѣтителей. Для образца позволю себѣ привести двѣ изъ нихъ.

دوران شکست شبته امید با سگت
از دل صدای ناله درین کوهسار رفت
جواب
انها که روز دولت عالی بنافتند
با صد فغان ناله خونبار رفت

Что въ переводѣ съ персидскаго гласитъ слѣдующее: «судьба разбила камень сосудъ надеждъ, и исторгнутые изъ сердца вопли и крики пронеслись надъ этой горной страной. Поясненіе: тѣхъ, которые проводили дни въ великомъ счастьи, съ сотнею стоновъ и рыданій унесъ потокъ кровавый». Это по одну сторону двери, а по другую: «Прибыль развѣдъ 25 числа августа за старшаго общикъ Яковъ Черновъ, и джигитъ Николай Капцуи, и перевозчикъ Ашурбай. 1896 Года».

За Кал'ан-Ванджемъ долина Ванджа вѣсматриваетъ очень печальную. Здѣсь, въ самомъ концѣ ея, находится распутие двухъ дорогъ: направо дорога лежитъ на Кал'ан-Хумъ, главный городъ Дарваза, налѣво, по дрожащему мостику чрезъ рѣку, пролегаетъ по голымъ, выжженнымъ солнцемъ холмамъ путь на Язгуланъ и Рошанъ, который дальше, вдоль Панджа, переходитъ въ тропу, но такую, пробратъся по которой лишь могутъ опытные и бывалые туземцы. Она вѣтвется надъ обрывистымъ и каменистымъ берегомъ Панджа часто на головокружительной высотѣ; ея ширина въ общемъ не превосходитъ фута, даже меньше.

Мѣстами на ней лежатъ огромныя камни, на которыхъ приходится взбираться, рискуя сломать себѣ шею, мѣстами же перестѣкаютъ пропасти. Для переправы черезъ послѣднія, по словамъ туземцевъ, существуютъ особыя приспособленія—вытѣкающие въ разсѣлинахъ скалъ шесты, отъ которыхъ спускаются на разстояніи аршина другъ отъ друга веревки, къ ихъ концамъ внизу прикреплены толстыя палки. Желающій переправиться на ту сторону пропасти хватается обѣими руками за палку и, отведи ее руками назадъ, ногами отталкивается отъ земли и перелетаетъ на другую сторону. Туземцы называютъ эту тропу «рои-маймунъ» т. е. обезьянья дорога. Съ нами были на этой тропѣ ея строители, бадахшанскій таджикъ (дорога «построена» нѣсколько лѣтъ тому назадъ по приказанію Хисарскаго Кули-Бѣги), который чистосердечно увѣрилъ насъ, что хуже и опаснѣе его сооруженія нѣтъ во всемъ свѣтѣ. И чтобы добраться до Рошана такимъ путемъ, надо идти 20 верстъ до Язгулина, отъ Язгулина 8 верстъ можно сѣлать на лошади до Вазнау, а отъ Вазнау опять такая же тропа вплоть до самаго Кал'ан-Вамара, главнаго города Рошана¹⁾. Другого сообщенія, болѣе удобнаго, не существуетъ, если не считать Гуш-Хона (кравъ изъ ушей) и другихъ переваловъ съ Ванджа на Язгулинъ, но они болѣе или менѣе продолжительное время въ году, вслѣдствіе снѣга, бываютъ закрыты, почему постоянною дорогою въ Рошанъ и Шугнанъ остается эта «обезьянья тропа». Болѣе же удобная и широкая дорога въ Рошанъ находится на лѣвомъ берегу Панджа и отошла къ Афганистану опять по тому же «выгодному для Россіи» Памирскому разграниченію.

Верстахъ въ пяти отъ распутия дорогъ на Рошанъ и Кал'ан-Хумъ Ванджъ сливается съ темными бурными водами древняго Окса, носящаго здѣсь названіе *Панджъ*²⁾. На про-

¹⁾ Эти свѣдѣнія собственноручно вписаны въ мою записную книжку (по-персидски) амлекларомъ Ванджской долины и цѣпкомъ взяты отсюда.

²⁾ О происхожденіи этого названія среди туземцевъ существуетъ одна легенда, которую привожу здѣсь въ дословномъ переводѣ съ таджикскаго, какъ мнѣ рассказывалъ ее въ темную ночь въ Кал'ан-Хумскомъ губернаторскомъ саду сопровождавшій насъ эмиссаръ «джевачи» (имя «дараулъ-бѣги»), Сала-Махрамъ-Бекъ³⁾.

«Однажды сидѣлъ Пророкъ—да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе—въ Мединѣ»

³⁾ Между прочимъ взрывать (по отношенію не къ р. Панджу) приводимаго мною рассказа можно найти въ книгѣ Бориса «Кабулъ» (См. русскій переводъ по порученію П. В. Голубова, изд. 1847 г., т. I-й, стр. 326—329).

тивоположной сторонѣ, въ противобѣсъ дѣльному и безжизненному берегу, прекрасной видъ на зарѣчье, принадлежащее Афганистану: по живописному берегу раскинулся большой кишлакъ Джомарѣвъ, выше его, на склонахъ горъ, темнѣютъ пере-

скимъ храмъ, окруженный своими «асхабамъ» (подвижниками). Приходить къ нему ублаженнымъ старецъ-пророкъ и говорить:

— Посланныкъ Божій, что мнѣ дѣлать? Я заложилъ одному еврею 1000 «ашраевъ»⁴⁾ и никакъ не могу сдѣлать, а я ничего не вижу, чтобы заплатить свой долгъ, и потому «еврей» требуетъ: или я принимаю бы его вѣру, или отдаю бы за него свою дочь, или же заплачу 1000 «ашраевъ».

И сказалъ Пророкъ, обращаясь къ своимъ «асхабамъ»:

Кто изъ васъ можетъ выкупить этого старца изъ рукъ еврея?

Никто не отозвался, кромя Алія, Льва Господня. Поднялся онъ и сказалъ:

— Пророкъ Божій, я помогу этому старику заплатить его долгъ.

— Отлично, произнесъ Пророкъ.

И вышелъ Алія съ старикомъ изъ храма и сказалъ ему:

— Отнынѣ я твой невольникъ. Кто бы тебя ни спросилъ обо мнѣ, говори, что я рабъ твой, и кто станетъ меня покупать у тебя, проси за меня тысячу «ашраевъ». А теперь садись мнѣ на плечи и читай «фатиху» (1-ю суру Корана), когда окончишь ее, можешь открыть глаза.

И сдѣлалъ старикъ такъ, какъ приказалъ ему Алія: сѣлъ ему на плечи, закрылъ глаза и сталъ читать «фатиху», и когда кончилъ ее и открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ незнакомомъ большомъ городѣ. Этотъ городъ былъ въ самомъ верхнемъ теперешняго Панджа и царствовалъ въ немъ царь Барбаръ, терпѣвшій со своими подданными много бѣдствій отъ двухъ злыхъ отъ нападеній дракона (аждахра), въ страхъ державнаго всю окрестность и живнаго подлѣ города, и отъ опустошительныхъ разливовъ рѣки. Когда увидѣли люди города незнакомаго старца съ Львомъ, то изумились тучности послѣдняго и его великому росту и спросили:

— Кто это такой?

— Это мой невольникъ, сказалъ старикъ.

И повелъ ихъ обоихъ къ царю. Увидѣвъ царь Алія и взглянувъ на его богатырскую наружность, возмѣнилъ намѣреніе купить его за то что бы то ни стало.

— Сколько стоитъ твой невольникъ? спросилъ онъ старика.

— Тысячу «ашраевъ», отвѣчалъ тотъ.

Заплатилъ царь безъ торгу спрощенную сумму и остался у него Алія, а старикъ, получивъ деньги, вернулся въ Медину и уплатилъ долгъ еврею.

Призвалъ однажды царь Алія и сказалъ ему:

— Рабъ мой Алія, хорошо бы было, если бы ты сразился съ дракономъ, который живетъ подлѣ нашего города и опустошаетъ окрестности. Ты силенъ и могучъ, можешь быть тебѣ удастся одолѣть его.

Взялъ Алія свой мечъ Зулъенкаръ и пошелъ за городъ къ жилищу дракона, держа передъ собой обѣими руками поднятый кверху обнаженный мечъ. Увидѣвъ его драконъ, поднялся съ мѣста, выступилъ противъ Алія, раскрывъ свою громадную пасть, и съ страшной силой сталъ втягивать въ себя воздухъ. Попалъ Алія въ это воздушное теченіе и какъ перо полетѣлъ во внутренность «аждахра», по пути разрѣзавъ ему остриемъ Зулъенкара горло и желудокъ, отчего онъ и издохъ. Свѣтѣйшій же Алія, почувнясь во внутренности дракона, прорубилъ оттуда себѣ выходъ наружу и съ торжествомъ явился въ городъ, избавивъ такимъ образомъ населеніе отъ страшнаго чудовища. Щедро одарилъ царь своего раба за такой подвигъ.

Прошло нѣсколько времени, опять призываетъ царь Барбаръ Алія и говоритъ ему:

⁴⁾ Золотая индійская монета стоимостью около 14 рублей на наши деньги.

лѣски, зеленѣютъ сады, золотятся посѣвы ячменя и пшеницы и бѣлѣютъ хижинѣ друтихъ кшлаковъ.

Довольно «замысловатая» дорога въ Каган-Хумъ вдоль праваго берега Панджа можетъ назваться известнаго рода по-

— О, Алій, ты сдѣлалъ великое дѣло, котораго я никогда не забуду: ты убилъ дракона. Попробуй совершить еще одинъ подвигъ и я тебя освобожу совсѣмъ: отведи воды рѣки въ другое мѣсто. Я дамъ тебѣ въ помощь тысячу слугъ.

И пошелъ святѣйшій Алій съ тысячею царскихъ слугъ за городъ къ рѣкѣ; дойдя до берега, онъ отпустилъ ихъ всѣхъ домой. Понявъ всѣ слуги царя назадъ, лишь одинъ остался, который незаметно спрятался за дерево и сталъ наблюдать, что сдѣлаетъ Алій. И выдѣлъ этотъ царскій невольничекъ, какъ сталъ Алій на колѣни и вознесъ Богу горячую молитву о

Аму-Дарья въ равнинѣ (у кшла. Сарай).

благополучномъ исходѣ возложеннаго на него порученія. Потомъ всталъ, схватилъ свой мечъ Зульенкаръ и съ страшною силой ударилъ имъ по одной изъ горъ, которая тянулась вдоль берега повыше города. Распалась гора на двѣ части и воды рѣки съ страшнымъ шумомъ устремились въ эту расщелину, но въ это время половина горы обрушилась и завалила вновь образовавшійся проходъ, полное потопленіе грозило всей окрестности. Но Алій, Левъ Господень, не смутившись этимъ, протянулъ свою могучую руку и вытянулъми пятью пальцами ея прощель въ скалу, преградившую ходъ водамъ рѣки. Отъ этого въ пятю образовавшихся отверстіяхъ въ горѣ пятью ручьями потекла рѣка. Отсюда и произошло самое названіе ея *Панджа*, что значитъ *пятьерка*, по пяти пятернямъ Алія, Льва Господня.

Въ нижнемъ своемъ теченіи, послѣ принятія справа и слева многочисленныхъ притоковъ, Панджа становится большою и широкою рѣкою, почему живущіе тамъ полукочевые и кочевые туркмены и узбеки различныхъ племенъ называютъ его *Ами-Дарья*, т. е. великая рѣка, такъ какъ слово *ами* по-туркменски и узбекски означаетъ *великій, огромный*, а также—*смѣлѣе*. Вѣроятно, это названіе вначалѣ было всеобщимъ, но многія племена,

двигомъ, такъ какъ *Дарья* здѣсь представляетъ мрачную и малоприятную мѣстность. Дорога здѣсь идетъ мудреными

отличающіяся грубыми выговоромъ, искажилъ это слово въ общеупотребительное *Ами-Дарья*, *Ами-дарья* и даже *Ами-Дарья*. Подъ такими названіями Панджа известенъ у большинства туркменъ и узбековъ въ нижнемъ теченіи. Говорятъ, что въ далекую старину его теченіе было не тамъ, гдѣ теперь. Эта рѣка протекала чрезъ то мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ Бухара, и тамъ, гдѣ теперь находится мечеть Могакъ*, былъ страшный водоворотъ, причинившій окрестнымъ жителямъ не мало заботъ и беспокойствъ. Отсюда *Ами-Дарья* шла къ Ургенчу и сливалась по близости его съ *Сыр-Дарьею*. Но теченіе *Ами-Дарья* измѣнилось по случаю того, что пророкъ Хизръ, прийдя въ Бухару и видя водоворотъ, ревъ и шумъ котораго пугали людей, отправился вверхъ по рѣкѣ, непрестанно молясь Богу, чтобы Онъ отвелъ рѣку въ другое мѣсто, и Аллахъ услышалъ молитву святого: приказалъ рѣкѣ идти по тому пути, которымъ она сейчасъ течетъ, т. е. на Керки, Чарджуя и т. д.

Какъ бы въ подтвержденіе словъ почтеннаго Саид-Махрам-Бека о названіи «*Ами-Дарья*» намъ самимъ пришлось услышать это слово впервые въ кшлакѣ Сайодъ, въ Кулябской провинціи, въ равнинѣ Бухарѣ, на границахъ Афганстана.

Случайно въ разговорѣ съ узбекомъ, подававшимъ намъ чай, мы спросили его, указывая на рѣку:

— Какъ называются эти воды?

— *Ами-Дарья*, отвѣчалъ узбекъ и въ видѣ поясненія тутъ же добавилъ: «*катъ-дарья*» т. е. большая, громадная рѣка.

И во время дальнѣйшаго путешествія по равнинѣ Бухарѣ, желая проверить справедливость вышеприведенныхъ объясненій, мы неоднократно разспрашивали при случайныхъ нашихъ встрѣчахъ узбековъ и туркменъ разныхъ родовъ, какъ они называютъ рѣку, на берегахъ которой живутъ, и всегда отъ всѣхъ слышалъ одно названіе «*Ами-Дарья*», конечно и въ словѣ *ами* отбрасывалось для сокращенія. Когда же спрашивали, что значитъ *ами*, то узбеки и туркмены поясняли, что это слово (при чемъ отдѣльно взятое произносили полнотью, *ами*) значитъ *великій—великій, огромный*.

Повидимому, старо-персидскія *аму* и *амуй* (آمود, آموی) оба въ значеніи *великій, переполненный до краевъ, многоводный, великій* (о рѣкѣ)—были общеупотребительными названіями древняго Окса

(тадж. *Аму-Дарья, Амуй-Дарья*, или *Дарья-Аму, Дарья-Амуй*; а то и просто *Аму, Амуй*) (перс. *Аму, Дарья, Амуй, Дарья*, или *Дарья-Аму, Дарья-Амуй*).

среди иранскаго населенія, жившаго по его берегамъ; нахлынувшія же на Приаму-дарьянскіе оазисы орды кочевниковъ тюрко-монгольскаго происхожденія не дали рѣкѣ своего названія, а оставилъ прежнее персидское, немного лишь измѣнивъ его (*Ами, Ам, Амъ, Амб*).

Хотя есть и другая версія относительно происхожденія названія «*Аму-Дарья*»: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ лучшихъ персидскихъ словаряхъ (какъ, наприм., въ Борханэ-Катэ и Фірхангэ-Джехангирі) на ряду съ вышеприведенными названіями Окса (*Аму, Амуй*), говорится также, что названіе «*Аму*» рѣка получила отъ города *Аму* или *Амуй*, находящагося на ея берегахъ. Грамматически же слово *аму* или *амуй* означаетъ повелительное наклоненіе и основу глагола *амудан* наполнять, дѣлать полнымъ (о жидкости); б. украшенными; сибшать.

اموی بسکون پای حطی نام شهرست برکنار جرمون وجیحون مشوب آبشهرست
ویمعتی برکردن و مسلو ساختن و امر باینعتی وقاعل هم آمده است

(Борханэ-Катэ, изд. въ Лукиновѣ 1888/1305 г., т. I, стр. 44).

امو رود خانه ایست معروف که میان ایران و توران واقع است گویند ابی است
امو نام که این رود خانه بنام آن دیه موسوم شده باشد

(Фірхангэ-Джехангирі, изд. въ Лукиновѣ 1876/1293 г., т. I, стр. 81).

* Эта мечеть подземная. По преданію, въ нее спускались для молитвы первые мусульмане, а по другой версіи—послѣдніе послѣдователи учителя Зороастра.

зигзагами, извиваясь по карнизамъ и въступамъ скалистаго берега рѣки, порою пролегалъ по навѣсамъ, устроеннымъ изъ сухихъ вѣтвей, листьевъ, камней и земли, которіе наложены на ряды толстыхъ колебъ, воткнутыхъ въ разѣлины скалъ подчасъ на головокружительной высотѣ. Часто при одномъ только прикосновеніи конскаго колѣнта подобный балконъ все содрогается и вотъ-вотъ, думается, оборвется и полетитъ внизъ, унося за собою и коня, и сѣдока. Кончается такой ходенемъ-ходящій навѣсъ, тянущійся на нѣскольکو сажень, и дорога лѣзетъ вверхъ. Лошадь напрягается изо всѣхъ силъ и карабкается въ висъ, упираясь колѣнтами за острѣе камни тропинки. Иногда путь вѣтса, какъ винтовая лѣстница: бѣдущій впереди пробирается како разъ надъ головой, задніе движутся внизу, подъ ногами лошадей. Приподнявшись на стременахъ и заглянувъ внизъ, видишь, какъ отсвѣчивающейся узкой полосой бѣгутъ тамъ темія вода Панджа, да едва замѣтной тонкой змѣйкой вѣтса прибрежная тропа на афганскомъ берегу.

Съ гребней громадныхъ осипей, вдоль которыхъ иногда пролегалъ дорога, часто рушатся внизъ большіе и малкіе камни, грозя путнику не малою опасностью, и идущіе впереди проводники - туземцы въ такихъ мѣстахъ пугливо посматриваютъ вверхъ и торопятъ бхатъ какъ можно бѣстрѣе. Какъ-то инстинктивно чувствуютъ это и лошади: гдѣ позволяетъ дорога — онѣ сами подвигаются впередъ рысью безъ понуканія.

Ближе къ Кал'ан-Хуму (съ кишлака Пошхарвѣ) дорога улучшается, хотя окрестный пейзажъ почти такъ же мало отраденъ, какъ и на пройденномъ пути: тѣ же каменістыя, по большей части голыя скалы, тѣ же бѣдые кишлаки съ преобладающими тутовыми насажденіями и небольшими посѣвами ячменя, пшеницы и хлопчатника. Сплюсь да рядомъ поля, за недостаткомъ удобныхъ мѣсть для земледѣлія вблизи селеній встрѣчаются вдали отъ послѣднихъ на страшной высотѣ. Глядя на такіе посѣвы, невольно разводилъ руками отъ удивленія: какъ

Что касается употребленія у узбековъ и туркменъ того же слова *амин* (амин) въ значеніи *смаршникъ*, на что указываетъ въ своемъ разсказѣ Махрам-Бекъ, то для обозначенія этого понятія употребляется арабское *амин* — *шотъ, кому доважно, каждый, ерникъ, человекъ*; это слово, въ значеніи *сборника новостей, уполномоченнаго, выборнаго отъ общества*, употребляется, между прочимъ, и туркменами Ахал-Теквинскаго и Тедженскаго оазисовъ Закаспійской области. Вообще, послѣднее *амин* сходно съ первымъ, взятымъ съ персидскаго и употребляемымъ въ значеніи *камина*, только лишь по созвучію.

могъ человекъ взобраться на такую поднебесную висъ и засѣять тамъ эти необычайныя поля, безмолвно говорящія глазамъ и сердцу каждаго проезжаго чужеземца о томъ, что не сладкая доля владѣльца привольныхъ пажитей, а тяжелое безземелье пасвинокъ природы заставило здѣшняго таджика разрабатывать поле на такой высотѣ.

Столица всего Дарваза и вмѣстѣ съ тѣмъ его единственный городъ — *Кал'ан-Хумъ*, или, какъ часто называютъ его мѣстные туземцы, «Дарвозъ». Онъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе разнообразною зеленью своихъ садовъ, съ мелькающими изъ-за нихъ бѣлыми домиками и прелестнымъ видомъ на дальніе кишлаки, разбросанные ниже его по рѣкѣ и вѣше, по горнымъ склонамъ.

Образцовая чистота въ городѣ, столъ не свойственная вообще Востоку, пріятно поражаетъ каждаго забзжаго. Эта опрятность тщательно поддерживается: улицы по нѣскольکو разъ въ день поливаются, мусоръ и всякія нечистоты удаляются, деревья, какъ и вездѣ въ Горной Бухарѣ, заботливо охраняются отъ различныхъ поврежденій и аккуратно поливаются, вслѣдствіе чего въ городѣ масса зелени.

Громадный садъ бѣвшихъ дарвазскихъ хановъ, нынѣ находящійся въ вѣдѣніи мѣстнаго мира, наполенъ старыми виноградниками, исполинскими чинарами, карагачами и всевозможными фруктовыми деревьями. Пріятное впечатлѣніе, производимое имъ, еще болѣе усиливается при видѣ того ухода, которымъ онъ пользуется. Разбитый на части побѣдоносными бухарцами каменный тронъ бѣвшихъ «царственныхъ потомковъ Александра» (*авлѣди-подиш-Искандар*) лежитъ здѣсь у подножья великана-карагача и молча напоминаетъ о суетности человеческой жизни¹⁾. Этотъ садъ извѣстенъ во всей горной Бухарѣ и на

¹⁾ Дарвазъ былъ окончательно покоренъ Бухарою при покойномъ эмирѣ Саид-Музафар-Эдди-Ханѣ. Послѣдній «Искандарилъ», Сиродж-Ханъ, сѣдовзрасый старецъ, былъ привезенъ въ Бухару, гдѣ и умеръ пѣвникомъ. Многочисленные его родственники: братья, сыновья и проч. всѣ почти куда-то безслѣдно исчезли: кто умеръ въ изгнаніи, кто безславно стѣнулъ въ бухарскихъ клоповникахъ. Нынѣ въ живыхъ находятъ лишь четыре сына Сиродж-Хана и его братъ Мачиуд-Ханъ. Послѣдній съ двумя своими племянниками бѣжалъ въ Кабуль и послѣднее время состоялъ великимъ эзиремъ у Абдур-Рахман-Хана; его племянники занимаютъ въ Афганистанѣ тоже какія-то придворныя должности. Два другихъ сына Сиродж-Хана бѣжали къ русскимъ и теперь живутъ въ Кокандѣ, получая отъ русскаго правительства пенсію (?).

Всѣ эти свѣдѣнія получены нами въ Дарвазѣ отъ мѣстныхъ туземцевъ и нѣкоторыхъ

зывается туземцами не иначе, какъ «Прямъ», т. е. райскій садъ¹⁾.

Кал'ан-Хумъ очень невеликъ: въ немъ едва ли наберется тысячи полторы жителей. Широкая, прямая улица его застроена маленькими глинобитными выстроенными постройками. Крытые базары въ центрѣ города, обычная принадлежность почти каждаго восточнаго города, здѣсь отсутствуютъ, а торгуютъ на всѣхъ почти улицахъ, при чемъ и лавки и товары крайне убоги: въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, висятъ пять-шесть побетеекъ, въ другомъ—лежатъ куски два-три дешеваго русскаго или англійскаго ситца и толъко.

Рядъ низкихъ, замѣчательно чистыхъ казармъ²⁾ съ цвѣтниками передъ ними и ярко вычищенными дулами ружей въ козлахъ служитъ приятнымъ дополненіемъ къ окружающей опрятности.

Памятниковъ независимаго Дарваза въ Кал'ан-Хумъ почти не сохранилось. Дворецъ мира—глинобитная крѣпость—внутри подвергся существенному ремонту и заново перестроенъ лѣтъ двадцать тому назадъ, какъ гласитъ вѣриваній по-персидски на одной изъ дверей тарихъ (дата). Городская мечеть съ бронзовой люстрой въ ней при насъ подвергалась капитальной перестройкѣ. Единственное, что осталось, это упомянутый старинный садъ съ разбитымъ царскимъ трономъ да извѣстныя каменныя чаши.

О послѣднихъ слѣдуетъ сказать поподробнѣе, такъ какъ городъ отъ нихъ и получилъ свое названіе (Кал'ан-Хумъ или Кал'ан-Хумъ въ переводѣ съ персидскаго значитъ «крѣпость чаши, горшка»³⁾, да къ тому же въ нѣкоторыхъ описаніяхъ путешествій по Дарвазу почти всегда упоминается объ этихъ достопримѣчательностяхъ Кал'ан-Хума.

бухарскихъ чиновниковъ, съ которыми приходилось встрѣчаться во время путешествія. Насколько все это достоверно, сказать не берусь.

¹⁾ Въ персидской литературѣ слово *рай* употребляется въ значеніи рая вообще. Въ арабскомъ же языкѣ *рай* (رَّي) означаетъ имя области, обитаемой племенемъ Адъ, которое Богъ истребилъ за беззаконія.

²⁾ Въ Кал'ан-Хумѣ находится бухарскій гарнизонъ, мѣняемый черезъ каждые два года, на противоположномъ же берегу Панджа, въ крѣпости, стоитъ афганскій отрядъ. Вечерами военная музыка бухарскихъ и афганскихъ войскъ безпрерывно раздается то на томъ, то на другомъ берегу.

³⁾ *Кал'ан* (قال) по-арабски — крѣпость; *хум*, *хумб* или *хон*, *хонб* (خوم) по-персидски — большая чаша, горшокъ, большой сосудъ вообще.

Чаши находятся въ концѣ той улицы, гдѣ стоятъ казармы, на берегу рѣчки Кал'ан-Хумъ, впадающей въ Панджъ. Обѣ сдѣланы изъ цѣльнаго камня, каждая въ диаметръ имѣетъ аршина полтора-два, въ глубину — поларшина. Одна чаша съ отколо-тымъ краемъ лежитъ на улицѣ, а другая—въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ первой задѣлана въ уголъ каменной ограды чьего-то сада, такъ что виденъ одинъ лишь ея край.

Мѣстныя ученые муллы, мирзы¹⁾ и миръ говорятъ, что эти чаши сдѣланы руками дэвовъ по повелѣнію Александра Македонскаго, бывшаго здѣсь во время своихъ азиатскихъ завоеваній. Возможно, что прежніе ханы независимаго Дарваза, считая себя потомками Великаго Македонца, хотѣли видѣть въ этихъ посудинахъ памятникъ могущества ихъ славнаго предка и потому создали эту легенду, до нынѣ повторяемую мѣстными привилегированными мусульманами. Со словъ же послѣднихъ, повидимому, передавали ее и нѣкоторые путешественники, заглядывавшіе въ городъ.

Среди простого же народа существуетъ объ этихъ, во всякомъ случаѣ почтенной старинѣ, памятникахъ преданіе, что они сдѣланы лѣтъ 200 тому назадъ однимъ выходящимъ изъ Кашгара, чтобы толочь и растворять въ нихъ различныя краски для

Въ долигѣ р. Ях-Су. (Отдыхъ каравана).

¹⁾ Мирзы—писецъ, секретарь.

окрашивания хлопчатобумажных тканей, и что этот кашгарец впервые научил подобному искусству дарвазцев. Этот рассказ передавала нам цылая толпа местных таджиков, собравшихся под чашью, когда мы их осматривали. Нам кажется, что хотя это и менее поэтично, чем легенда о Джахе и Александрѣ, но за то гораздо правдоподобнее, тем более, что эта часть Дарваза (по Панджу) славится по всей Горной Бухарѣ своими цвѣтными хлопчатобумажными тканями.

Далѣе за Каган-Хумомъ, внизъ по Панджу, горы начинаютъ замѣтно понижаться, перевалы не такъ высоки (не выше 11/2 футовъ) и удобопроходимы, пути сообщенія легки.

Верстахъ въ 40—50 отъ Каган-Хума чрезъ невысокій перевалъ Тальбаръ пролегаетъ главный путь, связующій Дарвазъ съ низменностью. Онъ идетъ по широкой, мало привлекательной долине р. Ях-Су¹⁾, прорѣвшей себѣ ложе въ большихъ наносахъ разрушенныхъ горныхъ породъ. Дно этой долины очень каменисто и мѣстами лишь покрыто растительностью. Окружающія горы невысоки и скорѣе напоминаютъ холмы, боковыя долины очень узки. Самая рѣка, начиная съ верховьевъ, долго тянется по долине въ видѣ скуднаго ручейка, лишь ближе къ выходу изъ долины она становится больше и бѣжитъ уже широкимъ потокомъ. Чемъ далѣе внизъ, темъ горы все болѣе и болѣе понижаются, пока окончательно не исчезнутъ въ *Равнинной Бухарѣ*.

¹⁾ Или, какъ называютъ ее туземцы, «Еги-Су», т. е. *два арканъ* въ переводѣ съ узбекскаго. Населяющіе эту долину арабы племени «Курайшъ» объяснили намъ, что во время шествія тюрокъ на Приаму-дарьинскіе оазисы они были отгнаны въ долину Ях-Су, гдѣ долгое время оказывали тюлкамъ упорное сопротивление, почему послѣдніе и назвали будто-бы эту рѣку «Еги-Су».

Глава II.

Горные таджики.

Туземцы, населяющіе описанныя нами горныя области, называютъ своихъ предковъ однимъ общимъ именемъ «оташ-паратъ», т. е. огнепоклонники, читатели огня, и въ горныхъ кишлакахъ повнѣ еще можно услыхать, какъ воспоминаніе о невозвратной сѣдой старинѣ, имя древняго пророка Зардустра или Зардушта, смотря по произношенію, и повнѣ еще тамъ рассказываются легенды о всемогущихъ мудрыхъ *мугъахъ*, священнослужителяхъ чистѣйшей изъ стихій, огня.

А такъ какъ религія Зороастра возродилась среди иранцевъ и была религіей, насколько извѣстно, по преимуществу иранскихъ племенъ, то едва ли мы ошибемся, если признаемъ настоящихъ обитателей упомянутыхъ странъ за иранцевъ. Въ этомъ, кромѣ того, насъ убѣждаетъ и ихъ языкъ, болѣе старый, чемъ тотъ, которымъ говорятъ современные персы, отличающійся отъ послѣдняго особыми произношеніемъ и очень многими архаичными формами.

Къ сожалѣнію, ни письменные памятники, ни устные преданія не говорятъ намъ, были ли туземцы первыми заселенниками этихъ горъ, или же при переселеніи сюда они нашли ихъ обитаемыми какимъ-либо народомъ.

Всѣ преданія туземцевъ относительно переселенія ихъ въ горы сводятся къ тому, что они пришли съ равнинъ древней Согдианы и Бактрианы, т. е. съ современныхъ Приаму-дарьинскихъ оазисовъ. Именно, всѣ туземцы Зарафшана, Каратегина и отчасти Дарваза говорятъ, что ихъ предки пришли сюда то изъ

под Самаркандом, то из Бухары, по всему же Дарвазу единогласно повторяется молва, что население этой области пришло в горы «с р. Ях-Су, с равнины близ Куляба». Указывается при этом и самый путь переселения. Так, в очень многих кишлаках восточного Дарваза нам передавали, что предки теперешних горцев пришли с р. Хингоба, куда переселились с р. Ях-Су. Обитатели долины Вацжа говорили, что их долина заселена недавно, лет сто тому назад, выходцами с Хингоба. Это переселение, заметим, на Вацж с Хингоба продолжается, вбродно, и до сих пор: нам здесь приходилось встречать много туземцев, которые родились в долине Хингоба и недавно переселились на Вацж. Туземцы Дарваза по Пянджу передавали, что их отцы заселили правый берег реки, когда левый был занят, и пришли сюда из долины Хингоба, туда же переселились с Ях-Су. Предания о переселениях с Ях-Су встречаются местами и по кишлакам Каратегина.

Но едва ли мы ошибемся, если признаем, что долина Ях-Су, играющая такую видную роль в переселениях горцев, была только широкой и удобной дорогой, соединявшей низменность с горными странами, а не первоначальным исконным отечеством переселенцев. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что собственно не долина р. Ях-Су упоминается в народных преданиях, а р. Ях-Су вообще; это иногда как бы поясняется словами: «с равнины близ Куляба». Речь идет, очевидно, не только о долине Ях-Су, а о всей низменности, по которой течет Ях-Су, подразумевается вся обширная Кулябская провинция в Равнинной Бухаре, весь Хотан в восточных писателях.

Чем было вызвано это переселение — по этому поводу можно только строить догадки. Возможно, что в горы уходили различные беглецы, спасавшиеся от нашествий «туранцев», то от неудержимого потока арабских завоевателей, то от меча монголов и, наконец, можно допустить, что сюда бегали очень многие изстрадавшиеся и измученные в непрестанных войнах различных Тимуридов, Шейбанидов и прочих без покойных владельцев Маверан-Нахра.

Все население горных областей в верховьях Окса, также как и иранское население Равнинной Бухары, называет себя *таджиками*. Что значит это слово, об этом, кажется, ни-

чего достоверного и определенного до сих пор не сказано. Хотя привести здесь предположения некоторых ориенталистов и путешественников на этот счет вообще не мешает.

Так, А. Вамбери в своих «Очерках Средней Азии»¹⁾ говорит о бухарских таджиках, что если они когда указывают желание чем-нибудь похвалиться, то обыкновенно с гордостью указывают на свое арабское происхождение²⁾, но тут же делает оговорку, что «неосновательность этого утверждения уже доказана Ханниковым» и приводит мнение последнего по этому поводу.

Именно, покойный Ханников в своих «Mémoires sur l'ethnographie de la Perse»³⁾ производит слово *таджик* от слова *тадж*, что значит корона, а также головной убор огнепоклонников, который до сих пор носят гебры. Поэтому *таджик*, по его мнению, есть название, которое мусульмане, во времена завоевания персидского царства, дали последователям Зороастра, а может быть последние и сами называли себя так. На гузварешском же языке слово *таджик* или *тазик* и персидское *тази*, означающее араба, не имеет с первым ничего общего.

Обычное филологическое толкование слова *таджик* производят последнее от слова *тай* (طى), означающего название арабского племени, жившего во времена Сассанидов рядом с персами. Последние называли представителей этого племени *таджиками*. Позднейшая форма окончания этого слова находится, например, в слове *Рейзей* (ری زی), уроженец, житель города Рея. Это *зей* (زی) соответствует древнему *джик*. Во времена же арабских завоеваний персы стали называть арабов и вообще всех мусульман *таджиками*.

В толковом словаре персидского языка «Семь Морей» (هفت قلم) ⁴⁾ слово *таджек*, *тазик* и *тазек* (تازک, تازک, تازک) означает каждого, не принадлежащего к тюркской и арабской на-

¹⁾ Изд. 1868 г. Москва.

²⁾ Т. е. Вамбери имеет в виду, что таджики Бухары производят свое название от слова *тадж*, что по-персидски значит араб.

³⁾ Изд. 1866 г. Париж.

⁴⁾ Изд. в 1230 г. Хиджры. Лукнов (Индия). В 7 томах.

циональностямъ. Кромѣ того, этимъ словомъ обозначаются также тѣ потомки арабовъ, кои родились и выросли въ Персіи.

Тоже самое объясненіе слова *таджик* или *тазек* находимъ въ другомъ словарѣ персидскаго языка, «Борханъ-Катэ». По словарю же «Фархангъ-Джехангири» таджиками называются всѣ, кромѣ тюрокъ¹⁾.

А. Будаговъ въ своемъ «Сравнительномъ словарѣ турецко-татарскихъ нарѣчій»²⁾, на ряду съ другими толкованіями этого слова, говоритъ, что слово *таджик* (تاجیک или تازیک) есть уменьшительное отъ *тадж*, корона, вѣнецъ. Это названіе давалось древними турками и монголами всѣмъ мусульманамъ, жившимъ на ихъ земляхъ, исключая соотечественниковъ, т.-е. иностранцамъ, жившимъ въ городахъ и деревняхъ, но не принадлежавшимъ къ колымъномадовъ; въ особенности же такъ называли персіанъ, цари которыхъ носятъ корону (персіане въ прежнее время носили, и теперь дервиши носятъ, островерхіе колпаки въ видѣ короны).

Наконецъ, древними армянскими писателями словомъ *тачик* обозначались аравитяне и вообще мусульмане, а *тачкастаномъ* (т.-е. страной тачиковъ) назывались Аравія и Азіатская Турція³⁾.

И понѣмъ еще словомъ *таджик* армяне Западной Азіи называютъ мусульманъ, но только между собою, по секрету, какъ бы въ насмѣшку⁴⁾.

Кромѣ того, словомъ *тачик* нѣкоторые изъ мало-азійскихъ тюрокъ (лично намъ по крайней мѣрѣ приходилось это слышать

¹⁾ Въ словарѣ «Семь Морей» (т. I, стр. 226) подъ словами تازیک، تازک، تازیک читаемъ слѣдующее:

تاجیک بفتح اول پالف کشیده و سر جیم و سکون کاف خلف تاجیک است و تاجیک غیر عرب و ترک را گویند و در اصل یعنی اولاد عرب است که در مجم بزرگ شده و برآمده باشد -
تازک بفتح اول پالف کشیده و سر زای هموز و کاف زده خلف تازیک است و تازیک اولاد عرب را گویند که در مجم زائیده و بزرگ شده باشد -
تازیک بفتح اول پالف کشیده و سر زای هموز بفتحة تحتانی رسیده و کاف زده و تازیک برای پارسی یعنی تاجیک آمده که غیر عرب و ترک باشد و فرزند عرب در مجم زائیده شده و برآمده را نیز گویند -

Совершено то же самое объясненіе словъ تازیک، تازک، تازیک находимъ въ «Борханъ-Катэ» (т. I, стр. 255—257). Въ «Фархангъ-Джехангири» (т. I, стр. 125) значится:

تازک یا تازیک منقوطه مکسور غیر ترک را گویند و آنرا تاجیک نیز خوانند -

²⁾ Томъ I, стр. 330.

³⁾ См. «Исторію Арменія Моисея Хоренскаго», перев. Н. О. Эмман. Изд. 1893 г., Москва, стр. 124 текста и стр. 264, примѣчаніе 309.

⁴⁾ См. А. Ваибери «Очерки Средней Азіи», стр. 321.

отъ трапезундскихъ тюрокъ) называютъ ренегатовъ изъ христіанъ, принявшихъ мусульманство.

Слова *сарт* и *галъча*¹⁾, обозначающія въ равнинахъ тѣ или другія народности и столѣ часто встрѣчающіяся въ различныхъ сочиненіяхъ о Туркестанѣ, въ горахъ неизвѣстны. Кромѣ, какъ таджикомъ, горець себя иначе не называетъ.

Раздѣлений на племена, которія существуютъ, напримѣръ, у тюрокъ, афганцевъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, у горныхъ таджиковъ, повидимому, совершенно нѣтъ. Правда, намъ пришлось слышать во кишлакѣ Ялучъ (у перевала того же имени изъ долины Сурхоба въ долину Хингоба), что мѣстныя таджики называли себя «таджиками-чагатай», причемъ прибавляли, что весь Дарвазъ населенъ ими. Дѣйствительно, потомъ привелось это названіе раза два-три услышать еще въ нѣкоторыхъ кишлакахъ за Ялучемъ къ Дарвазу. Кромѣ того, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ по Туркестану (наприм. проф. Яворскаго, г. Барщевскаго и друг.), во многихъ мѣстахъ Зарафшанскихъ горъ мѣстныя таджики будто бы называютъ себя «македонъ», считая себя потомками оставшихся здѣсь войскъ Александра Македонскаго. Хотя лично намъ во время нашей поѣздки по Зарафшанскимъ горамъ справедливость этого по-

¹⁾ Сартами называютъ все вообще остальное населеніе Средней Азіи. Это названіе особенно распространено среди русскихъ, живущихъ въ край. Каждого туземца, будь то таджикъ или узбекъ, русскій безъ разбора называетъ сартомъ. Киргизы зовутъ сартами всѣхъ тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые бросили кочевой образъ жизни и стали заниматься земледѣіемъ на ряду съ остальными таджиками и узбеками, которые у киргизовъ тоже сарты. Остальные же узбеки сартами называютъ сѣвннское таджико-тюркское населеніе нѣкоторыхъ мѣстъ средней Азіи (наприм. Хивы, Ферганы и друг.), которое говоритъ тюркскимъ языкомъ съ громадною примѣсью персидскихъ словъ. У кочевыхъ узбековъ слово *сарт*, повидимому, имѣетъ другое значеніе. Помню, намъ пришлось однажды вечеромъ возвратиться съ развалинъ Термеса въ Патта-Хисаръ вдвоемъ съ узбеккомъ-кочевникомъ изъ племени Дурманъ. Случайно въ разговорѣ пришлось его спросить, знаетъ ли онъ по-таджикски? Узбекъ отвѣчалъ, что онъ *сартъ*. Когда я его попросилъ объяснить, что это значитъ, онъ отвѣтилъ мнѣ дословно слѣдующее: «сартъ по-узбекски означаетъ того человека, который никакого другого языка, кромѣ своего родного, не знаетъ (*сартъ узбекча мул кимшидики не ималдики башки лич бир имал бильмиди*)».

Галъче» называютъ преимущественно горожане Самарканда и Бухары, а также и другихъ городовъ равнины, всѣхъ вообще горныхъ таджиковъ.

Значеніе слова галъча до сихъ поръ, кажется, не выяснено. Объясненіе Реклю (по Федченку, Ujalvu и Vule), что это слово значитъ «несчастные вороны» (*corbeau familiale*) довольно подозрительно... По вышеупомянутому словарю «Семь Морей» староперсидское слово *галъча* (گالچا) значитъ: мужикъ, носилникъ; *трабикъ*, *забудина* (یعنی روستائی و ارباب و رند آمده) (Т. 4-й, стр. 32-я). То же самое читаемъ и въ вышеозначенныхъ словаряхъ: «Борханъ-Катэ» и «Фархангъ-Джехангири».

казанія не удалось подтвердить, несмотря на всевозможные разспросы, но, во всякомъ случаѣ, названія «чагатай»¹⁾ и «македонъ» суть названія единичныя, не встрѣчаемыя въ прочихъ мѣстахъ горныхъ областей; на основаніи ихъ предполагать о дѣленіяхъ на племена было бы довольно рискованно. Подобныя названія отдельныхъ общинъ скорѣе указываютъ на то, что кромѣ иранцевъ въ мѣстныхъ горахъ укрылись еще и другія народности, потомки которыхъ своими прозвищами, присоеди-

няемыми къ общему имени всего населенія горъ, «таджики», намекаютъ на нѣкогда здѣсь господствовавшую обособленность иноземщины.

Преобладающими внѣшними признаками горныхъ таджиковъ служатъ: средній ростъ, крѣпкое тѣлосложение безъ особенной худобы и толщины, руки и ноги мускулистыя, сильныя, глаза сѣрые или каріе, темнорусые волосы на бородѣ, усахъ и головѣ, носъ прямой или съ едва замѣтной горбиной, губы умѣренной толщины и умѣренно окрашенныя, кисти рукъ пропорціональны росту, ступни ногъ также. На ряду съ этимъ очень много встрѣчается туземцевъ чисто

семитическаго типа. Особенно въ Зарафшанскихъ горахъ, Каратегинѣ и въ низовьяхъ долины Хингоба много кишлаковъ, въ которыхъ замѣчается большое обиліе арабскихъ и еврейскихъ физіономій. Тѣ же крючковатые или прямые носы, изогнутыя брови, подчасъ глубоко сидящіе глаза, подернутые какимъ-то маслянымъ блескомъ, густые черные волосы на головѣ, въ бородѣ и усахъ. Часто встрѣчаются волнистыя, густыя

¹⁾ Чагатай или Джаматай было, собственно, имя сына Чингиз-Хана, управлявшаго Среднею Азіей съ 1222 г. по 1241 годъ отъ Р. Х. Джаматайскимъ въ восточной и европейской литературѣ и понынь называется нарѣчіе средне-азиатскихъ узбековъ.

Вамбери въ своей «Исторіи Бухары» (Т. II-я, стр. 4-я) говоритъ, что прежде поль именемъ чагатай подразумевался оседлый, такъ сказать, образованный турокъ Трансоксаніи

Тыпъ каратегинца.

Тыпъ дарахскихъ таджиковъ (снимокъ въ долине р. Ошан-Хинговъ).

бороды, начинающіяся прямо съ висковъ, какъ традиціонныя пейсы сыновъ Израиля. Цвѣтъ лица у представителей этого типа смуглый, загаръ лица довольно сильный.

Кромѣ того, въ каждомъ почти кишлакѣ можно встрѣтить нѣсколько человекъ, внѣшность которыхъ рѣзко отличается отъ остальныхъ ихъ соплеменниковъ. У этихъ, при преобладающемъ среднемъ ростѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи, цвѣтъ кожи блѣдный, съ легкимъ румянцемъ, густые волосы на головѣ, бородѣ и усахъ блондныя или рыжіе; носъ и губы умѣренные; глаза голубые, синіе или сѣрые. Эти блонды и рыжеволосые представители мѣстнаго населенія весьма напоминаютъ своими типичными чертами населеніе нашихъ великорусскихъ губерній и германской низменности.

Не мало также встрѣчается и такъ называемыхъ смѣшанныхъ типовъ, среди которыхъ попадаются личности то высокаго роста, то совсѣмъ низкаго, при этомъ разноглазье (по цвѣту глазъ) и разноволосье, т. е. волосы на головѣ черные, а бороды и усы блондныя, темнорусые или рыжіе, и наоборотъ.

Къ этому типу надо также отнести нѣрѣдко попадающихся субъектовъ съ удивительно облагороженными чертами лица, съ античными профилями, съ шелковистыми мягкими волосами, матовымъ отблескомъ кожи и длинными, суживающимися книзу, пальцами рукъ.

Красною нитью проходятъ черезъ все разнообразіе типы горныхъ таджиковъ немногочисленные представители одной расовой особенности, отличающейся отъ прочихъ слишкомъ смуглымъ цвѣтомъ тѣла, отливающимъ чернотой, черными, отчасти курчавыми волосами, дикими, сверкающими глазами и выдающимися челюстями съ крупными мясистыми губами. Къ этому еще слѣдуетъ добавить низкій лобъ, широкій, какъ бы приплюснутый носъ, тяжелое, угловатое тѣлосложеніе, повидимому не особенно крѣпкое, скорѣе слабое и хилое.

Ко всемъ перечисленнымъ внѣшнимъ признакамъ слѣдуетъ добавить еще полнѣйшее отсутствіе тучности.

Улитаннаго, раздобрѣшаго горца-таджика не встрѣтишь, хотя съ другой стороны не увидишь и той чрезмѣрной худобы, которой надѣлены очень многіе персіане.

У этихъ по большей части невысокихъ, но крѣпко сложенныхъ людей нѣтъ и тѣхъ разнообразныхъ отблесковъ голо-

са, какіе существуютъ у ихъ равнинныхъ соплеменниковъ. Самый характеристичный голосъ горца—невысокій теноръ или баритонъ, голоса же хриплые, звонкіе и пискливые встрѣчаются рѣдко. Басовые густые голоса составляютъ, повидимому, явленіе исключительное: за все время нашей поѣздки по горнымъ кишлакамъ намъ пришлось слышать голоса подобнаго тембра, насколько помнится, только разъ.

При мягкомъ грудномъ голосѣ средней высоты горцу присуща манера медленно говорить и медленно, неспѣшно ходить.

Типы жителей равнины (направо—осѣдлый узбекъ, направо—таджикъ).

Своей спокойной походкой горецъ проходитъ безъ отдыха по нѣсколькимъ десяткамъ верстъ въ день, не чувствуя особенной усталости. Выносливость его въ этомъ случаѣ подчасъ бываетъ поразительна. Пройти верстъ 50 въ день безъ передышки по каменистымъ горнымъ дорогамъ и обрывать для горца самое обыкновенное дѣло.

Помню, какъ въ Зарафшанскихъ горахъ, когда мы были на берегахъ озера Искандер-Куля, къ намъ явился вечеромъ туземецъ изъ кишлака Якка-Хона, по имени Солѣ¹⁾, старшій знако-

¹⁾ Сокращеніе арабскаго *солане* (سولانہ) — праведный).

мвй гр. Бобринскаго по прежней (въ 1895 году) поѣздкѣ на Памиры. Какъ оказалось, онъ въ этотъ же день, на разсвѣтѣ, вѣше.ть изъ своего кишлака и весь утомительный горный путь вдоль стремнинъ, по крутымъ подъемамъ и спускамъ, сдѣлалъ пѣшкомъ, пройдя въ этотъ день версты 80 и на пути переваливъ въ долину р. Пасрудъ черезъ трудно проходимый перевалъ Барцевскаго (на высотѣ 11.700 фут.) подлѣ озера Куш-Калѣнъ. На перевалѣ Соле только разв и отдохнулъ за все время дороги.

Другой случай имѣлъ мѣсто по дорогѣ между озеромъ Искандер-Куль и переваломъ Мура (ведущимъ въ Бухарскія владѣнія).

«МУККИ».

Мы замѣтили шедшаго впереди насъ саженьхъ въ 20 таджика съ двумя тяжелыми стегаными халатами, перекинутыми черезъ плечо, и съ палкой въ рукѣ. Несмотря на то, что наши лошади шли обыкновеннымъ хорошимъ шагомъ, мы его не могли догнать, такъ что онъ дошелъ первымъ до самаго мѣста нашей стоянки. При этомъ оказалось, что это былъ уже немолодой туземецъ лѣтъ пятидесяти.

Добавьте еще ко всему сказанному большую зоркость глазъ, тонкій слухъ, прекрасно развитое

чутбе, и вы получите общій набросокъ горнаго таджика со всѣми типичными внѣшними чертами, такъ рѣзко отличающимися его отъ юркаго, лукаваго и слабосильнаго таджика равнины, однимъ лишь выгодно отличающагося отъ горца,—своимъ щеголеватымъ костюмомъ, который не чета бѣдной и незатѣливой одеждѣ послѣдняго.

На голое тѣло горный таджикъ надѣваетъ длинную бѣлую бумажную рубашку (*курта*), хотя, должны оговориться, въ большинствѣ случаевъ курта носятъ только мѣлвы и, вообще, лица привилегированныя. Почти же весь простой народъ надѣваетъ вмѣсто рубашки прямо на тѣло легкой бѣлой бумажной халатъ (*якта*). Какъ курта, такъ и якта опоясываются грубымъ шерстянымъ поясомъ (*мионбанд* или *фута*). На ноги надѣваются бѣ-

лые штаны (*лозимъ*), которые прячутся въ сапоги (*маси* или *чорук*) грубой мѣстной работы, напоминающіе бахилы нашихъ крестьянъ. Такіе сапоги шьются обыкновенно изъ кожи сурка мѣхомъ вверхъ. Часто вмѣсто маси или чорукъ носятъ и другая обувь: это *мукки* и *кафиш*. Мукки представляютъ собою сапоги, сшитые изъ грубой сиромятной кожи (большею частью изъ воловвей) съ голенищами, доходящими до колѣнъ. Подошвы такихъ сапогъ лодкообразныя, расширяющіяся спереди. Кафишъ—деревянный, на трехъ ножкахъ, туфли, очень похожія на *sabot* французскихъ крестьянъ. Онѣ надѣваются на ногу, уже обутую въ мягкіе чорукы. И чорукы, и мукки обуваютъ на ноги, обернувъ въ портянки (*патак*), навораченныя только на лодыжки, или же обувь надѣвается на пестрые узорчатые шерстяные чулки (*джурѣб*). Портянки носятъ въ Зарафшанѣ и Каратегинѣ, чулки же—въ Дарвазѣ¹⁾.

Поверхъ всего въ холодное время надѣвается толстый шерстяной темносѣрый или черный халатъ (*чапан*, *чаклан*) своего издѣлія. Часто такой халатъ, за неимѣніемъ курта и якта, носится круглый годъ, надѣваясь прямо на голое тѣло.

Рѣдко бритая голова горца покрыва рваной ситцевой тюбетейкой (*макы*), болѣе же зажиточные и степенные наворачиваютъ на голову бумажную или сѣрую шерстяную чалму (*салля*).

Этотъ не слишкомъ затѣливый костюмъ горнаго таджика равно одинаковъ и въ будни, и въ праздники.

Зимнимъ костюмомъ служатъ овчинный или стеганный на ватѣ халатъ, доходящій до колѣнъ и опоясанный поясомъ. Обувь

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что такой способъ обуванія весьма распространенъ въ Средней Азій, Кавказѣ, Персіи и Афганистанѣ. Именно: патаки (*پاتاکی*) носятъ во многихъ мѣстахъ Сѣвернаго Афганистана, составляя необходимую принадлежность костюма мѣстныхъ туземцевъ; кромѣ того, словомъ *патаки* (*پاتاکی*) у азербайджанскихъ тюрковъ и кавказскихъ татаръ обозначаются портянки, обертывающія, какъ наши опучи, всю ступню и голень ноги, а то, что называется у горцевъ-таджиковъ патаками, у названныхъ народностей извѣстно подъ именемъ *дулак* (*دولاک*). Шерстяные узорчатые чулки носятъ чуть ли не по всѣмъ сѣвернымъ склонамъ Хиндукуша, на Кавказѣ и почти во всей Персіи, при чемъ изъ послѣдней страны, именно изъ Хорасана, сбываются и къ приграничнымъ съ Персіей племенамъ туркменъ. Разница между чулками, носимыми собственно въ Персіи и на Кавказѣ и въ Кухистонѣ, та, что персидскіе и кавказскіе чулки едва хватаютъ до половины лодыжекъ, а вторые настолько длинны (особенно шугнанскіе), что достигаютъ выше колѣнъ.

Чорукы или *чаруки*, *чароки* (*چاروق*, *چاروقی*) также носятъ на Кавказѣ и всюду въ Персіи поселяне, при чемъ этими словами тамъ обозначаются сшитыя по большей части изъ сиромятной кожи, безъ твердой подошвы, туфли, которые завязываются на подъемъ ноги тесемками или ремешками. Среди же туркменъ Ахал-Теклинскаго оазиса чаруками называются кожаные сандалии, носимыя бѣднѣйшими людьми.

та же, что и лѣтомъ, остается также и неизмѣнная лѣтняя тюбетейка: голова горда привычна и къ лѣтнему теплу, и къ зимнимъ холодамъ. Лишь при перевалахъ чрезъ горы да на охоту за горивыми козлами, когда въ сибгахъ приходится проводить много времени, туземецъ надѣваетъ широкіе, изъ грубой шерсти, толстые штаны, въ которыя запрятывается халатъ, да теплые обуваетъ ноги.

Одежда женщинъ состоитъ обыкновенно изъ длинной рубашки, при чемъ вороты женскихъ и дѣвичьихъ рубашекъ дѣлаются различно. У первыхъ вороты съ длинными продолговатыми разрѣзомъ, доходящимъ до пояса (чтобы удобнее было кормить дѣтей), а у вторыхъ—круглые глухіе. И тѣ, и другіе оторачиваются шелковыми вшитыми оторочками (*широзі* или *күри-неи*) шириною въ вершокъ или въ полтора. Во многихъ мѣстахъ подобными вшивками обшиваются и рукава дѣвичьихъ рубашекъ; такія нарукавныя оторочки называются «дастманъ». Пожилыя женщины употребляютъ для воротовъ рубашекъ простыя, изъ чернаго шелка, оторочки безъ всякихъ вшивокъ.

На голову молодья женщины и дѣвушки повязываютъ узкія (въ вершокъ) и не длинныя (четверти въ 2—3) вшитыя шелкомъ повязки (*сарбандакъ*). Подобная повязка накладывается на волосы, концы же ея подхватываются подъ косу и завязываются. Въмѣсто чадры служитъ головная повязка (*ил.лягіі-лати-си-сар* или *дороі*) въ аршинъ шириною и аршина два-три въ длину. Больше зажиточныя имѣютъ шелковыя повязки, сшитыя изъ трехъ полотницъ, соединенныхъ тонкой ажурной прошивкой. Цвѣта подобныя покрывала различны: у пожилыхъ—темныя, у молодыхъ—красныя, бордо и желтыя. Женщины изъ зажиточныхъ семей въ праздники и въ особо торжественныхъ случаяхъ для закрыванія лицъ употребляютъ особые покрывала (*чаибан* или *рубан*), расшитые шелками по бумажной матеріи. Эта принадлежность женскаго костюма представляетъ четырехугольный продолговатый платокъ (вершковъ 8 въ длину) съ мелкими дырочками надъ глазами и съ двумя шелковыми шнурами съ кистями вверху для обвязыванія ими головы. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что подобныя лицевыя покрывала нынѣ не въ такомъ ходу: прежде, по словамъ туземцевъ, ихъ носили больше¹⁾.

¹⁾ Желаящихъ познакомиться съ весьма любопытною и заслуживающею серьезнаго вниманія орнаментациею мѣстныхъ женскихъ покрывалъ, чулокъ и различныхъ вшивокъ,

Бѣлые или красныя бумажныя штаны (*избр*), суживающіеся книзу, — также неизбежная принадлежность туалета туземной женщины.

Обуви лѣтомъ—никакой, такъ какъ почти всю жизнь таджикка проводитъ въ родномъ кишлакѣ, а если и бываетъ нужно посѣтить сосѣдній кишлакъ, то дѣлаетъ это она не пѣшкомъ, а верхомъ на ослѣ. Зимой же, при выходѣ изъ дома, обуваются либо мукки, либо чорукки.

Если ко всему описанному прибавить, что женщины состоятельныхъ семей украшаютъ себя ожерельями (*садаф*) изъ раковинъ и бусъ, мѣдными и серебряными серьгами (*сушшор*), перстнями (*ангыштарин*) и запястьями (*дастбан*), то понятие о костюмѣ туземной женщины будетъ полное.

Ни мази, ни духи, ни какія-либо вообще косметическія принадлежности совершенно неизвѣстны. При разспросахъ объ этомъ горцы вопросительно поглядывали другъ на друга, очевидно не понимая, что это за вещи. Разъ только въ кишлакѣ Пасрудъ, въ Зарафшанскихъ горахъ, одинъ изъ туземцевъ, служившій джигитомъ¹⁾ у старшины, оказался знающимъ, что такое духи.

— А, это я знаю, замѣтилъ онъ, о чемъ вы спрашиваете. Такую вещь привозилъ старшина для своей жены изъ Самарканда.

Лишь одна хена (*Balsamina hortensis*) находитъ здѣсь, какъ и въ Иранѣ, примѣненіе. Всѣ горцы красятъ ею въ день Нау-Руза²⁾ ногти рукъ и ногъ: во многихъ мѣстахъ эту операцію продѣлываютъ и въ другіе праздники, при чемъ часто красятъ и концы пальцевъ, и подошвы ногъ, и ладони рукъ. Это-де дѣлаетъ ногти и кожу крѣпкими и блестящими. Волосы же на головѣ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, хеною, обыкновенно, не красятся. Лишь головки дѣтей повидимому часто умащаются ею, судя по тому, что рѣдко встрѣтишь въ толпѣ играющихъ мальчонекъ такихъ, у которыхъ волосы не отливали бы характернымъ краснымъ цвѣтомъ.

отсылаемъ къ прекрасному труду гр. А. А. Бобринскаго «Орнаментъ Горныхъ Талжиновъ Дарваза (Нагорная Бухара)», Москва, 1900 г. Съ 8 цѣлыми и 15 черными фототипіями работы фот. Павлова.

¹⁾ Разъѣздной слуга.

²⁾ Нау-Руз, Ное-Руз — Новый Годъ, особенно торжественный праздникъ, празднуемый всѣми современными иранцами въ мартѣ мѣсяцѣ.

Глава III.

Жилище горного таджика.

Горные кишлаки ютятся обыкновенно гдѣ-нибудь по ска-тамъ горъ, надѣ обрывомъ быстро бѣгущей горной рѣчки или у потока, чрезъ которые переброшены ветхія мостики, весь дрожащій при одномъ только прикосновеніи конскаго копыта. Плоскія крыши убогихъ жилищъ поросли травой, темнобурныя стѣны порою покривились на сторону. Плетневия и глинобит-ныя изгороди либо обнизались, либо полуразвалились, и лишь обильная зелень деревъ и кустарниковъ своимъ благодатнымъ ковромъ прикрывала убожество и нищету такихъ построекъ и окружающую ихъ грязь.

Справа и слева—величавыя массы горъ. Зеленъ ихъ скло-новъ, сверкающій снѣгъ на вершинахъ и безпредѣльная вѣсь голубого, удивительно чистаго неба еще сильнѣе отбѣняютъ всю мизерность и ничтожество расположившихся внизу чело-вѣческихъ жилищъ.

Устройство каждаго такого жилища (*хона*) несложно и просто.

Стѣны дѣлаются или изъ мелкихъ камней, кое-какъ зама-заныхъ глиною, смѣшанною съ рубленою соломой, или изъ вѣсушенныхъ на солнцѣ сырцовыхъ кирпичей. Высота стѣнъ, въ среднемъ, не превышаетъ аршинъ трехъ или четырехъ. Окно въ нашемъ смѣслѣ совсѣмъ нѣтъ, если не считать продолго-ватаго отверстия въ стѣнѣ (*панджарі*), иногда дѣлаемаго надъ дверью (*мур*); оно служитъ и для свѣта, и для выхода дыма. Крыши (*бом*) плоски и дѣлаются изъ нетолстыхъ балокъ, на которыя накладывается настилка изъ хвороста или тонкихъ слегъ.

Титу горнаго кишлака. (Селеніе «Памир-Дард» въ Хузестанѣ).

Сверху все это плотно замазывается глиной сь рубленой соломой, оставляется лишь круглое отверстие надь очагомъ для дыма. Какъ исключеніе, въ Дарвазѣ по Пянджу часто можно встрѣтитъ и двускатныя кровли на высокихъ двухъ-этажныхъ домахъ.

Внутрь ведетъ почти всегда единственная дверь сь высокимъ деревяннымъ порогомъ. Она запирается изнутри вертушкой, насаженной на ручку, конецъ которой выходитъ сквозь притолоку на улицу. Снаружи стѣитъ только повернуть ручку вертушки и дверь открывается. У некоторыхъ хижинъ встрѣ-

Типъ двухъэтажныхъ домовъ и двускатныхъ крышъ въ Дарвазѣ по Пянджу.

чаются надъ дверями привѣшанныя на бечевкѣ или на ремнѣ деревянныя колотушки; кто желаетъ войти въ хонá, стучаеь колотушкой въ дверь, предупреждая хозяевъ о своемъ посѣщеніи. Самая дверь составлена изъ одной или двухъ тяжелыхъ досокъ, преимущественно орѣховыхъ, и, въ большинствѣ случаевъ, лишена всякихъ узорчатыхъ украшеній, столъ обычныхъ на дверяхъ хижинъ самаркандскихъ и бухарскихъ кишлаковъ.

Къ хижинѣ, обыкновенно, примыкаетъ небольшой дворъ, окруженный невысокими стѣнами изъ мелкихъ камней, еле - скрѣпленныхъ

глиною или умазанныхъ коровьимъ пометомъ. Въ Каратегинѣ (по крайней мѣрѣ по Сурхобу) дворовыя изгороди болѣею частью сдѣланы изъ колючей и хворосту, какъ и наши плетни.

Во дворѣ, подлѣ хонá, помѣщается хлѣвъ (*огиль*). Онъ дѣлается такъ же, какъ и хонá, только дверь совершенно отсутствуетъ, и отверстие для входа бываетъ очень широкимъ, занимая иногда полстѣны.

На Ванджѣ и мѣстами по Пянджу встрѣчаются подлѣ хижинъ еще болѣе, сь плоскими кровлями, амбарчики (*амбар*)

для хлѣба и разнаго скарба; какъ и ихъ родичи, «амбарушки» нашихъ центральныхъ губерній, они воткнуты надъ землею на четырехъ (подъ углами) камняхъ или столбахъ.

Огороды и сады, неизмѣнная принадлежность дома каждаго осѣдлаго равниннаго туземца, встрѣчаются не у всѣхъ горцевъ. У зарафшанцевъ, на примѣръ, ихъ очень мало и плодотворныя деревья растутъ не въ садахъ, а въ безпорядкѣ разбросаны подлѣ хонá: разведеніе же огородныхъ овощей: капусты, рѣдкы, моркови и проч. здѣсь, кажется, почти неизвѣстно. Въ Карате-

Типъ кишлака Зарафшанскихъ горъ (Варажноръ).

гинѣ же и Дарвазѣ, наоборотъ, сады сь разнообразными плодовыми деревьями и огороды сь грядками различныхъ овощей составляютъ, какъ и въ равнинѣ, необходимую принадлежность каждаго кишлака.

Въ общемъ горныя хижины представляютъ значительную противоположность жилищамъ равнинныхъ таджиковъ. Последнія высоки и просторны, построены или изъ битой глины, или изъ сырцовыхъ кирпичей, прилизаны, подчищены и, вдобавокъ, окружены толстыми глинобитными стѣнами, часто сплошь покрашенными разнообразными орнаментами. Кромѣ того, такія жи-

лица еще опрятно содержатся, что производит положительно приятное впечатление.

Всего этого нельзя сказать о хонá горных таджиков. Виною ли этому вечная забота горца о кускѣ хлѣба, которая отодвигаетъ уходъ за жилищемъ на задній планъ, или общая скудость въ строительныхъ материалахъ—мудрено сказать.

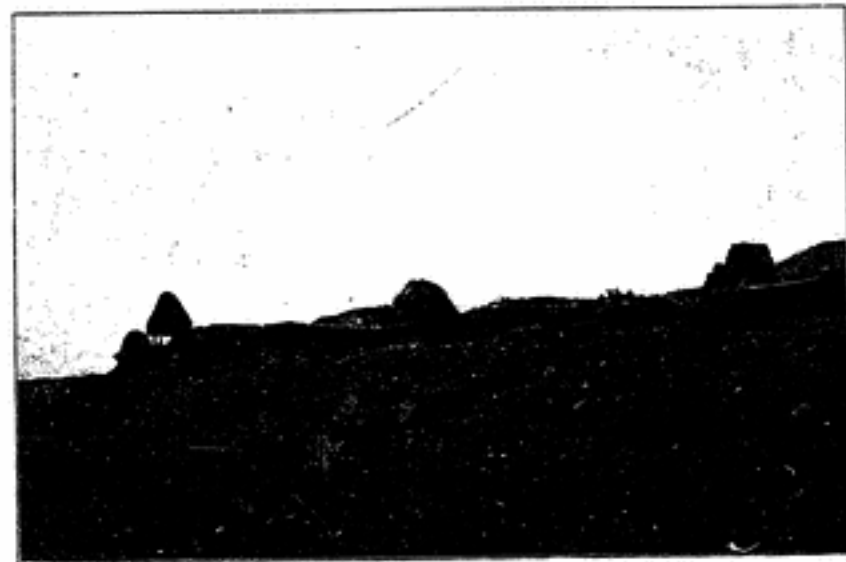
Лишь мѣстами по Каратегину и въ Дарвазѣ по Вааджу, гдѣ находятся залежи алебастра и бѣлой глины, встрѣчаются бѣлыя оштукатуренныя стѣны жилищъ. Такія, повидимому, заботливо содержимыя мазанки, скромно выглядывая изъ-за стройныхъ тополей и высокихъ чинаръ, издали такъ и напоминаютъ нашу Украйну или донскія казачьи станицы. Недостаётъ лишь колодца съ неизмѣнимымъ журавлемъ да задумчиваго аиста, неподвижно стоящаго на вѣшкѣ желтой соломенной крыши.

По Сурхобу и Хингобу, Вааджу и Пянджу на стѣнахъ многихъ жилищъ попадаются и орнаменты въ видѣ пятенъ, различныхъ беспорядочныхъ линий или же въ видѣ дѣтски намалеванныхъ фантастическихъ деревьевъ. Чаще всего разрисовывается такими узорами стѣна по фасаду жилища, при чемъ цвѣтъ рисунковъ бываетъ различный. На простой глиняной обмазкѣ стѣны узоры больше встрѣчаются бѣлые, если же стѣны выбѣлены, то ихъ разрисовка производится растворомъ красной глины. Рельефныхъ же стѣнныхъ узоровъ, вытѣсненныхъ на глину и обычныхъ у равнинныхъ таджиковъ, въ горахъ, насколько помнится, намъ не приходилось замѣчать.

Съ улицы заглянемъ и во внутренность хонá. Она, обыкновенно, состоитъ изъ одной комнаты, рѣдко изъ двухъ, размерами отъ шести до девяти аршинъ въ длину и отъ четырехъ до девяти аршинъ въ ширину. Полъ глинобитный, съ углубленіемъ для очага (*учагъ, сандали, джоби-сандали*). Вдоль стѣны идутъ широкия глинобитныя возвышенія для спанья. На нихъ лежатъ постели, сшитыя вмѣстѣ, шерстью вверхъ, три или четыре выдѣланныхъ овечьихъ или козлинныхъ шкуръ. Въ стѣнѣ воткнутъ свѣтильникъ (*чарогъ*), пруть, обмазанный горючимъ веществомъ.

Приготовление чарога не сложно. Кладутъ стебли куджута или льна въ котелъ и ставятъ его на огонь, гдѣ даютъ имъ обуглиться, послѣ чего ихъ перетираютъ между двумя камнями; получается липкая черная масса, которой и обмазываютъ длин-

ный ¹⁾ сухой стебель какого-либо зонтичнаго растенія или тонкій, хорошо высушенный побѣгъ чинары или ивы. Необмазаннымъ лишь оставляютъ конецъ прута для рукоятки. Чтобы обмазка не отставала, ее осыпаютъ сверху хлѣбными отрубями. Въ Дарвазѣ же по Пянджу на приготовленіе подобныхъ свѣтильниковъ больше идетъ *ricinus* ²⁾, называемый по мѣстному «баданжиръ». Осенью собираютъ маслянистыя сѣмена *ricinus*'а, складываютъ ихъ въ большую деревянную чашку и тщательно разминаютъ руками. Образуется темнозеленая густая, липкая

Типъ жилища на пути въ равнину. (Селеніе «Сари-Пуль» въ долині Ях-Су).

масса, которой и обмазываютъ сухой стебель или побѣгъ какого-либо растенія или дерева.

Чарогъ втыкается въ стѣну рукояткой и съ противоположнаго конца зажигается, горитъ медленно и его пламя напоминаетъ пламя березовой лучины въ свѣтлѣ.

Что касается способа добыванія огня, то онъ тотъ же, что былъ у нашихъ крестьянъ до распространенія спичекъ, т.-е. огонь высѣкаютъ огнемъ и кремнемъ (*чамокъ*), при чемъ вмѣ-

¹⁾ Приблизительно въ аршинъ длины.

²⁾ Растеніе, доставляющее касторовое масло.

сто тута роль горячаго вещества играет лепешка изъ мякоти (сердцевинѣ) рѣчного камбша, смѣшанной съ порошкомъ. Лишь въ зарафшанскихъ горахъ можно встрѣтить примѣненіе сличекъ, которыя покупаются туземцами на самаркандскомъ и пенджакентскомъ рвнкахъ.

«Куза».

Къ перечисленнымъ принадлежностямъ каждаго жилища слѣдуетъ отнести также глиняную и деревянную посуду. Она очень разнообразна, особенно глиняная.

Большія толстыя чаши для мѣтвѣ бѣлья, кувшины для омовеній и воды (*офтотай софотай*) въ высоту въ четверть или двѣ, съ ручкой и длиннымъ носомъ, низенькіе приплюснутые горшечки (*хурночѣ*), съ двумя ручками по бокамъ, для молока, масла и проч., широкіе, разлатые, похожіе на чаши, горшки (*хум, хумб*), чайники для чая (*чайник*), повидимому, сдѣланные по

китайскимъ и афганскимъ образцамъ и, наконецъ, высокіе, весьма разнообразныхъ формъ, кувшины (*куза*) — все это неизмѣнныя принадлежности незатѣливаго домашняго хозяйства горца.

На многихъ изъ этихъ издѣлій встрѣчаются рельефныя украшения то въ видѣ шариковъ, то въ видѣ извилистыхъ ленточекъ. Черѣдки и красныя расписныя узоры по всей вещи, какъ и въ нашей глиняной посудѣ. Вдавленные же разнообразныхъ орнаментовъ, составляющихъ отличительную черту равнинной посуды, на глиняныхъ издѣліяхъ горцевъ намъ не приходилось видѣть.

«Куза» съ орнаментомъ.

Деревянную посуду составляютъ разныхъ размѣровъ (отъ $\frac{1}{2}$ аршина до 4 вершковъ въ діаметрѣ) круглыя блюда (*табак, тавѣх*), круглыя, высокія скрини (*табанг*) на трехъ ножкахъ различного формата для пищевыхъ продуктовъ и платвѣ, *рості*, совершенно какъ наши рѣшета, лишь вмѣсто сѣтки глухое дно, — посуда для свѣтучихъ тѣлъ, и сундуки (*сандук, сандукчѣ*) на четырехъ ножкахъ съ вѣдвѣжными и съемными крѣпками.

Какъ глиняная, такъ и деревянная посуда приготовляются самими туземцами, за исключеніемъ зарафшанскихъ таджиковъ, которымъ это искусство, кажется, совсѣмъ неизвѣстно. Лишь небольшой народецъ ягноб¹⁾ въ горахъ Зарафшана умѣетъ вѣдвѣживать глиняную посуду, снабжая ею, наравнѣ съ Самаркандомъ и Пенджакентомъ, своихъ сосѣдей-горцевъ. Въ горахъ Зарафшана вѣрабатывается только деревянная посуда, да и то не мѣстными жителями, а прѣзжими мастерами изъ самаркандскихъ кишлаковъ. Въ послѣднихъ многіе обитатели только тѣмъ и занимаются, что развѣзжаютъ по горамъ и работаютъ изъ заранее заготовленнаго горцами сухого ивовога лѣса различную посуду.

«Куза» (высота 9 вершковъ, ширина 6 вершковъ).

Совсѣмъ другое видимъ по ту сторону Хисарскаго хребта и въ горныхъ кишлакахъ Каратегина и Дарваза. Тамъ горцы сами готовятъ для себя посуду, не пользуясь услугами различныхъ рвнковъ и заѣзжихъ мастеровъ.

Здѣсь разнообразную глиняную посуду вѣрабатываютъ въ каждой хижинѣ, при чемъ этимъ ремесломъ занимаются исключительно женщины. Матеріаломъ служитъ та прекрасно вѣмѣшанная, превосходная по своимъ качествамъ мѣстная глина, кирпичи и издѣлія изъ которой отличаются болѣею прочностью и отсутствіемъ пористости, присущей нашимъ глинянымъ издѣліямъ.

«Куза» для воды и молока.

Такъ какъ гончарное колесо совсѣмъ неизвѣстно, то каждую вещь стараются вѣлѣпить руками изъ свѣрой глины. Работу начинаютъ со дна, накладывая глину кусокъ за кускомъ.

¹⁾ По р. Ягноб-Дарѣ — значительному притоку р. Зарафшана съ правой стороны.

Когда посуда готова, ее обжигают на очагѣ. (Способъ, еще по-нынѣ практикуемый во многихъ мѣстахъ Америки, Африки и на островахъ Тихаго океана).

Выдѣланная такимъ образомъ посуда не оставляетъ желать ничего лучшаго, какъ по отчетливости работы, правильности формы, такъ и по своей прочности. Муравленіе же глины, т.-е. покрываніе ея стекловидной оболочкой, не въ ходу.

«Кучукъ». (Для молока, масла и проч.).

Кущникъ для омовеній.
(«Офровіе-софолі»).

«Кузъ» для воды и молока.

Деревянная посуда работается мужчинами преимущественно изъ орѣховаго дерева, ивы и тополя. Центромъ деревяннаго производства является кишлакъ Пишхарвъ¹⁾ въ Дарвазѣ по Пянджу, снабжающій своими издѣліями весь Каратегинъ и Дарвазъ.

Здѣсь помимо разнообразной посуды и колыбелей изготовляются и дѣтскія игрушки въ видѣ колыбелекъ, табанговъ, рості и сундучковъ. Всѣ пишхарвскія издѣлія покрѣты сплошными вѣрѣзными геометрическими рисунками, раскрашенными черною, красною и зеленою красками.

¹⁾ На рѣкѣ того же имени, притока Пянджа съ правой стороны.

Мѣдная же посуда, иногда встрѣчаемая у туземцевъ, вся привозная. Мѣдныя чаши, блюда и кунганы (*оби-джуи*) для омовеній и для чая, гладкіе или покрѣтые затѣйливыми выбитыми узорами,—то бухарской, самаркандской и кокандской работы, то афганской, кашгарской и персидской.

Къ посудѣ, вообще, слѣдуетъ отнести и разнообразныя, работаемыя только на Вапджѣ, кошолки для фруктовъ, ячменя, пшеницы и травы. Онѣ довольно искусно плетутся изъ мелкихъ таловыхъ вѣтвей. Ихъ обычная форма—широкія сверху и суживающіяся книзу, отверстіе иногда закрывается съемной плетеной крѣпкой.

Таково въ общихъ чертахъ устройство жилища горнаго таджика, съ необходимыми къ нему принадлежностями домашняго обихода.

Большинство туземцевъ живутъ въ подобныхъ помѣщеніяхъ во все время года и примирилось со всѣми неудобствами, которыя испытываются въ нихъ зимою и осенью. Эти зимнія и осеннія невзгоды туземнаго жилища суть холодъ и сквознякъ. Правда, въ холодное время надъ очагомъ съ горячими угольями ставятъ высокій табуретъ, который покрывается одѣялами или кошмами, отчего въ хонѣ дѣлается болѣе или менѣе тепло, но на смѣну холода зато появляется тонкій убійственный угаръ, а отъ сквозняка и совсѣмъ не уберешься: онѣ проникаетъ сквозъ плохо промазанныя стѣны и кое-какъ сдѣланныя двери, свободно разгуливаетъ по внутренности хижинъ и заставляетъ горца кутаться въ теплыя халаты и одѣяла, угрожая различными ревматизмами и всевозможными острыми простудами. Добавьте еще сюда сырость, этого неизбежнаго врага всѣхъ плохо построенныхъ жилищъ, и вы поймете, что за жизнь бываетъ въ холодное время въ тѣхъ жалкихъ мазанкахъ, въ которыхъ проводятъ свои дни горный таджикъ.

Поэтому мѣстами, какъ, напримѣръ, по Каратегину и въ

«Кузъ».

Дарвазъ, населеніе, желая сколько-нибудь избавиться отъ указанныхъ неудобствъ, на холодное время года перебирается въ особня зимня жилища.

Каждое зимнее помѣщеніе представляетъ собственность нѣсколькихъ семей, потому что нѣсколько семей строятъ его соединенными силами и живутъ въ немъ все время, пока стоятъ холода.

Чайникъ для чая.

«Ортован-софолъ».

Миска на поднось («лаали-тавакъ»), рѣзаная изъ цѣльнаго дерева. Употребляется для «плова», на поднось складываются кости.

Случается, что весь кишлакъ на зиму сосредоточивается въ нѣсколькихъ такихъ помѣщеніяхъ: отъ трехъ до пяти, смотря по многолюдству селенія. Своимъ вышнимъ видомъ зимнее хонъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ хижинъ. Лишь стѣны его толще и хорошо оштукатурены глиною снаружи и внутри да нѣсколько куполообразная кровля хорошо залита глиною. Посрединѣ ея то же круглое отверстіе — около трехъ четвертей въ діаметрѣ — для выхода дыма и для свѣта.

Крѣпкая дверь съ обычнымъ высокимъ порогомъ ведетъ внутрь, гдѣ вдоль стѣнъ идутъ высокія (около полутора аршина) деревянныя загородки. Свободное пространство между ними и стѣнами заполнено крѣпко убитой глиной. Это нарвы. Они служатъ и для спанья, и для работы. Каждая семья на нихъ занимаетъ свое опредѣленное мѣсто. Посрединѣ пола, какъ разъ подъ отверстіемъ въ кровль, — очагъ. На деревянныхъ столбахъ, поддерживающихъ потолокъ, прикрѣплены дватри «подсвѣчника» для свѣтильниковъ, если только можно назвать подсвѣчниками эти деревянныя рѣзныя вставки для чароговъ.

Внутри подобнаго помѣщенія было бы довольно просторно (каждое аршинъ восемь въ длину и столько же въ ширину), если бы не мѣшали упомянутыя нарвы вдоль стѣнъ, такъ что свободное пространство остается лишь среди комнаты да въ томъ мѣстѣ, гдѣ дверь.

«Модѣкъ», мѣста для спанья въ хонѣхъ Дарваза.

Когда подумаешь, что въ такихъ хонá на зиму собираются пять-шесть семей, невольно удивишься равнодушію туземца къ тѣснотѣ и его невзыскательности къ различнаго рода неудобствамъ такой совместной многосемейной жизни.

Мужчины, обыкновенно, большую часть времени проводятъ предъ очагомъ, женщины съ дѣтьми — вдоль стѣнъ на нарахъ. Въ виду постоянной темноты въ такомъ хонá чарогъ горитъ не только ночью, но и днемъ, особенно когда кругомъ идетъ работа, такъ какъ тканье хлопчато-бумажныхъ матерій, пряденье, вязанье и вшиванье не прекращаются и зимою и берда, челноки, ткацкіе станки и игла усиленно работаютъ въ это время. Пословица «мишъ бы въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ», повидимому, имѣетъ въ горахъ Центральной Азии примѣненіе болѣе широкое, чѣмъ у насъ.

По Ванджу и отчасти на Пянджѣ, кромѣ описанныхъ зимнихъ помѣщеній, встрѣчаются еще спеціальныя лѣтнія жилища (чолѣб), чего нѣтъ нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ. Чолѣбы находятся здѣсь почти подъ каждымъ раскидистымъ деревомъ близъ хонá. Они представляютъ собою помосты, устроенные изъ хвороста и, вообще, сухихъ вѣтвей, на четырехъ высокихъ столбахъ. Мѣстами, гдѣ нѣтъ деревьевъ, или же гдѣ они даютъ мало тѣни, подобный помостъ съ боковъ огораживается еще плетеными изъ таловыхъ вѣтвей стѣнами, увѣчанными плетеною же двускатною или куполообразною или же коническою кровлею. Для входа оставляется или цѣлая стѣна незагороженною, или же продолговатое отверстіе, какъ и для дверей. Снизу во внутренность чолѣба ведетъ узкая деревянная лѣстница съ рѣдкими перекладинами для ступеней. По словамъ туземцевъ, подобныя постройки лѣтомъ очень удобны для сна и вообще для жилья, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни блохъ, ни клоповъ, ни сырости.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о курганахъ или аркахъ ¹⁾, этихъ полуразвалившихся остаткахъ бывшихъ

¹⁾ Арк — таджикское слово, курганъ — турецкое. Оба синонимы одного и того же понятія: замокъ, дворецъ.

«Сундукъ» для платья. Работанъ въ кишлакѣ Круговатъ въ Дарвазѣ. (1—крышка).

Мѣдный кунганъ для чая, самаркандской работы.

Мѣдный кунганъ для чая, кашгарской работы (46 сант. высоты).

временъ независимаго Кухистона. Нынѣ въ нихъ (какъ, наприм., въ Каратегинѣ и Дарвазѣ) живутъ амекдари и миры съ своими приближенными, т. е. лица, которымъ вѣрено управленіе краемъ.

Эти жилища представляютъ нѣкоторыя существенныя отклоненія отъ хонá простого люда. Какъ и вездѣ у знатныхъ лицъ, такія постройки отличаются прежде всего величиною и крѣ-

постью сравнительно съ постройками «байкушей» ¹⁾. Каждый аркъ занимаетъ большое пространство, и его толстыя стѣны въ сравненіи съ прочими мизерными постройками кишлака кажутся весьма массивными. Этому, быть можетъ, способствуетъ еще и то, что каждый аркъ, въ большинствѣ случаевъ, не теряется въ массѣ хонá, а стоитъ особнякомъ, либо на краю селенія,

¹⁾ Байкуш — по-турецки значить: бѣлизна, сонъ, въ переносномъ же значеніи — бѣдность. Такъ мѣстныя власти и привлеченные классы Бухары называютъ простой народъ.

либо совсѣмъ на отлетѣ, на одинокой скалѣ или надъ обрѣвомъ рѣки.

Стѣны арка сдѣланы изъ камней, скрѣпленныхъ глиною, при чемъ для прочности между ними, параллельно основанію положены длинныя бревна. Толщина стѣнъ, въ среднемъ, равна полутора аршинамъ, высота—не превышаетъ аршинъ пяти-шести. Кое-гдѣ по угламъ или по бокамъ ихъ—четыреугольныя

Рѣзные двери въ богатомъ домѣ. (Снято въ кишлакѣ Оби-Гаржъ, въ Карагегинѣ).

башни съ амбразурами и бойницами. Окованныя сплошь желѣзомъ или только внизу высокія и широкія ворота изъ крѣпкаго дерева, иногда покрѣплены рѣзнымъ затѣйливымъ орнаментомъ, ведутъ внутрь арка. Тамъ помѣщаются многочисленныя службы и отдѣленія, предназначенныя для житія начальника и его подчиненныхъ и для помѣщенія лошадей и домашняго скота.

Парадные комнаты для почетныхъ гостей или для различныхъ засѣданій обыкновенно находятся въ верхнемъ этажѣ арка. Ихъ немного: всего одна или много двѣ-три; онѣ высокія и длинныя и всѣ

расположены въ рядъ. Съ прочими помѣщеніями такія комнаты не соединены дверями и, обыкновенно, стоятъ особнякомъ. Въ нихъ, въ одной изъ продольныхъ стѣнъ, рядъ рѣзныхъ дверей съ широкой глинобитной террасой снаружи передъ ними. Нередко двери находятся въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ. Вверху надъ каждой дверью искусно пробиты въ стѣнѣ большія узорчатыя рѣшетки для притока воздуха и для свѣта. Иногда онѣ затянуты промасленной бумагой.

Внутри—бѣлая, оштукатуренная алебастромъ стѣны съ высокимъ потолкомъ¹⁾, полъ глинобитный, устланный циновками и паласами²⁾. Мебели никакой, лишь по стѣнамъ лежатъ круглыя длинныя подушки въ пестрыхъ адрасныхъ³⁾ наволочкахъ, да иногда стоитъ тахта, деревянная кровать на точеныхъ ножкахъ. Тонкій матрацъ на ней, поддерживаемый сѣткой изъ тол-

Тина построекъ въ селеніяхъ равнины, (по Аму-Дарѣ).

стыхъ бечевокъ, накрѣты одѣяломъ. въ изголовьи—круглая подушка.

Въ стѣнахъ, гдѣ нѣтъ дверей,—ниши, въ которыхъ хранятся запасныя подушки, матрацы, чайники, кувганы и прочій скарбъ.

Въ жаркіе дни особенно хорошо чувствуется въ такихъ комнатахъ. Толстыя глинобитныя стѣны не пропускаютъ жара, а свободно проникающій воздухъ чрезъ наддверныя рѣшетки и не плотно притворенныя двери сообщаетъ пріятную прохладу.

¹⁾ Такъ же, какъ и въ Бухарѣ въ элитныхъ домахъ, потолки состоятъ изъ поперечныхъ брусевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на поларшина и соединенныхъ небольшими узкими поперечными дощечками или палочками, плотно лежащими одна около другой.

²⁾ Паласъ—коверъ безъ ворса.

³⁾ Адрасъ—полушелковая бухарская ткань красиваго пестраго рисунка.

Въ сладкой истомѣ, обмахиваясь бархатнымъ вѣеромъ ¹⁾, горный крезъ цѣлыми днями валяется на мягкихъ подушкахъ въ такомъ помѣщеніи.

Зимнія помѣщенія въ курганахъ дѣлаются по общепринятому образцу и помѣщаются въ нижнемъ этажѣ.

Сады и огороды, примыкающіе къ горнымъ замкамъ, сравнительно съ прочими отличаются величиною и большимъ разнообразіемъ плодовѣхъ деревьевъ и овощей, произрастающихъ въ нихъ. Среди сада во многихъ мѣстахъ по дѣл развѣсистыми деревьями находятся глинобитныя площадки для отдыха; не большіе арки съ чистою проточною водою бороздятъ садъ по всѣмъ направленіямъ. Часто можно встрѣтить вырытый въ землѣ большой бассейнъ съ водою для омовеній и купанья. Во многихъ садахъ арки по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ расхаживаютъ наряженные павлины.

Извѣстныя арки съ его садами и огородами закрываются высокими стѣнами, такъ что вся жизнь мѣстнаго начальника, вся его обстановка, все необходимое, нужное для житейскаго обихода, все находится не на людяхъ, какъ у прочихъ туземцевъ, а ревниво прячется за крѣпкими стѣнами арка.

¹⁾ Вѣера въ Бухарѣ по своей внѣшности очень напоминаютъ наши древнія сѣкиры. Простой вѣеръ плетется изъ тростника, болѣе дорогой — изъ бархата, отделаннаго мишурою; тонкая рукоятка, вокругъ которой вращается самое опахало, въ длину не превышаетъ двухъ четвертей

Глава IV.

Бытъ, занятія и промыслы.

Всѣ горные таджики живутъ въ осѣдомъ быту и, повидимому, искони земледѣльцы, при чемъ прогрессъ, свойственный каждому занятію, каждому промыслу, почти не коснулся основъ земледѣлія въ горахъ Средней Азии: вѣковныя традиціи земледѣлія, дурны ли, хороши ли онѣ, здѣсь свято охраняются отъ какихъ бы то ни было новшествъ.

Изъ хлѣбныхъ растений горами засѣваются: пшеница, ячмень и просо, а также горохъ, чечевица, бобы и, мѣстами въ Дарвазѣ, кукуруза; изъ волокнистыхъ растений, засѣваются только изъ-за масла, сѣютъ: ленъ, кунжутъ; въ Дарвазѣ по Цанджу въ огородахъ сѣется маслянистый *ricinus* и подсолнечникъ. Участки земли, засѣянные хлопкомъ, встрѣчаются мѣстами въ Каратегинѣ и Дарвазѣ. Люцерна (*alfalfa*) для скота сѣется вездѣ въ большомъ изобиліи. Ради произрастанія всѣхъ этихъ растений горецъ-таджикъ и воздѣлываетъ свое поле. Говоримъ «свое», потому что каждый горный таджикъ является полнымъ собственникомъ своего участка. Общинное владѣніе пахотной землей, какъ у насъ въ Россіи, здѣсь неизвѣстно. Кишлаки не имѣютъ общей земельной собственности, за исключеніемъ только пастбищъ для скота, но каждый туземецъ владѣетъ гѣмъ участкомъ, который ему оставилъ его отецъ, дѣдъ или, вообще, хозяинъ этого участка. Причемъ, если бы по смерти хозяина поля остался въ его семьѣ несовершеннолѣтній старшій сынъ, неспособный обрабатывать землю, и если бы даже, кромѣ него, были еще и другія дѣти или взрослые сестры и при нихъ мать, то участокъ передается во владѣніе не имъ, а стар-

шему мужчине въ родѣ, напримѣръ, брату покойника, за которымъ ужь и остается на всю жизнь безвозвратно. «Земля любитъ уходъ и должна пользоваться только того, кто ее сама можетъ обрабатывать», говорятъ горцы-таджики. Безземельному же предоставляется лишь право приобрести землю за деньги у кого-либо изъ своихъ односельчанъ или же поступить такъ: по согласію съ тѣмъ или другимъ землевладѣльцемъ (*сохиби-мыльк*) безземельный горецъ-таджикъ вспахиваетъ, засѣваетъ и, вообще, убираетъ извѣстный участокъ землевладѣльца съ тѣмъ, чтобы послѣдній въдалъ работнику четвертую часть изъ собраннаго имъ на этомъ участкѣ зерна.

Начало полевыхъ работъ въ мѣстныхъ горахъ совпадаетъ съ началомъ года, празднуемымъ, какъ было выше сказано, всеми таджиками весною, въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ это время, обыкновенно, начинается и пахота, и сѣвъ, причемъ зарафшанскій таджикъ выѣзжаетъ въ поле въ первые дни весны, послѣ праздника Нау-Руза, т.-е. Нового Года. И хотя въ это время часто бываетъ холодъ, снѣгъ мѣстами остается въ поляхъ и земля еще не отошла какъ слѣдуетъ, зарафшанецъ, разрыхливъ кое-какъ землю, бросаетъ въ нее сѣмена, поручивъ ихъ произрастанію и будущій урожай волѣ праведнаго Худо-Афридагѣ (Бога-Питателя).

Другое дѣло въ Каратегинѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза. Мягкій климатъ, теплое продолжительное лѣто, обиліе орошенія, причемъ каждый горный ключъ заботливо охраняется отъ засоренія частою расчисткою, плодородная почва и изобиліе свободной земли издавна способствовали развитію въ горахъ Каратегина мирной земледѣльческой жизни, основанной на болѣе рациональныхъ началахъ, нежели въ Зарафшанскихъ горахъ. Здѣсь туземецъ выѣзжаетъ въ поле не тотчасъ, какъ проводитъ праздникъ Нового Года, а съ появленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, когда снѣгъ съ долинъ и склоновъ горъ сойдетъ обильными потоками, когда земля начнетъ отходить и въ воздухѣ уже чувствуется животворное дыханіе весны. Старательная запашка полей, тучная, въдобавокъ еще съ осени хорошо унавоженная земля¹⁾ при тепломъ климатѣ и безчисленныхъ ручьяхъ воды, бороздящихъ горные посѣвы,

¹⁾ Поля унавоживаются и въ Зарафшанскихъ горахъ, и въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ же не во всехъ долинахъ.

Монета кагѣ «шаронъ» въ долинѣ Ю-Су.

какъ арвики средне-азиатскихъ равнинъ, — все это даетъ возможность собрать хлѣбъ въ такомъ количествѣ, что каратегинцы продаютъ его избытокъ своимъ бѣднымъ и нуждающимся въ хлѣбѣ соседямъ, таджикамъ Зарафшанскихъ горъ и Дарваза. Въ урожайный годъ въ Каратегинѣ не рѣдкость встрѣтить такихъ туземцевъ, которые собрали пшеницы по 100 батмановъ (каратегинскій батманъ равенъ 9 пудамъ)¹⁾. Обиліе хлѣба при отсутствіи рѣнковъ и его небольшою сбѣтѣ служить въ Каратегинѣ причиною его баснословной дешевизны. Такъ, напримѣръ, весною одинъ батманъ пшеницы стоитъ 11 тенговъ²⁾ (1 руб. 76 к.), послѣ же уборки хлѣба, къ осени. — 8 тенговъ (1 р. 28 к.); прежде же, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, по словамъ туземцевъ, батманъ пшеницы стоилъ еще дешевле, 3—4 тенги (48—64 коп.).

Земледѣльческимъ орудіемъ для вспахиванія полей служитъ плугъ, называемый по мѣстному то «аспѣръ», то «уммѣчъ», то «дананъ», смотря по говору. Онъ деревянный и представляетъ собою какъ бы прототипъ нашей сохи: состоитъ либо изъ одного цѣльнаго куска дерева, по большей части изъ орѣхово-ваго, либо изъ двухъ кусковъ, съ рукояткою для пахаря и длиннымъ шестомъ, играющимъ роль дышла. Въ мѣстностяхъ, гдѣ развитъ желѣзодѣлательный промыселъ, на одно или два деревянныхъ острія плуга, смотря по устройству, насаживаются желѣзные сошники (*ноуѣк*). При паханіи въ плугъ впрягается пара воловъ.

Когда хлѣба начинаютъ колоситься и созрѣвать, горецъ ставитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ поля пугала отъ назойливыхъ птицъ или же стоняетъ послѣднихъ криками или различными стуками, причемъ этимъ, обыкновенно, занимаются дѣти или подростки.

Созрѣвшій хлѣбъ, пшеницу, ячмень и просо, а вмѣстѣ съ ними и люцерну, жнутъ, горохъ же, чечевицу и кукурузу дергаютъ.

Орудіемъ жатвы служитъ желѣзный серпъ (*доз*, *дост*), насаженный на деревянную рукоятку, совершенно такой же, какъ и у нашихъ крестьянъ, развѣ лишь съ тою разницею, что таджикскій достъ не такъ выгнутъ и не имѣетъ на своемъ остріѣ тѣхъ мелкихъ зазубринъ, которыя свойственны нашимъ серпамъ.

¹⁾ Бухарскій батманъ — 8 пудовъ.

²⁾ Тенга — серебряная бухарская монета, въ 1898 году была по курсу равна 16 копѣкамъ, нынѣ же по курсу 15 копѣекъ.

Вся жатва, какъ и вообще всѣ полевныя работы, производится мужчинами. Женщины же въ поляхъ не работаютъ, за исключеніемъ, кажется, Матчинской волости въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ, какъ намъ передавали, жнутъ и мужчины, и женщины вмѣстѣ.

Сжатый хлѣбъ связываютъ въ небольшіе снопы (*банди-сандѣи*, *банди-джай*, смотря по хлѣбу), которые складываются въ небольшія копны и потомъ или отвозятся въ кишлаки для обмола, или обмолачиваются на мѣстѣ. Для перевозки сжа-

Сани для перевозки тяжестей.

того хлѣба или люцерны употребляютъ особые сани, называемыя по мѣстному «чигинъ» (въ мѣстныхъ говорахъ «арба» и, вообще, какое бы то ни было слово, означающее колесный экипажъ, совершенно не употребляется). Ихъ незатѣливое устройство видно изъ приложеннаго здѣсь рисунка. Четыре высокихъ палки, прикрѣпленныхъ къ угламъ чигинъ, служатъ для поддержанія воза, а чтобы снопы во время перевозки не развалились, возъ еще утягиваютъ веревками и жердью, совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ съ возами въ страдную пору у насъ.

Молотба хлѣба производится на большомъ току, на которомъ снопы кладутся въ видѣ громаднаго круга. На этотъ кругъ вводится пара воловъ, запряженныхъ въ тяжелый деревянный «чапъръ» (см. рисунокъ), съ которымъ подгоняемые волы медленно начинаютъ обходить круги по разложеннымъ на току снопамъ. Обмолоченный такимъ образомъ хлѣбъ провѣиваютъ, стрясая его по вѣтру съ круглой чашки олятъ—таки совершенно тѣмъ же способомъ, какой употребляютъ у насъ для большаго очищенія отъ сора уже провѣяннаго зерна.

Если кишлакъ далеко, то обмолоченный и провѣянный хлѣбъ оставляется на сбереженіи у самаго поля. Для этого по близости послѣдняго вѣриваютъ одну или нѣсколько большихъ ямъ, смотря по количеству умолата, стѣны ямъ аккуратно обмазываютъ глиной, на дно же кладутъ солому, на которую и сбиваютъ зерно. Сверху олятъ застилаютъ соломой, заливаютъ глиной, смѣшанной съ рубленой соломой или съ известкой (гдѣ она есть), и засыпаютъ землей. Открывается такая кладовая лишь въ томъ случаѣ, когда нужно зерно для той или другой потребности. Такимъ же образомъ во многихъ мѣстахъ берегутъ хлѣбъ и дома, такъ какъ амбары и закрома встрѣчаются сравнительно не часто.

Садоводство и огородничество служатъ не малымъ подспорьемъ земледѣлю. Овощи въ огородахъ, плоды и фрукты въ садахъ въ пору ихъ созрѣванія доставляютъ таджику если не питательную, то во всякомъ случаѣ приятную пищу. Сушеные же яблоки, дули, сливы, груши, абрикосы и т. п. плоды и фрукты идутъ и въ зиму, разнообразя въ томъ или другомъ видѣ скудный столъ горца.

Мѣстами, какъ, напримѣръ, на Вахио, на Ванджѣ и въ Дарвазѣ по Панджу, гдѣ природа бѣдна и преобладаетъ каменистая почва, гдѣ мало-малѣски годныя для земледѣлія участки заняты болѣе цѣнными, чѣмъ хлѣбныя злаки, культурами (какъ, напр., хлопчатникомъ), существованіе населенія находится въ тѣсной зависимости отъ тута. Здѣсь, особенно по Панджу, все почти свободныя отъ построекъ мѣста заняты громадными многолѣтними деревьями кормильца-тута, разводимаго не для шелководства, которымъ здѣсь не занимаются, а только для питанія. Именно, спѣлыя ягоды тута, опадая, тщательно собираются населеніемъ и высушиваются либо на кровшахъ хонъ, либо на

Ванне пшеницы. (Сфото въ долині Явсу).

громадныхъ камняхъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ этихъ обездоленныхъ уголкахъ. Сушенія ягоды перетираютъ между ручныхъ жернововъ въ муку, которую прибавляютъ въ хлѣбъ или же варятъ изъ нея родъ каши или супа. Подобную же муку дѣлаютъ и изъ сушеныхъ яблокъ. Намъ приходилось слышать отъ некоторыхъ мѣстныхъ таджиковъ, что они мѣсяца по два — по три не видятъ никакого другого хлѣба, кромѣ какъ леченаго изъ туговой муки. Благодаря обилію здѣсь тутъ, за нимъ прибѣгаютъ сюда и съ Вахіо (лѣвый берегъ р. Хингоу), гдѣ недостатокъ въ хлѣбѣ заставляетъ порою тамошнихъ таджиковъ прибѣгать къ питанію тутомъ и яблоками.

Что касается пользованія тутомъ въ дѣлахъ шелководства, то таковое сосредоточено, главнымъ образомъ, въ Каратегинѣ, шелковія ткани котораго пользуются большою популярностью не только среди горцевъ, но и въ равнинѣ. Къ сожалѣнію, способности добыванія шелка и приемы шелководства настолько примитивны, что шелковія матеріи не отличаются ни тонкостью работы, ни ровностью основы и утка. Лишь одна отрасль горныхъ шелковыхъ издѣлій пользуется справедливою и заслуженною славой. Это вышиваніе мѣстными женщинами по матѣ (по рисункамъ, намѣченными пунктиромъ) различныхъ затѣливыхъ рисунковъ на вышеупомянутыхъ женскихъ покрывалахъ, дѣтскихъ повязкахъ, воротахъ дѣтскихъ и женскихъ рубашекъ и т. п. Такіе узоры, исполненные разноцвѣтными шелками, отличаются разнообразіемъ мотивовъ и необыкновенной тщательностью работы.

Большую пользу сослужили бы почти все жизни врогодѣ живущему таджику рожь и овесъ, мѣстами въ изобиліи встрѣчающіеся въ горахъ, но, къ сожалѣнію, культивированіе этихъ злаковъ здѣсь неизвѣстно, и туземецъ смотритъ на нихъ, какъ на обыкновенную траву. Помню, какъ въ кишлакѣ Свитаргъ, въ верховьяхъ рѣки Ванджа, увидя ячменное поле, все заросшее дикимъ овсомъ, мы спросили случившагося при этомъ таджика: «что это растетъ въ ячмень?» Тотъ отвѣтилъ, что это трава, называемая по мѣстному «гвизъ». Когда же мы объяснили, что подобную траву въ Россіи нарочно засѣваютъ и кормятъ ею вмѣсто ячменя лошадей, нашъ собесѣдникъ лишь пожалъ плечами да прищелкнулъ языкомъ отъ удивленія: ишь, молъ, какая вещь!

Помимо перечисленныхъ злаковъ и кормильцевъ-плодовъ, составляющихъ насущный хлѣбъ горца, слѣдуетъ упомянуть еще о хлопчатникѣ, значеніе котораго въ жизни некоторыхъ уголковъ Кухистона весьма велико. Именно, если пшеница, тутъ и прочіе злаки и плоды кормятъ туземца, то хлопчатникъ одѣваетъ его съ ногъ до головы. Правда, не вездѣ въ Нагорной Бухарѣ встрѣчаются хлопковія поля: ихъ, напримѣръ, очень мало въ Каратегинѣ, въ Дарвазѣ по Хингоу; въ долинѣ же Ванджа, начиная съ кишлака Техарвъ, хлопокъ начинаетъ попадаться чаще

Водная мельница «олобъ». (Снято въ кишлакѣ Хакеми, на южныхъ склонахъ Хисарскаго хребта).

и, наконецъ, въ Дарвазѣ по Пянджу почти вытѣсняетъ хлѣбныя злаки, являясь на ряду съ туговыми рощами однимъ изъ типичнѣйшихъ признаковъ этой части Дарваза. Здѣсь хлопокъ является своего рода гордостью туземцевъ, съ сознаниемъ собственного достоинства говорящихъ: «мы, люди Дарваза, умѣемъ ткать хлопчатобумажныя ткани», и эта похвала мѣстныхъ туземцевъ самимъ себѣ не должна казаться пустою: отсюда по всей долинѣ Ванджа, на Язгулянѣ, Ях-Су и отчасти на Хингоу и въ Каратегинѣ хлопокъ расходуется въ свѣромъ и обработанномъ видѣ. Дарвазъ по Пянджу, такимъ образомъ, является значительнымъ

хлопчатобумажным центромъ, гдѣ ткацкіе станки почти въ каждомъ хонѣ ткуть самую популярную во всей Нагорной Бухарѣ бѣлую бумажную ткань (*мата*), въ которую одѣваются всѣ горцы отъ мала до велика.

Изготовленіемъ пряжи для маты занимаются женщины, тканьемъ же—мужчины. Описаніе самаго производства матеріи, т.-е. тканья, едва ли дастъ читателю какія-либо особенно новыя свѣдѣнія по этому предмету, такъ какъ приготовленіе основы и утка, ткацкіе станки, берда, челноки, мотушки и шпульки—все то же, что и вездѣ, за исключеніемъ развѣ того, что здѣсь они сдѣланы примитивнѣе да размѣромъ много менѣше, чѣмъ наши.

Обычное время для тканья это зима, когда нѣтъ другихъ занятій въ родѣ полевыхъ работъ, пастьбы скота и т. п. Въ это время семьи горцевъ, собравшись по нѣскольку въ зимнія жилища, обыкновенно только и заняты изготовленіемъ различной одежды, тканьемъ и вязаньемъ. Дни стоятъ небольшие, пасмурные, вершины горъ окутаны нависшими густыми облаками, сибгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, холодъ слишкомъ даетъ себѣ знать, лишь въ зимнемъ хонѣ тепло и уютно. Чароги, воткнутые по стѣнамъ, пьмаютъ яркимъ пламенемъ, очагъ, разведенный посреди хижинъ, разливаешь пріятную теплоту, вдоль стѣнъ по нарамъ идетъ дружная и слѣпшая работа: женщины вяжутъ, шьютъ или сучатъ нитки, мужчины ткуть, при чемъ часто стукъ ткацкихъ станковъ и щелканье челноковъ смѣшиваются съ веселыми и продолжительными пѣснями, которыми вторятъ бубны и барабаны.

Обычная ширина ткани—вершковъ шесть; куски матеріи, обыкновенно, не складываются въ штуки, а свертываются въ трубку. Кромѣ маты изъ хлопка ткется и разноцвѣтная бумажная матерія¹⁾, та же мата, но только тканая вперемежку съ цвѣтными нитками и видомъ нѣсколько напоминающая сарпинку. Помимо подобныхъ тканей встрѣчаются такія, на которыхъ по общему какому-либо цвѣтному фону разбросаны различныя узоры другого цвѣта. Последнее достигается слѣдующимъ образомъ. На матѣ предварительно дѣлаютъ тѣ или другіе узоры: квадратики, крестики, просто пятна и т. п., затѣмъ, просушивъ матерію, каждое мѣсто съ рисункомъ на немъ тщательно собираютъ въ ко-

¹⁾ Всякая хлопчатобумажная матерія называется «карбось», мата—спеціально бѣлая ткань.

мочекъ и плотно-иногда обвязываютъ нитками, послѣ чего матерію погружаютъ въ другую краску (чѣмъ та, которой наведены узоры). Вынувъ ткань изъ краски, ее просушиваютъ и затѣмъ развязываютъ узелки.

Для окраски матерій употребляютъ искусственныя и растительныя краски. Первые—русскаго и отчасти иностраннаго производства, привозятся въ горы купцами-узбеками, киргизами и равнинными таджиками изъ Фергань, Самарканда, Куляба и Афганистана; часто ихъ покупаютъ въ городахъ равнины и сами горцы, попадающіе туда по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Изъ растительныхъ красокъ съ равнины привозятся также: «руйанъ» (имѣющій оттѣнки отъ свѣтло-краснаго до бордового¹⁾), приготовляемый изъ травы того же названія²⁾, и «бузгунчъ» (желтаго цвѣта), добываемый изъ пустоцвѣта фисташкового дерева.

Черная краска готовится самими туземцами слѣдующимъ образомъ. Берутъ нашатырь (*зорк*), шелуху граната (*пустинанор*) и желѣзныя опилки (*охан-сѣу*), кладутъ все это въ воду и кипятятъ два раза въмѣстѣ съ положенной въ эту смѣсь матеріей, послѣ чего послѣднюю оставляютъ на недѣлю лежать въ краскѣ. По истеченіи этого срока матерія вынимается и просушивается на солнцѣ.

Эти краски употребляютъ и для окрашиванія шелковыхъ тканей и шерстяной пряжи.

Неизмѣнныя друзья нашихъ деревень, конопля и ленъ, называемые по мѣстному «каноу» или «канопъ» и «загиръ», хотя и жмутся мѣстами у краевъ мутныхъ арѣиковъ подлѣ жилищъ мѣсть, но не цѣнятся здѣсь за драгоценное качество своихъ волоконъ, потому что оно здѣсь неизвѣстно: наряду съ засѣваемымъ мѣстами баданжіромъ (*ricinus*) ленъ, конопля и конопля въ горахъ имѣютъ цѣну исключительно съ точки зрѣнія добыванія изъ нихъ маслянистаго вещества для чароговъ.

На ряду съ земледѣіемъ другая отрасль сельскаго хозяйства имѣетъ весьма существенное значеніе для туземца. Это—скотоводство. Крупный рогатый скотъ, разводимый въ Нагорной Бухарѣ, принадлежитъ къ той породѣ, праотцами которой,

¹⁾ Смотря по степени густоты раствора краски. Руйанъ спеціально производятъ въ Хисарѣ, гдѣ батманъ такой краски стоитъ 45 рублей на наши деньги.

²⁾ *Rubia peregrina*.

вроятно, были знаменитые зебу Индии и Сиам. Эта порода сравнительно малорослая, отличающаяся небольшими рогами, преобладающим черным цветом шерсти и характерным горбом, и вездь распространена на всем том громадном пространстве, которое занимает Иран, Закаспийская область, Хива, Бухара и Афганистан.

Быков, предназначенных для работ (пахоты, молотбы и проч.), выхлещивают, причем этим делом занимается кто-либо из местных жителей.

Овцы, в большинстве случаев не особенно крупные, отличающиеся курчавою бляю, черною либо рыжею шерстью и небольшими курдюками, встречаются громадными стадами.

Что касается местной породы лошадей, то происхождение ее, возможно, восходит к глубокой древности (по отзыву знатоков местных конских пород родственна сь гетской породой). Обычный тип лошадей: среднего роста, сь облагороженными формами, сь сухими ногами и тонкой кожей. Выносливья вь утомительных путях по горным дорогам и перевалам, осторожны при спусках и подъемах по головокружительным извилистым тропинкам, послушны и кротки, эти кони незаменимы при всьх передвижениях по горам и не мудрено, что горець доверчиво поручает им нести на своей спине не только самого себя, но и свою жену и детей.

Сравнительно сь общим количеством рогатого скота лошадей вь горах встрьчается гораздо меньше, причем сльдует замьтить, что вь каждом кишлакь находится не больше двух-трех кобыл, остальные же всь—жеребцы. Обычай выхлещивания посльдних неизвестен, желательность атрофирования половой потребности у жеребцов достигается простым охранением их от всякаго общения сь матками. Владьлец забеременевшей кобылы считается самым счастливым человеком, но это счастье, всльствие крайней бьдности жителей и потому невозможности приобрести лишнюю кобылу, благодаря сравнительной дороговизне кобылиць вообще, доступно очень немногим.

Обширные горныя пастбища и тучныя травы искони способствовали вь горах развитию скотоводства, и горець-таджикь, чья и воздльбывающая мать-земля, вмьсть сь тьмь охотно занимается и пастушеским промыслом, не прочь на иькоторое время

обратиться и вь номада. Сь появлением теплых весенних дней и зеленой травы на пастбищах, туземець, особенно владьлец стады, покидает свой кишлакь и идет искать вьблизи своего селения, гдь-нибудь вь долине рьки, удобное пастбище. Найдя таковое, онь ставит кибитку или строит из камней уютную хижину и заживает на зеленомь просторе долины до наступления холодовь.

И вь отдаленных ущельях и вь нагорных вьсях часто эти кибитки или хижины служат единственными отголосками обитаемости окружающих каменных громадь.

Помимо молока, масла, сметаны и прочаго, скоть доставляет таджику шерсть для производства грубой ткани, для зимних чалмь, халатовь, штань и упомянутых вьше узорчатых чулок¹⁾, а также овчины и кожи для постелей, одежды и обуви.

Способ вьдльлки овчины и кожь заслуживает внимания бьить упомянутымь. Такь, вь Зарафшань онь вьдльбываются сльдующимь образом. Мяздро только-что снятой шкурьы обильно посыпают солью и оставляют вь такомь вьдль на один или двое сутокь. По прошествии этого срока мяздро счищают

¹⁾ Постоянно надо удивляться, какь туземныя женщины вь каких-нибудь 3—4 дня на трех тонких деревянных прутьяхь связывают пару таких чулокь, отличающихся поразительнымь разнообразием рисунка.

Охотники за горными козлами вь Зарафшанских горахь.

особой желѣзной острой полосой и мнутъ овчину въ теченіе нѣкотораго времени руками, послѣ чего она готова къ употребленію. Въ другихъ мѣстахъ овчины для одежды вѣдѣливаютъ (обыкновенно зимою) нѣскольکو инымъ способомъ. Разводятъ жидко въ водѣ ячменную муку и кладутъ въ нее овчину дней на десять, послѣ чего ее вѣнимаютъ и, если стоитъ ясная морозная погода, развѣшиваютъ на протянутой веревкѣ. Когда овчина замерзнетъ, ее посыпаютъ солью и опять развѣшиваютъ на веревкѣ, оставляя въ такомъ положеніи на недѣлю. Потомъ мяздро счищается просто руками и овчина снова кладется дней на семь въ растворъ ячменной муки. Окончательная отдѣлка заключается въ томъ, что, по вынутіи изъ этого раствора, ее растираютъ руками въ теченіе пяти или шести дней.

Изъ приготовленныхъ такимъ способомъ овчинъ мѣстные портвие, обыкновенно ходящіе по кишлакамъ, швютъ горцамъ (за три или четыре тенги) теплѣе зимніе халаты.

Шкурки сурковъ, идущія на обувь, также вѣдѣливаются этимъ способомъ, но часто употребляются и сыромятными.

Изъ промысловъ, помимо вѣработки посуды и тканья на сторону хлопчатобумажныхъ и отчасти шелковыхъ матерій, о которыхъ было выше упомянуто, для полноты картины необходимо замѣтить и другіе, какъ, напримѣръ: желѣзодѣлательное производство, добываніе золота, нашатыря, отхожіе промыслы и, отчасти, охоту.

Богатія залежи желѣзной руды въ верховьяхъ р. Ванджа даютъ горцамъ Ванджской долины неизсякаемый матеріалъ для различнаго рода желѣзныхъ издѣлій, которыя удовлетворяютъ самымъ разнообразнымъ требованіямъ домашняго обихода горныхъ таджиковъ и потому расходятся изъ этой огромной кузницы, какова долина Ванджа, по всему Дарвазу, Каратегину и Язгулану, проникая даже въ отдаленныя и трудно достижимыя уголки Рошана, Шугнана и Вахана.

Несмотря на примитивность вѣработки мѣстныхъ желѣзныхъ издѣлій и крайне первобытный способъ получения желѣза изъ руды, ванджскія желѣзныя издѣлія все-таки отличаются большою прочностью и извѣстною долею изящества.

Самый способъ добыванія желѣза намъ пришлось наблюдать во кишлакѣ Свигаргъ, на Ванджѣ, гдѣ находится нѣскольکو кузницъ и желѣзо-плавильныхъ печей. Онъ состоитъ въ слѣ-

дующемъ. Привезенную изъ рудниковъ желѣзную руду разбиваютъ на мелкіе куски и складываютъ въ сухомъ мѣстѣ, обыкновенно подъ просторнымъ и низкимъ, огороженнымъ съ трехъ сторонъ навѣсомъ, подлѣ самой печи. Последняя—конусообразная, вѣсотою аршина въ три, діаметръ ея основанія не превышаетъ $\frac{3}{4}$ аршина; вверху небольшое, около четверти, отверстіе. Два мѣха изъ козвихъ шкуръ лежатъ на полу у самаго основанія. Наложивъ въ такую печь сверху до низу хвороста или дровъ (*избл*), поджигаютъ ихъ, закладывая камнями широкое боковое отверстіе печи и замазываютъ его глиною. Когда дрова прогорятъ и останутся лишь раскаленные уголья, въ верхнее отверстіе печи особымъ круглымъ черпакомъ съ тонкою деревянною рукояткою (*кавлізи-гоугар*) накладываютъ куски руды, раздувая въ то же время угли мѣхами. По мѣрѣ уменьшенія углей прибавляютъ другіе, на которыя опять бросаютъ куски руды, причемъ все время идетъ непрерывная работа мѣховъ, около которыхъ стоитъ для этого по нѣскольکو человекъ, работающихъ поспѣшно въ теченіе 6—8 сутокъ. По истеченіи этого срока разламываютъ заложенное камнями боковое отверстіе печи и вѣнимаютъ чрезъ него отдѣлившееся отъ постороннихъ примѣсей чистое желѣзо.

Количество послѣдняго, добытаго за одинъ такой пріемъ, трудно опредѣлить, такъ какъ туземцы не знаютъ почти никакихъ мѣръ вѣса¹⁾, и спрошенный мною по этому поводу туземецъ-желѣзодѣлатель простодушно отвѣчалъ:

— Вотъ, тюръ, приблизительно сто такихъ штукъ добудемъ, и при этихъ словахъ показалъ на руку отъ локтя до конца пальцевъ.

Желѣзныя издѣлія, вѣрабатываемыя на Ванджѣ, слѣдующія: серпы (*доз, дост*), заступы (*бель*), клевцы (*кенбдж*), топоры (*тавар*), подковы (*наиль*), сошники для плуговъ (*ноук*), тесала (*хоркан*) для вѣдалбливанія посуды и отчасти рубки дерева, въ видѣ нашихъ мотыгъ или клевцовъ, мотыги (*теша*), формою похожія на наши, но нѣскольکو меньше размѣромъ и притомъ насаженныя на короткую ручку, ножи (*корча*), бритвы (*тиг*),

¹⁾ Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, правда, какъ мѣра вѣса употребляется «сангъ» (камень), тяжестью, прихврно, въ 1 пудъ, 20 фунт., 15 и 5 фунтовъ и, иногда, въ $\frac{2}{3}$ фунта. Четверти и половины фунта не употребляются. Вѣсы (*чуби-косс*), сдѣланные изъ дерева, приобрѣтаются исключительно въ равнинныхъ городахъ или у бродячихъ пуганъ (*милк*).

кузнечные тяжелые молоты (*пульт*), обыкновенные молотки (*хотизк*), клещи (*албир*), шила (*дарави*) и ножницы (*кайчи*).

Эти изделия находят большой сбыт на рынках Кал'ан-Хума и в соседних долинах: Язгуляна и Оби-Хингоу, причем продажа на деньги совершается очень редко; обыкновенно вещи меняются на те, которых необходимы таджикам Ванджа например: из Кал'ан-Хума привозят очищенный хлопок (*пахта*) для тканья маты на костюмы, язгуляны выменивают железные вещи на мату и «карбось» вообще, а также снабжают горцев Ванджской долины чулками, с Оби-Хингоу привозят для обмена на железные изделия хлеб и мату.

Помимо долины Ванджа выделкою железных изделий занимаются также и в Каратегинь, хотя не в таких размерах, именно, небольшой (десять хижины) кишлак Бод-Ревакь вырабатывает знаменитые, крученые из стальной проволоки, каратегинские ножи.

Другой промысел, охватывающий собою не одну, а почти все долины Нагорной Бухары, это добывание золота из золотосного песку местных речек. Лично нам приходилось видеть два способа добывания этого благородного металла.

Один состоит в следующем. Весною, когда воды рек спадают и по ним можно ходить во все направления, горец берет небольшой, продолговатый деревянный лоток и, засучив штаны, входит в реку, достает со дна песок, кладет его в лоток и там же в реке или на берегу начинает «отмывать» золото, делая лотком круговращательные движения, чтобы золотой песок сбился в одно место. Этот способ весьма утомителен, потому что на него уходит масса времени, да кроме того при всей тщательности работы золото отмывается не все.

Другой способ состоит в следующем. Партия горцев в несколько человек, имея при себе длинные палки с насаженными на них круглыми травянками, у которых срезан один бок¹⁾, редкую, плетеную из прутьев решетку, прикрепленную продолговатыми сторонами к двум ползьям, и кусок грубого «своейского» сукна, отправляется вдоль берега реки.

¹⁾ Так что получается род черпака.

Группа охотников за горными золотами.

Облюбовавъ то или другое мѣсто, гдѣ можно начать промываніе золота, золотоискатели ставятъ на берегу рѣшетку загибами ползевею внизъ и накрываютъ ее сукномъ, такъ что образуется покатая поверхность. Затѣмъ черпаютъ черпаками со дна рѣки песокъ, встряхиваютъ его на сукно и сверху понемногу поливаютъ водою до тѣхъ поръ, пока небольшіе камешки, крупный и мелкій песокъ не смоются внизъ, оставивъ на поверхности сукна крупины драгоцѣннаго металла. Конечно, и такой способъ промыванія золота весьма примитивенъ и утомителенъ.

Добытый золотой песокъ отчасти идетъ въ казну эмира, въ видѣ улятвы податей, а отчасти расходится по карманамъ кулябскихъ и ферганскихъ купцовъ, развѣзжающихъ по горнымъ кишлакамъ и вѣмьнивающимъ «презрѣнный металлъ» на мату, русскій ситецъ и прочія вещи, необходимія туземцу. Что касается заработка каждаго золотоискателя за весну, то онъ, въ среднемъ, не превышаетъ рублей двадцати.

Производство нашатыря (*зорк*) извѣстно, кажется, лишь въ Зарафшанскихъ горахъ, гдѣ въ кишлакѣ Паніанъ (между кишлакомъ Пасрудъ и развалинами крѣпости Серводанъ) намъ и пришлось наблюдать эту отрасль мѣстной промышленности.

Рядъ низкихъ, темныхъ глинобитныхъ хижинъ, носящихъ довольно громкое названіе «кор-хона» (заводовъ), служитъ указаніемъ на то, что здѣсь добывается нашатырь.

Пройдя съ трудомъ черезъ маленькую узкую дверь одного изъ такихъ «заводовъ», входивъ въ совершенно темный продолговатый сарайчикъ, стѣны и потолокъ котораго покрыты отвердѣвшею и блестящею копотью; земляной полъ весь заваленъ обломками нашатырнаго камня. Очагъ сложенъ изъ кирпичей и въ него вдѣланъ большой котелъ, подлѣ—двѣ глубокия ямы.

Для полученія нашатыря куски нашатырнаго камня кладутъ на дно котла, наливаютъ туда воды и кипятятъ. Затѣмъ прокипяченную воду сливаютъ въ одну изъ находящихся подлѣ ямъ, на днѣ которой, по охлажденіи воды, образуется не чистый, смѣшанный съ землею, осадокъ нашатыря. Его кладутъ въ промѣтый начисто котелъ, наливаютъ водою и опять кипятятъ, послѣ чего воду сливаютъ въ другую яму. Полученный по охлажденіи болѣе чистый осадокъ нашатыря снова кладутъ въ ко-

тель и кипятятъ съ водою, которую потомъ сливаютъ въ какой-либо чистый сосудъ (по болѣе части въ котелъ); на днѣ его на этотъ разъ осаждаются кристаллы совершенно чистаго нашатыря. Послѣдній сбивается, обыкновенно, на рѣнки Пенджакента и Самарканда по цѣнѣ отъ 6 до 8 рублей за пудъ.

Перечисленные занятія и промыслы горцевъ - таджиковъ, однако, не обезпечиваютъ ихъ вполне и потому очень многіе изъ нихъ ищутъ заработка на сторонѣ, особенно зарафшанцы и каратегинцы, хотя мнѣ должны здѣсь же оговориться относительно послѣднихъ, что эти не ради крайней нужды, какъ ихъ сосѣди, зарафшанскіе таджики, отправляются на чужую сторону. Живя въ чудной, въ изобиліи надѣленной и хлѣбомъ и фруктами долины, каратегинцы, эти овериваты Бухары, идутъ на сторону болѣе изъза той любознательности и живости своего характера, которыми они такъ рѣзко отличаются отъ прочихъ изъ своихъ соседичей и которыя ихъ влекутъ изъ родимыхъ горъ на чужбину все осмотрѣть и обо всемъ разспросить.

Соколинцѣй съ соколомъ. (Снято въ «Калай-Хумѣ»).

Время ухода на заработки — осень, послѣ окончанія полевыхъ работъ, причемъ само-собою разумѣется, что тѣ, кому нечего дѣлать лѣтомъ, идутъ на сторону и на лѣто. Зарафшанцы болѣе отправляются въ близлежащіе города: Самаркандъ, Пенджакентъ, Ташкентъ и проч., гдѣ и исполняютъ различныя черныя работы: таскаютъ тяжести, поправляютъ или заново копаютъ колоды, бассейны и проч. Каратегинцы ищутъ заработковъ въ соседней Ферганѣ, Хисарѣ и отчасти Сирь-Дарьинской области, гдѣ ихъ нерѣдко можно встрѣтить въ числѣ рабочихъ на различныхъ заводахъ, въ качествѣ ночныхъ сторожей лавокъ, домовъ и проч.

Ночная стража въ г. Карагандѣ (въ Хивѣ).

Обиліе въ горахъ дичи, какъ-то: козловъ (*оху*), медвѣдей (*хырс*), зайцевъ (*харгѹи*), куропатокъ (*кабка*), голубей (*кафтѣр*), гусей (*коз*), утокъ (*ордак*) и проч., повидимому, издавна упрочило среди туземцевъ охотничій промыселъ, и мѣстныя охотники нерѣдко цѣлыми днями пропадаютъ въ родныхъ горахъ, то преслѣдуя осторожившихъ горныхъ козъ, то вѣслѣживая медвѣдя. По обѣ охотахъ или облавахъ на звѣря цѣлыми обществами здѣсь нѣтъ и помину. На охоту ходятъ всегда въ-одиночку, беря съ собою лишь кремневое ружье (*милтъик*) крайне первобытнаго устройства, съ подпоркою для прицѣла (*шохи-милтъик*), да острый ножъ, висящій у лѣваго бока въ кожаныхъ ножнахъ. Нерѣдко за охотникомъ идетъ одна или нѣскольکو собакъ той прославленной когда-то персидской породы, которая извѣстна подъ именемъ «тазі» и еще до сихъ поръ сохранилась въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ во многихъ горныхъ уголкахъ ¹⁾.

Напавъ на слѣдъ звѣря, охотникъ терпѣливо вѣслѣживаетъ его, прячась за каждымъ выступомъ скалы, за каждымъ камнемъ или кустомъ, пока ему удастся подкрасться къ крайне осторожному и чуткому стаду горныхъ козъ или къ одиноко блуждающему горному медвѣдю. Тогда онъ, положивъ милтъикъ на воткнутый въ землю въ видѣ распорки шохи-милтъикъ, становится на колѣни, прицѣливается и мѣткимъ вѣстрѣломъ поражаетъ звѣря.

Такимъ же способомъ бьютъ и птицъ, не стрѣлая съ руки, а положивъ ружье на подпорку, и сообразно положенію птицы, на лету ли она или сидитъ, прицѣливаютъ положеніе своего тѣла къ болѣе удобному и мѣткому вѣстрѣлу.

Среди привилегированныхъ сословій (амлекдаровъ и мировъ) весьма распространена и соколиная охота.

¹⁾ Особенно въ кшлѣсѣ Гечетъ, близъ впаденія р. Чичу въ Каирнаган-Дарью.

Глава V.

Изъ области религиозныхъ вѣрованій горныхъ таджиковъ¹⁾.

Религиозныя воззрѣнія горнаго таджика не сложны и крайне просты.

Тысячелѣтняя давность ислама среди таджиковъ Нагорной Азии, повидимому, не оставила глубокихъ и прочныхъ слѣдовъ въ ихъ вѣрованіяхъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ міросозерцаніе Арабскаго Пророка совершенно изгладило первобытныя религиозныя представленія народовъ. Что за причины того—многовѣковая ли замкнутость этихъ таджиковъ въ горныхъ тущахъ и потому разобщенность ихъ отъ остальнаго мусульманскаго міра, полнѣйшее ли невѣжество муллы и вмѣстѣ съ тѣмъ нежеланіе, а иногда и открытая враждебность принимать всякаго прѣзжаго миссіонера изъ великихъ медресе священной Бухары и Самарканда,—судить не берусь. Во всякомъ случаѣ, горецъ довольно равнодушно относится къ своей настоящей религіи—мусульманству—и свято чтитъ свои старыя исконныя вѣрованія и обычаи, которые почти исчезли у его сородича, равниннаго таджика. По мнѣнію горнаго иранца, во главѣ всего міра видимаго и невидимаго стоитъ «Худо-Парвардигоръ» (Богъ-Питатель), существо вѣчное и всемогущее, доброе и грозное, смотря по обстоятельствамъ. Кто онъ, откуда?

¹⁾ Эта глава первоначально была читана авторомъ, какъ, отдѣльный рефератъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии и затѣмъ помѣщена въ издаваемомъ Отдѣломъ «Этнографическомъ Обзорѣннѣ» за 1899 г., въ № 4-мъ.

Смертнымъ не дано этого знать. «Онъ самъ появился», какъ объясняется самымъ его названіемъ «Худо». Его жилище—небо, тамъ Его постоянный престолъ и пребываніе. Худо часто сходитъ на землю и слѣдитъ за людьми, за ихъ поступками, слѣдитъ своимъ всевидящимъ окомъ за дѣлами и за домашними животными: какъ съ ними обращается и какъ ухаживаетъ за ними «Его рабъ-человѣкъ», бережетъ ли ихъ, кормитъ ли, заботится ли о нихъ. «И малыя дѣти и животныя языка не имѣютъ, своихъ нуждъ не выскажутъ никому, кто же о нихъ позаботится, какъ не вѣчный Худо-Парвардигоръ?» наивно рассуждаетъ горецъ-таджикъ.

Слуги Худо, добрые духи, созданные имъ, раздѣляются на двѣ категоріи. Первые—«фиришты» (ангелы), прямые исполнители Его велѣній, охранители людей. Когда дитя находится еще въ утробѣ матери, Худо, давъ младенцу жизнь, умъ и дыханіе, посылаетъ къ нему ангела, который даетъ ему глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія его на свѣтъ. По рожденіи ребенка Худо посылаетъ къ нему двухъ ангеловъ, которые и остаются съ нимъ на всю жизнь, постоянно сидя у него на плечахъ. Это, по вѣрованію горцевъ, дѣлается безконечно-добрымъ Худо для защиты человека отъ двухъ злыхъ духовъ, которыхъ посылаютъ къ каждому изъ людей темныя силы. По смерти человека эти ангелы возносятъ его душу на судъ праведнаго Худо. Въ звѣздныя, ясныя ночи всегда можно наблюдать дорогу святыхъ людей и дѣтей къ престолу Худо: это—Млечный Путь.

Близко къ фиришты стоятъ добрые духи болѣе низшіе, чѣмъ они. Это «пари» или «парикъ», благодѣтели людей и животныхъ, гении-покровители каждаго семейства, невидимые охранители стадъ и пастуховъ. Пари горецъ-таджикъ представляетъ въ видѣ женскихъ существъ необыкновенной красоты. Ихъ свѣтлое сіяніе такъ ослѣпительно, что человекъ не выноситъ его, ихъ длинныя бѣлокурыя волосы напоминаютъ златокованную парчу, ихъ синія очи сверкаютъ, «какъ камни въ ризѣ вѣчнаго Худо», т. е. какъ звѣзды. Пари очень любятъ людей, и если человекъ ведетъ добродѣтельную жизнь, если онъ добръ и милосердъ, то онъ, тайно покровительствуя ему, приносятъ счастье и удачу во всемъ. При этомъ, если добродѣтельный человекъ бѣденъ и не имѣетъ жены, то пари ночью тайно замѣняютъ ему ее. Добрые люди иногда видятъ пари, злымъ же и отли-

чающимъ зазорною жизнью не дано такого счастья: пари отвертываются отъ нихъ и держатся вдали отъ такихъ людей. Представляя себѣ пари въ видѣ добраго генія-покровителя, горцевъ-таджикъ допускаетъ и зло со стороны этого добраго духа, впрочемъ, по отношенію къ однимъ только новорожденнымъ и роженицамъ. Когда подлѣ родившагося и родильницы нѣтъ людей, то пари заглядываютъ въ то мѣсто, гдѣ онѣ находятся, и ударяютъ ихъ по какой-либо части тѣла, отчего происходятъ пораненія или увѣчья тѣхъ или другихъ членовъ тѣла, напримѣръ: отнимается рука или нога, появляется горбъ, перекашивается ротъ и т. д. И почти всегда по горнымъ кишлакамъ Каратегина и Дарваза при встрѣчѣ съ страдающими падучею болѣзнію, золотухою, огневицею и т. п. на вопросъ о причинѣ этого, слышится одинъ отвѣтъ: «въ дѣтствѣ съ нимъ пошутила пари».

Богъ-Творецъ Худо и подчиненные Ему добрые духи, Его слуги, фиришты и пари, составляютъ одинъ общій міръ—царство добра, свѣта и правды и ведутъ непрерывную борьбу съ темными силами, которыми наполнена вся земля и атмосфера. Всемогуцій Худо поражаетъ и убиваетъ всѣхъ злыхъ духовъ во множествѣ, но изъ утробы земли, изъ нѣдръ горъ, изъ безпредѣльныхъ воздушныхъ міровъ темныя силы вѣщаютъ противъ Творца міровъ все новыя и новыя отряды. Этотъ міръ темныхъ силъ, съ которыми борются добрыя начала въ мірѣ, Богъ-Творецъ и подчиненные Ему добрые духи, ведетъ также и постоянную брань съ «рабомъ земли» (*банди-хок*), человекомъ, и съ животными, двумя чистѣйшими твореніями Худо. Проявленіе дѣйствія злыхъ силъ на человека и животныхъ выражается или посредствомъ всевозможныхъ болѣзней, или психическимъ разстройствомъ, или же, наконецъ, внезапной смертію. И горцевъ-таджикъ, на каждомъ шагѣ трепеща за свое существованіе, такъ или иначе старается избавиться отъ такого губительнаго вліянія темныхъ силъ. Правда, онъ не прибѣгаетъ къ ихъ умиловленію, не старается задобрить ихъ жертвами и молитвами, не прибѣгаетъ и къ заклинаніямъ, нѣтъ, онъ только молитъ Худо, повелителя двухъ міровъ: добраго и злого, чтобы Тотъ спасъ его отъ козней злыхъ духовъ и далъ бы ему покровителемъ добраго духа. Какъ вещественное средство для отогнанія злыхъ духовъ употребляютъ (какъ, наприм., въ Дарвазѣ

по Панджу) талисманы («айкяль»), которые носятъ всѣми безъ исключенія туземцами и ихъ домашними животными. Айкяль обыкновенно представляетъ собою ключокъ бумаги съ надписью: «Бисмилляхир-Рахманир-Рахими»¹⁾, или вообще какое-либо изреченіе изъ Корана. Подобный ключокъ зашивается въ кожу или въ магу въ формѣ равнобедреннаго треугольника и подвѣшивается у каждаго на правой рукѣ, или на правомъ боку, а нерѣдко даже и на правомъ ухѣ. У лошадей айкяль прикрѣпляется къ гривѣ, у рогатаго же скота къ рогамъ. Очень часто можно встрѣтитъ и людей, и животныхъ, у которыхъ встрѣчается по нѣскольку подобныхъ талисмановъ. Имѣя такой талисманъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, можно бѣгѣ застрахованнымъ отъ всякихъ козней злого міра, который составляютъ: «дэвы» или «дэу», «шайтанъ», «джинъ» или «аджинъ», «гүли-явоні» и «аждахоры» (драконы).

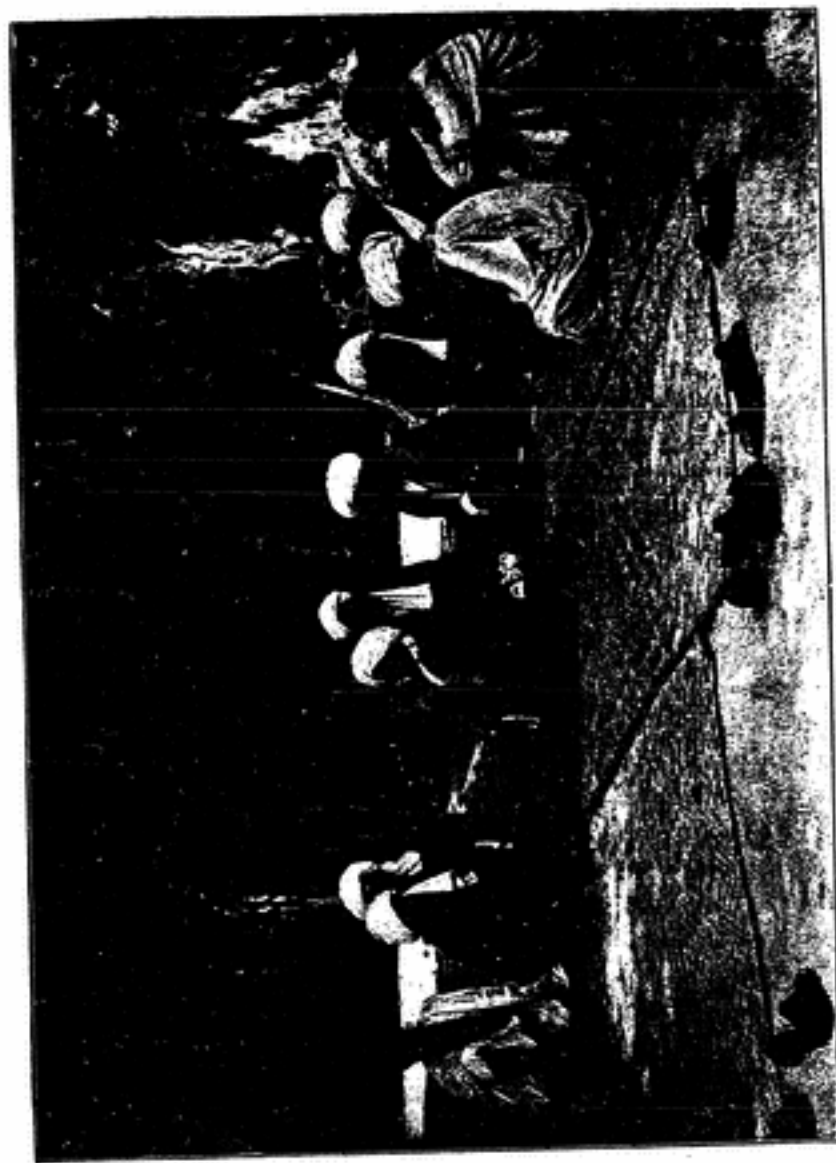
Дэвы это духи-мужчины гигантскаго роста, сильные, могучіе, покрывтые шерстью, съ острыми когтями на рукахъ и ногахъ, съ ужасными лицами. Ихъ обиталище внутри горъ, въ утробѣ земли и на днѣ озеръ. Дэвы стерегутъ тамъ сокровища земли: золото, серебро и драгоценныя камни. Они великіе мастера дѣлаютъ различныя ювелирныя вещи изъ находящихся въ ихъ распоряженіи благородныхъ металловъ и камней. Порою случающіеся различныя обвалы въ горахъ и сотрясенія почвы туземцы объясняютъ стукомъ дэвовъ въ своихъ мастерскихъ или же просто тѣмъ, что «дэвъ бунтуетъ». Дэвы ненавидятъ все человѣчество и при первой встрѣчѣ съ людьми убиваютъ ихъ или уносятъ въ свои мрачныя жилища. Чувство жалости и состраданія имъ невѣдомо, страха возмездія за свои поступки отъ Худо они не знаютъ. Въ многочисленныхъ памятникахъ народнаго творчества горныхъ иранцевъ, называемыхъ то «обсанъ», то «осунъ», рисуются разнообразныя сцены кровавыхъ битвъ дэвовъ съ различными царями и героями. Въ нихъ то дэвы одолеваетъ людей, то сами гибнутъ въ жестокихъ битвахъ. Пища дэвовъ, по вѣрованію горцевъ, состоитъ исключительно изъ человѣческаго мяса, и внутри ихъ жилищъ есть всегда темницы, гдѣ томятся сотни людей, удручаемые страхомъ каждодневной смерти, такъ какъ каждый день дэвъ выбираетъ

¹⁾ Т.-е. во имя Господа Милостиваго, Милосердаго.

себѣ по два челоуѣка, одного на обѣдѣ, а другого на ужинѣ. Звонѣ цѣлей заключенныхъ, ихъ стоны и молебны не трогаютъ сердца дѣва, и на всѣ воззванія невольниковъ къ дѣву о жалости и состраданіи, на всѣ заклія его именемъ Худо дѣвъ отвѣчаетъ страшными богохулствами. Похищая людей, чтобы они служили имъ пищею, дѣвы также съ помощію только имъ извѣстныхъ чаръ нередко уносятъ въ свои недоступныя убожища и свѣтлыхъ пари, которыхъ и дѣлаютъ себѣ женами. Пролывая каждый день жемчужныя слезы, пари томится десятки, сотни лѣтъ въ тяжелой неволѣ у дѣва, моля и прося Худо послать ей избавленіе. И милосердый Худо въ концѣ-концовъ шлетъ на помощь доброму духу свое созданіе—«раба земли», челоуѣка, и притомъ героя (*палавон'а*), который убиваетъ дѣва и освобождаетъ пари.

Вмѣстѣ съ дѣвами, духами-мужчинами, существуютъ злые духи-женщины. Это «шайтань». Они страшнаго вида; ихъ туловище напоминаетъ что-то полуживотное, получеловѣческое; на рукахъ и ногахъ у нихъ острые когти, на головѣ, вмѣсто волосъ, извивающіяся змѣи. Шайтань не имѣютъ опредѣленныхъ жилищъ и вѣчно странствуютъ по воздуху и по землѣ, разнося зло и грѣхъ. Каждое совершившееся беззаконіе, каждая сдѣланная вопиющая несправедливость на землѣ—«слѣдъ пролетѣвшаго шайтана»,—говорятъ горцы-таджики. Шайтань—причина всѣхъ проявленій враждебности между людьми: ненависть, злоба, зависть, скрѣтая и явная вражда, убійства, война и т. п.—все это носитъ одно общее названіе «сѣмя шайтана» (*тумли-шайтан*). Если бы не было шайтановъ, то, по вѣрованію горцевъ, на землѣ было бы царство взаимной братской любви между челоуѣчествомъ, всякія проявленія зла между людьми отсутствовали бы, такъ какъ остальные злые духи имѣютъ вліяніе только на физическую сторону челоуѣка, съ чѣмъ можно еще примириться. Таковъ общій взглядъ у всѣхъ горцевъ-таджиковъ на шайтана.

Позволяю себѣ привести здѣсь другое воззрѣніе на шайтана у другого народа, именно—у арабовъ племени Курайшъ, живущихъ въ долинѣ р. Ях-Су, на границахъ Дарваза. По вѣрованію этихъ арабовъ, шайтанъ есть отвѣченное понятіе и за духа его считать никакъ нельзя. Шайтанъ есть общее собирательное имя міроваго зла, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Во время жести въ г. Курайшъ (въ долинѣ р. Ях-Су).

Ссора, драка, война, смятение, различныя тайныя и явныя омерзительныя проявленія человѣческихъ страстей—все это носитъ одно общее названіе «шайтана».

Третью категорию темныхъ силъ составляютъ существа болѣе низшія, чѣмъ дэвы или шайтаны, это «джинны» или «аджинны». Они живутъ въ покинутыхъ, нежилыхъ помѣщеніяхъ. Джинны—это тѣни нѣкогда жившихъ тамъ людей, которыхъ Худо за различныя проступки и грѣхи на землѣ обрекъ вѣчно скитаться вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили. Джинны представляются горцами-таджиками въ видѣ существъ мужескаго и женскаго пола; они очень злы, не любятъ людей и при первомъ удобномъ случаѣ всячески стараются вредить имъ. Случается, что люди ихъ видятъ, причѣмъ въ тотъ самый моментъ, когда человѣкъ увидитъ джинна, тотъ ударяетъ его рукою по тѣлу, и человѣкъ, отъ боли и испугавшись ихъ страшнаго вида, дѣлается сумасшедшимъ (*дивонн*) на всю жизнь. По вѣрованію горцевъ, джинновъ въ особенности можно встрѣтить въ сумерки и ночью подлѣ кишлаковъ, на развалинахъ старыхъ домовъ и на кладбищахъ. Глубокая увѣренность въ существованіи джинновъ и страхъ предъ ними такъ велики, что горцы ни за что не согласятся подойти къ старымъ развалинамъ послѣ того, какъ солнце скроется за горными вершинами, изъ опасенія, что могутъ встрѣтиться озлобленныя тѣни нѣкоторыхъ его предковъ и сдѣлать его калѣкой на всю жизнь. Только лишь одни «чурчсы», которые въ состояніи убивать дэвовъ не хуже палачовъ, не боятся джинновъ и даже могутъ порою подчинить ихъ своей власти. Это повѣрье встрѣчается во многихъ горныхъ кишлакахъ. Помню, напримѣръ, какъ въ Дарвазѣ, въ верховьяхъ Оби-Хингоу, одинъ таджикъ пресерьезно увѣрялъ меня, какъ ему пришлось бить въ «очаровательномъ Кокандѣ» и помимо всякихъ чудесъ онъ видѣлъ тамъ громадную шкуру дэва, желтого цвѣта съ поперечными темными полосами, которую продавалъ русскій въ своей лавкѣ, да видѣлъ еще, какъ водилъ какой-то человѣкъ по улицамъ на веревочкѣ джинна, такого маленькаго (надо полагать, еще ребенка), черненькаго и очень присмирѣвшаго, который подлѣ музыки плясалъ и кувиркался.

Въ горныхъ лѣсахъ и рощахъ, въ чащахъ прирѣчныхъ кустарниковъ живутъ лѣсныя существа, подобныя человѣку, покрывающія черною шерстью, съ когтями на рукахъ и ногахъ,

необычайной силы, всегда вооруженныя тяжелыми дубинами. Это «гѣли-явонн», лѣсные демоны, соответствующіе нашимъ лѣшимъ. При встрѣчѣ съ людьми они безжалостно убиваютъ ихъ, при чемъ тѣло человѣка, погибшаго отъ руки этого лѣсовика, дѣлается чернымъ и покрывается мѣстами кровавыми полосами, которыя есть не что иное, какъ слѣды когтей гѣли-явонн. По этимъ признакамъ всегда можно узнать, что человѣкъ погибъ отъ руки страшнаго обитателя лѣсовъ. И только сильный духомъ и тѣломъ человѣкъ-герой (палавонн) можетъ въ долгомъ и ужасномъ бою одолѣть гѣли-явонн и убить его мечомъ, простымъ же смертнымъ нечего и думать избѣжать смерти отъ руки этого лѣсовика.

Но берегамъ горныхъ рѣчекъ, въ мрачныхъ ущельяхъ горъ, гдѣ зарождаются шумные потоки, обитаютъ драконы (*аждахоры*), чудовища въ видѣ большихъ змѣй безъ ногъ, съ длинною гривой, съ громадною головою и страшною пастью, которая усажена острыми и крѣпкими зубами. Изъ пасти дракона выходитъ дымъ и огонь и постоянно истекаетъ желтая ядовитая слюна. Пасть дракона и глотка такъ велики, что проглотить человѣка для него ничего не значитъ. Драконы очень любятъ лакомиться человѣческимъ мясомъ, и потому, какъ только завидятъ человѣка, стараются втянуть его въ себя, съ необыкновенною силой вбирая въ себя воздухъ. Попавъ въ эту воздушную струю, человѣкъ какъ перо летитъ къ пасти дракона и, отуманенный зловонными испареніями, выходящими изъ рта послѣдняго, обожженный его огнемъ, безъ чувствъ падаетъ въ ротъ аждахора, который и пожираетъ его.

Все драконы и змѣи горъ подчиняются живущему въ недоступныхъ для людей заоблачныхъ высяхъ горъ, «Змѣиному Царю» (*Шихи-Морн*), который обитаетъ въ своей столицѣ, «Змѣиномъ Городѣ». Онъ великій волшебникъ, и окружающая его свита старается превзойти другъ-друга въ совершеніи различныхъ невиданныхъ и небывалыхъ проявленій волшебной силы.

Все эти перечисленныя добрыя и злыя духи неразрывно связаны съ религіозными представленіями горныхъ иранцевъ. Безъ этихъ добрыхъ и злыхъ силъ трудно представить себѣ жизнь горца-таджика, который все дни своего существованія проводитъ въ туманѣ поэтическихъ легендъ, наивныхъ преданий старины и мистическихъ религіозныхъ образовъ. Во всехъ

почти памятникахъ туземнаго народнаго творчества, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ обсанѣ или осунѣ, главныя герои—дэвы, пари, драконы, цари, герои и проч., которые ведутъ непрерывную войну между собою, и всегда почти проявленія злыхъ силъ, въ чемъ бы они ни выражались, побѣждаются добрыми началами. И горецъ-таджикъ свято вѣритъ въ простотѣ своей младенческой души, что когда-нибудь, чрезъ много-много лѣтъ, всемилосердый Худо и подчиненныя Ему добрыя и свѣтлыя духи побѣдятъ темныя силы, которыя господствуютъ въ мирѣ въ видѣ дэвовъ, шайтановъ, джинновъ, гули-явони и драконовъ. Худо заключитъ ихъ въ пустыни, дикія горныя области съ мрачными ущельями, съ бездонными пропастями, съ шумящими водопадами, наложитъ на нихъ великое заклятіе и они не выйдутъ отсюда никогда, не будутъ больше терзатъ человечество, разноситъ зло по землѣ, убивать людей и дѣлать ихъ уродами. Всякое зло, въ чемъ бы оно ни проявлялось, навсегда исчезнетъ изъ міра, уступивъ мѣсто царству добра, свѣта и правды, во главѣ съ милосерднымъ Худо-Парвадигоромъ и подчиненными Ему добрыми духами.

Когда же исчезнетъ изъ міра зло, скоро ли воцарится въ немъ добро и правда? На эти скорбныя вопросы матуцагося духомъ человечества горецъ-таджикъ съ глубокимъ убѣжденіемъ наивно отвѣчаетъ: «скоро». Драконы ужь стали встрѣчаться рѣдко. Не замедлитъ дойти очередь и до другихъ темныхъ силъ: ужь Худо и Добро стоятъ у вратъ Нагорной Азии.

Глава VI.

Семейные нравы и обычаи.

Женщина въ горахъ пользуется гораздо бѣльшею свободою, чѣмъ въ равнинѣ: здѣсь не увидишь тѣхъ безобразныхъ сѣрыхъ халатовъ, накинутахъ на голову, и волосныхъ сѣтокъ, скрывающихъ лицо, коими глубоко развращенное, но ханжественное население равнинныхъ городовъ ревниво оберегаетъ подругу жизни отъ нескромныхъ взоровъ постороннихъ мужчинъ.

Правда, и здѣсь вы можете наблюдать вышеупомянутыя рубанки или чашбанки, но они надѣваются лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ: во время свадебъ, разныхъ пиршествъ и проч., и, повидимому, составляютъ единственный признакъ затворничества женщинъ, предписываемый Исламомъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ женщины не закрываютъ своего лица, какъ дома, такъ и вне его. Поэтому въ горныхъ кишлакахъ часто можно видѣть въ то или другое время дня многочисленныя группы мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ подлѣ хижинъ, при чемъ взрывы веселаго смѣха, обоюдныя шутки и взаимныя разговоры весьма мало напоминаютъ традиціонную замкнутость мусульманскихъ женщинъ.

Эта-то открытая жизнь туземной женщины и даетъ возможность горцу-таджику выбирать себѣ подругу жизни не только «по сердцу», но очень часто и «по взаимной любви».

Какъ и вездѣ на Востоке, здѣсь также женятся и выходятъ замужъ очень рано. Мальчикъ въ 16 лѣтъ уже считается совершеннолѣтнимъ для половой жизни; дѣвушекъ выдаютъ замужъ, начиная съ двѣнадцатилѣтнаго возраста и до двадцати-пяти лѣтъ.

По прошествии послѣдняго возраста онѣ считаются «перестарками» и мало имѣютъ шансовъ связать себя съ кѣмъ-либо узами Гименей.

Облюбовавъ невѣсту, къ ея родителямъ прежде всего забываютъ сваху, обыкновенно мать жениха или, за отсутствіемъ ея, сестру его. Сваха приходитъ въ домъ невѣсты, начинаетъ издали вести разговоръ съ родителями ея, по большей части съ матерью или, если ея нѣтъ въ живыхъ, съ кѣмъ-либо изъ близкихъ родственницъ, живущихъ въ домѣ. Потомъ приступаетъ къ дѣлу; если послѣдуетъ согласіе, то заходитъ рѣчь о казимѣ (по-мѣстному «колинкѣ»). Онѣ бываетъ не вездѣ и не для всѣхъ одинаковъ. Пословица «что городъ—то норовъ, что ни деревня—то обывай» сказалась и здѣсь такъ же, какъ и повсемѣстное различіе между богатыми и бѣдными. Вотъ, напримеръ, что даетъ богатый женихъ за невѣсту въ Дарвазѣ, въ долину Оби-Хингоу: двѣ-четыре лошади, столько же коровъ, три-четыре барана, три или четыре ружья, одинъ кафъ¹⁾ пшеницы, сапоги съ туфлями, ²⁾ одинъ халатъ, нѣсколько кусковъ матеріи, ситецъ на пять или на семь рубашекъ и шелковую матерію на двѣ рубашки. У бѣдныхъ (тамъ же) реестръ приданого значительно скуднѣе, именно: лошадь, корова, баранъ или овца, ружье, три или четыре чашки пшеницы, туфли, одна-двѣ рубашки изъ матеріи и ситецъ на одну рубашку. Тотъ же почти комплектъ приданого мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ; такъ, на Ванджѣ богатые даютъ: три лошади, шесть коровъ три барана, три ружья, двѣ сабли (*шоп*, *корд*), три халата изъ хлопчатобумажной матеріи, «карбось» на двѣнадцать одеждъ и одинъ батманъ пшеницы. Бѣдные тамъ же даютъ: двѣ коровы, одного барана, одно ружье, двѣ сабли, одну чалму, одну мужскую рубашку, сапоги и около двухъ пудовъ пшеницы. Деньгами, обыкновенно, не даютъ нигдѣ.

Казимъ улачивается въ извѣстный, заранее договоренный срокъ. По внесеніи его назначается и самый день свадьбы. Въ назначенное время женихъ въ сопровожденіи своихъ родственниковъ обоюго пола, мѣстнаго старшины (*аксакѣл*) и мѣла (*мулла*) отправляется въ домъ невѣсты. Тамъ мѣла читаетъ поло-

¹⁾ Кафъ называется большой мѣшокъ изъ грубой шерстяной ткани; въ немъ, обыкновенно, помѣщается 8—9 пудовъ зерна.

²⁾ Вѣсть называется «маси-кѣшь».

женія при бракосочетаніяхъ молитвы, предварительно спросивъ у свидѣтелей (двухъ мужчинъ) о согласіи жениха и невѣсты, потомъ во всеуслышаніе объявляетъ, кого онъ повѣнчалъ. Этимъ оканчивается обрядъ бракосочетанія, послѣ котораго новобрачныхъ отправляютъ въ домъ жениха, гдѣ имъ отводятъ особую комнату съ приготовленною въ ней постелью. Въ этомъ помѣщеніи молодыхъ запираютъ до слѣдующаго утра, не давая имъ никакой пищи.

Между тѣмъ въ домѣ невѣсты начинается пиръ, который задаютъ родители послѣдней. Передъ гостями въ изобиліи появляются самбы изысканныя и утонченныя блюда, какія только употребляются въ Кухистонѣ въ торжественныхъ случаяхъ. На ряду съ простою лапшой (*угрѣ*, *туня*, *бши-ляпѣ*, *бши-борѣк*), вареною въ водѣ съ кислымъ молокомъ, и съ «умочемъ»—мелкими вареными катѣшками изъ бобовой, пшеничной или ячменной муки, которые ѣдятъ съ кислымъ молокомъ,—подаются: «тѣхми-буріонъ»—яичные желтки, выпущенные на сковороду и поджаренные съ лукомъ на маслѣ, мясо (*гушт*) во всѣхъ видахъ: въ супѣ, кебабомъ и пловомъ, жареные въ собственномъ соку курбы, кислое молоко (*джурхѣд*, *джигрѣд*) и т. п. «Чумчѣ» (ложка съ длинной ручкой) едва успѣваетъ переходить отъ одного рта къ другому¹⁾.

Веселые разговоры, смѣхъ, пѣсни, посвященныя похваламъ новобрачныхъ, и танцы пирующихъ продолжаютъ чуть не до разсвѣта; на ряду съ чаемъ рѣдкою лѣтся «дунѣкѣ», настоенные на водѣ сушеные яблоки. Женщины, обыкновенно, держатся въ сторонѣ отъ мужчинъ, собираясь въ отдѣльной комнатѣ.

На слѣдующій день происходитъ доказательство невинности молодой. Старая родственница молодой (обыкновенно бабушка) утромъ является въ спальню новобрачныхъ и внимаетъ изъ-подъ одеяла кусокъ матеріи, который она вчера незамѣтно сунула въ руку невѣсты, оставляя ее въ первый разъ наединѣ съ молодыми. Мать показывается родителямъ невѣсты и женщинамъ, родственницамъ новобрачныхъ; если матерія оказывается окровавленою, то женщины и отецъ молодой всячески ласкаютъ новобрачную, покрывая ее поцѣлуями и назви-

¹⁾ ѣдятъ, обыкновенно, одною ложкой, передавая ее по очереди другъ-другу.

вая всевозможными ласкательными словами. Въ противномъ случаѣ дѣло обходится безъ огласки, ограничиваясь лишь препирательствомъ и ссорой втихомолку сватовъ. Жена же остается при мужѣ, будучи нелюбимою и постылою на всю жизнь. (У Бухарскихъ и Самаркандскихъ таджиковъ въ такомъ случаѣ полагается разводъ).

Съ выходомъ замужъ оканчиваются беззаботные и, сравнительно, счастливые дни туземной женщины. Впереди пред-

Дѣтскіе типы Зарафшанскихъ горцевъ.

стоитъ цѣлая жизнь пошлаго подчиненія мужчине и пассивная роль самки-производительницы. Обреченная на вѣчную работу, она мало видитъ свѣтлыхъ дней въ своей замужней жизни. Ея единственная радость—дѣти¹⁾.

Нигдѣ, кажется, послѣдніе не пользуются такимъ попечениемъ и внимательностью, какъ у горцевъ-таджиковъ. Чадолюбіе вообще присуще всѣмъ среднеазиатскимъ таджикамъ, всюду дѣти у нихъ составляютъ предметъ трогательной любви, которая въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ у

¹⁾ Нижеспомощаемое описаніе отношеній горныхъ таджиковъ къ дѣтямъ первоначально было читано, какъ рефератъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии и затѣмъ помѣщено въ 3-й книжкѣ «Этнографическаго Обзорія» за 1899 г., подъ заглавіемъ «Отношенія къ дѣтямъ у горныхъ таджиковъ».

Въ настоящую главу это описаніе вошло въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ деталяхъ.

равниннѣхъ обитателей заходитъ иногда даже за предѣлы приличія. Но дѣти-горцы, живущія въ патриархальной неспорченной средѣ своихъ отцовъ, пользуются особенно нѣжною любовью и привязанностью своихъ родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Дѣтей ласкаютъ, нѣжатъ и при первой возможности спѣшатъ ихъ хоть чѣмъ-нибудь порадовать. Ихъ не бьютъ, не наказываютъ и даже дать небольшой щелчокъ или подзатыльникъ считается позоромъ. Да и какъ не ласкать, не любить малютокъ горцу-таджику, если съ момента зачатія до наступленія совершеннолѣтія дѣтская жизнь туземца уже много сотенъ лѣтъ окружается цѣлымъ рядомъ легендъ и повѣрій, иногда наивнѣхъ и трогательнѣхъ по своей простотѣ.

Когда еще ребенокъ находится въ утробѣ матери, о немъ печется самъ Провидитель-Худо, который даетъ ему умъ, дѣханіе и жизнь и посылаетъ къ нему, еще не родившемуся, ангела. Послѣдній даетъ ребенку глаза, языкъ и питаетъ его все время до появленія на свѣтъ. По смерти же малютки въ первое время по рожденіи, ангелъ, его питатель, беретъ его душу и несетъ къ Худу, который и помѣщаетъ ее съ прочими душами младенцевъ въ самомъ прекрасномъ мѣстѣ рая.

Передъ родами женщина, обыкновенно, прощается со всѣми своими родными и въ отдѣльной комнатѣ, куда не долженъ входить никто изъ родныхъ и знакомыхъ, дожидается появленія на свѣтъ ребенка. Подлѣ нея только «дойя» (бабка) и двѣ-три старѣхъ женщины, приглашенныхъ оберегать родильницу и новорожденного отъ злыхъ дѣвовъ и отъ пари¹⁾. Въ моментъ (наступленія родовыхъ болей родильницу подводятъ къ табурету *сандолі*); она становится на колѣни, опирается на него руками и, согнувъ спину, въ такомъ положеніи производитъ на свѣтъ дитя. По первому моменту появленія послѣдняго судятъ о всей его послѣдующей жизни. Если ребенокъ родился съ крикомъ или же въ сорочкѣ, значитъ въ жизни онъ будетъ счастливъ и уменъ; если же при рожденіи ребенокъ молчалъ, стало-бытъ въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ несчастливъ и, вдобавокъ, недалекъ. Почти тотчасъ по рожденіи ребенка обмывають и завертываютъ въ кусокъ мягкой хлопчатобумажной ткани своего издѣлія, родильницу же укладываютъ въ постель и въ теченіе

¹⁾ См. предъидущую главу.

перваго дня родовъ къ ней никого не пускаютъ. Для подкрѣпленія силъ послѣ перенесенныхъ болѣе роженицъ даютъ питъ коровье масло и кушатъ «атали», небольшое количество пшеничной или пшенной муки, замѣшенной и прокипяченной въ водѣ съ кислымъ молокомъ.

Мѣстомъ пребыванія новорожденнаго до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи ходить, служитъ деревянная колыбель (*gavora*), на которую сверху набрасываютъ пологъ. Эта колыбель очень низка и нѣсколько напоминаетъ наши дѣтскія качалки.

Уходъ за новорожденнымъ и его кормленіе составляютъ самую главную заботу туземной женщины. Она отдаетъ ребенку всѣ свои силы, здоровье и молодость; дѣльные дни она проводитъ у крохотной постели своего малютки, укачиваетъ его, заботливо поправляетъ, осматриваетъ его миллионами поцѣлуевъ и называетъ самыми разнообразными ласкательными именами, какія только можетъ подсказать ей безгранично-попящее материнское сердце. Въ первое время по рожденіи надзоръ за младенцемъ бѣваетъ особенно бдительнѣе. Долго ли сдѣлать его несчастнымъ на всю жизнь? На землѣ живутъ добрые духи, пари, и много злыхъ, съ разными названіями. Какъ тѣ, такъ и другіе могутъ причинить ребенку зло, похитить и унести его безвозвратно или изувѣчить на всю жизнь.

По сну младенца матъ судитъ о томъ, что ея дорогое дитя видитъ во снѣ. Если ребенокъ смѣется, то, стало-быть, ему снится кто-либо изъ небожителей или добрыхъ духовъ, если же онъ плачетъ, то это означаетъ, что дитя боится злобнаго дѣва или шайтана, котораго онъ увидалъ во снѣ. И по этой причинѣ, изъ боязни различныхъ дурныхъ послѣдствій, матъ еще болѣе ревностно смотритъ за своимъ ребенкомъ, никуда не отлучаясь отъ его колыбели и всюду таская его за собою. Какъ часто можно наблюдать въ садахъ и огородахъ горныхъ кишлаковъ женщинъ, занятыхъ какою-либо работою, сборомъ овощей, подчисткою деревьевъ и проч., и подлѣ многихъ изъ нихъ стоятъ колыбели съ дѣтми. Оставить маленькаго ребенка дома, на попеченіе чужихъ, таджичка никогда не рѣшится.

Дѣти—это великая награда за всю тяжелую трудовую жизнь туземной женщины, единственная отрада за тѣ невзгоды и неприятности, которыми такъ полно ея существованіе, и лю-

бовъ къ дѣтямъ и безграничное желаніе имѣть ихъ такъ велики у каждой туземки, что если дѣти умираютъ, то для предотвращения этого беременная женщина тайно идетъ къ муллѣ. Тотъ за извѣстный подарокъ читаетъ надъ тряпкою, палкою, костью или иною какою-либо вещью извѣстное заклинаніе или молитву, потомъ отдаетъ наговоренный предметъ пришедшей женщинѣ. Она бережно прячетъ его и при первомъ удобномъ случаѣ кидаетъ наговоръ къ дому того сосѣда, у котораго много дѣтей, въ надеждѣ, что теперь смерть минуетъ будущее ея дѣтище и унесетъ дитя сосѣда.

Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, гдѣ сохранились еще кое-какіе остатки маздеизма, таджичка беретъ лоскутъ какой-либо ткани и идетъ съ нимъ къ священному дереву обѣтовъ. Здѣсь она привязываетъ тряпицу на одну изъ вѣтвей и, произнося горячую молитву Худю, даетъ при этомъ клятву, что если Богъ-Творецъ исполнитъ ея мольбу и желаніе—ея ребенокъ не умретъ, то она поставитъ столько-то зажженныхъ свѣчей въ углубленіи священнаго камня, котораго, обыкновенно, находится подлѣ мечети или въ старомъ мазарѣ.

Когда дитя подрастетъ и начнетъ ходить—это, приблизительно, бѣваетъ на второмъ году,—ему впервые бреютъ или просто коротко стригутъ волосы. Эта операція происходитъ, обыкновенно, безъ всякихъ церемоній. Потомъ лѣтъ до 7—10 волосы стригутся довольно аккуратно, но мальчикамъ въ это время не полагается еще носить «токы» (ермолки). Происходитъ ли это отъ крайней бѣдности таджика, у котораго подчасъ у самого не бѣваетъ на головѣ ничего, или же вообще не принято,—не знаю. Дѣвочкамъ послѣ первой стрижки болѣе не стригутъ волосы; когда послѣдніе отрастутъ, ихъ заплетаютъ въ двѣ косы по обѣимъ сторонамъ головки. Иногда болѣе зажиточные родители при этомъ вплетаютъ въ косу малютки какою-нибудь ленту или просто полоску окрашенной хлопчатобумажной ткани. Въ такомъ возрастѣ матъ нѣрѣдко надѣваетъ на шею дѣвочки свое ожерелье изъ мелкихъ полированныхъ камней или простыхъ стеклянныхъ бусъ. Это считается необыкновеннымъ щегольствомъ. Когда ребенокъ начнетъ ходить, его освобождаютъ отъ того тряпья, въ которое онъ завернутъ, и впервые надѣваютъ на него длинную, доходящую до лодыжекъ рубашку. Этотъ костюмъ, обыкновенно,

одинъ на годъ и на два, словомъ—какъ износится; другая рубашка для смѣны, по бѣдности, не полагается. Нужно ли при этомъ добавлять, что грязь и засаленность дѣтской рубашки превосходить всякое вѣроятіе?

Съ того момента, какъ ребенокъ уже въ состояніи ходить, къ нему на всю жизнь Худо приставляетъ двухъ ангеловъ, а темнѣя силы посылаютъ одного шайтана, которнй незримо для людей сидитъ верхомъ на шеѣ каждаго чековѣка, подстрекая

Дѣтскіе типы Карагеина. (Снято въ селеніи «Чор-Солд».)

его на все злое. Ангелы также невидимо для людей сидятъ на плечахъ человека и охраняютъ его отъ всего злого, дурного и предостерегаютъ отъ порочной жизни. Дитя находится подъ ихъ непосредственнымъ покровительствомъ и охраною. Эти два небожителя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ребенку жилось, по возможности, хорошо и никто бы его не обижалъ; въ противномъ случаѣ жалятся Худо, и Тотъ строго караетъ виновнаго. Когда дитя умираетъ, два ангела-хранителя берутъ его душу и несутъ на небо по свѣтлой дорогѣ всѣхъ праведниковъ и добродѣтельныхъ людей. Въ звѣздныя ясныя ночи этотъ небесный путь умершихъ дѣтей и святыхъ всякій можетъ

наблюдать: у нѣкоторыхъ горцевъ-таджиковъ онъ такъ и называется «Дорога ко Всевышнему» (*Рби ба пеши Худб*), у насъ же—«Млечный Путь».

Въ возрастѣ до 10 лѣтъ дѣти пользуются особенною любовью родителей и окружающихъ ихъ взрослыхъ. Отды во время отдыха отъ работъ находятъ покой и развлеченіе въ кругу дѣтей. И по кишлакамъ часто можно видѣть, особенно подѣ вечеръ, какъ партіи мужчинъ сидятъ подѣ тѣнью какого-нибудь дерева, окруженныя дѣтворою; самыя маленькія дѣти

сидятъ на колѣняхъ, часто по два, по три. Мозолистыя, загорѣлыя руки отцовъ съ необыкновенною нѣжностью и любовью ласкаютъ эти черныя и бѣлокурныя головки и грязныя, испачканныя личики, и подѣ дѣтскій лепетъ и ласки таджикъ забываетъ все свои невзгоды и тяжелую бѣдность. На вопросъ, сколько у него дѣтей, горецъ всегда вамъ отвѣтитъ на это съ какою-то внутреннею радостью, что дѣтей у него столько-то, и при этомъ всегда раздѣлитъ ихъ, назвавъ мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ. И при словахъ: столько-то «бача» (мальчикъ), столько-то «духтаръ» (дѣвочка), лицо горца складывается въ самую сладкую улыбку. Самое лучшее лакомство, которое только можно достать, горецъ-таджикъ никогда не станетъ ѣсть самъ, а всегда отдаетъ своимъ дѣтямъ. Каждый, котораго судьба занесетъ въ города равнины (Самаркандъ, Кокандъ и друг.), считаетъ своимъ долгомъ принести на родину не только своимъ дѣтямъ, но и постороннимъ хоть что-нибудь такое, что могло бы ихъ обрадовать. Человекъ, не любящій дѣтей, едва ли найдется въ горныхъ кишлакахъ: на него стали бы смотрѣть съ отвращеніемъ и даже съ ужасомъ. Часто можно слышать въ горахъ фразу, что кто дѣтей не любитъ, того и Худо не любитъ и постоянно наказываетъ его, ни въ чемъ не давая удачи. Горецъ-таджикъ смотритъ на ребенка какъ на даръ Божій, какъ на самое чистое проявленіе божества; въ немъ онъ видитъ все лучшее въ своей жизни, всю отраду и надежду. Ласкать и баловать дѣтей—святая обязанность не только каждой матери, но и каждаго мужчины. Всякое жестокое обращеніе съ дѣтьми способно вызвать горькія слезы у взрослыхъ. У забѣзжаго чужестранца таджикъ съ трогательными просьбами выпрашиваетъ хоть какую-нибудь бездѣлушку или кусокъ сахара, только бы отнести своимъ бача или духтаръ. При отказѣ онъ будетъ молить васъ, выпрашивать и для бѣльшаго состраданія путешественника ведетъ и несетъ къ нему дѣтвору. И надо видѣть его радость, если дѣти получаютъ какое-либо лакомство или ничтожаый подарокъ: таджикъ съ неподдѣльною искренностью благодаритъ дающаго и призываетъ на него все благословенія Худо и всякія пожеланія земныхъ и небесныхъ благъ. «Кто любить дѣтей, у того сердце чистое, незапятнанное ничѣмъ», говорятъ горцы. И изъ подобнаго воззрѣнія на подрастающее поколѣніе нерѣдко происходятъ такія явленія: умираетъ отецъ и

мать, послѣ нихъ остаются круглыми сиротами ихъ дѣти; въ другомъ бы мѣстѣ они, пожалуй, пошли бы по міру или бы разбрелись по нѣсколькимъ домамъ чужихъ людей, гдѣ и влачили бы жалкую, скорбную жизнь безпріютныхъ сиротъ; у таджиковъ же этого почти никогда не случается. Сиротъ всегда беретъ на свое попечение ближайшій родственникъ и воспитываетъ ихъ наравнѣ со своими дѣтьми, при этомъ любви къ нимъ бываетъ еще больше, чѣмъ къ своимъ дѣтямъ. «Они,—сироты, не имѣютъ ни отца, ни матери: грѣхъ не заботиться о нихъ», говорятъ окружающіе. Помню, какъ въ одномъ дарвазскомъ кишлакѣ пришлось встрѣтить одного туземца, у котораго было своихъ пять человѣкъ дѣтей и, кромѣ того, онъ воспитывалъ еще четырехъ своихъ племянниковъ, оставшихся послѣ смерти его брата. При этомъ когда приходилось раздавать дѣтямъ леденецъ и разныя сласти, этотъ таджикъ просилъ дать побольше сиротамъ; «модаръ нѣдора, падаръ нѣдора» (ни отца, ни матери не имѣютъ), добавлялъ онъ всякій разъ, глядя грязныя головки сиротъ. Девять человѣкъ дѣтей—всюду обуза порядочная, но въ горахъ Центральной Азии, среди страшной окружающей бѣдности, прямо-таки удивительно, какъ ухитряется туземецъ прокормить столько ртовъ и такъ нѣжно заботиться о нихъ. Въ крайнихъ случаяхъ, когда по смерти родителей дѣти остаются совсѣмъ безпріютными, не имѣя никого родственниковъ, ихъ кормитъ и воспитываетъ все селеніе сообща до самаго ихъ совершеннолѣтія, причемъ если сирота—дѣвушка, ее выдаютъ замужъ всѣмъ кишлакомъ, если же это мужчина, то съ момента совершеннолѣтія его земляки перестаютъ заботиться о немъ и предоставляютъ его своему собственному усмотрѣнію.

На третьемъ или на четвертомъ году оканчивается кормленіе ребенка грудью. Послѣ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дарваза и Каратегина дѣтямъ для праздничныхъ дней болѣе зажиточные родители дѣлаютъ рубашки изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани, рукава и вороты которыхъ украшаются оторочками изъ небольшихъ перламутровыхъ кружковъ, покрашенныхъ различными рѣзными узорами. Это называется по-мѣстному «садафъ», по имени вообще жемчужныхъ раковинъ, которыя встрѣчаются въ верхнемъ теченіи Аму и въ нѣкоторыхъ ея притокахъ съ правой стороны. Въ этихъ лѣтахъ на дѣвочекъ

впервые надѣваютъ шабвары и, въ большинствѣ случаевъ, въ уши вставляютъ серьги. Въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ надъ мальчиками производится обрѣзаніе (*чукбороні*). Въ назначенный день родители приглашаютъ мастера этого дѣла (*усто*), обыкновенно кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, постоянно производящаго эту операцію, и если имѣютъ достатокъ, съзываютъ много гостей и всѣхъ тѣхъ мужчинъ кишлака, которіе имѣютъ лошадей. Когда явится усто и соберутся гости, начинается угощеніе, появляются неизбежныя: пловъ, кебобъ, «тѹхми-бурионі» (жаренныя яйца въ маслѣ), вареное мясо, «шурбѣ» (супъ) и проч. туземныя кушанья. Во время пира конные тѣшатся извѣстною игрою «бузкаші»—разриваніе козла, котораго имъ жертвуетъ отецъ мальчика. Послѣ пира и окончанія игры происходитъ самое чукбороні. Мальчика кладутъ навзничъ и держатъ его по рукамъ и ногамъ; мастеръ беретъ короткую камышевую палочку, расщепленную съ одного конца. Въ этотъ расщепъ зажимается крайняя плоть, такъ что ея верхняя часть нѣсколько выдается изъ расщепа наружу. Тутъ сдвинувъ камышъ, усто быстро срѣзаетъ острымъ ножомъ или бритвой выдающуюся вверхъ кожуцу. При этомъ чтобы унять кровь, на рану сейчасъ же накладывается зажженная вата. Этимъ и заканчивается операція.

Послѣ обряда обрѣзанія мальчику дается лукъ и деревянный стрѣла. Онъ, такъ-сказать, съ этого момента начинаетъ готовиться быть мужемъ и воиномъ. Стрѣлабѣ изъ лука его учатъ отецъ или же болѣе старшіе сверстники. Отъ прежнихъ малолѣтнихъ своихъ товарищей мальчикъ уже отдѣляется и примыкаетъ къ болѣе старшимъ. Стрѣлабѣ изъ лука составляетъ одну изъ самыхъ любимѣйшихъ дѣтскихъ занятій въ горахъ. Кромѣ этого, едва ли даже существуютъ какія-либо игры у большинства туземныхъ мальчиковъ. Съ луками въ рукахъ, партіи дѣтей рѣзятся подъ тѣнью исполинскихъ карагачей, чинаръ и широколиственныхъ платановъ, забавляются стрѣлабѣй въ птицъ, въ стволы деревьевъ и проч. Эти небольшіе дѣтскіе отряды можно видѣть играющими и за кишлаками въ лугахъ, и при дорогахъ, и на скатахъ горъ. Самыи старшій изъ нихъ, обыкновенно, является предводителемъ, его слушаются и ему повинуются всѣ остальные дѣти. При этомъ нельзя удержатся отъ улыбки, когда, пробѣгая, видишь, что самыя маленькія дѣти не

обращаютъ на тебя никакого вниманія и безпечно роются гдѣ-нибудь въ песокъ или на берегу какого-либо ручья, тогда какъ болѣе взрослѣя, завидя незнакомаго, въстраиваются при дорогѣ или гдѣ-нибудь въ сторонѣ и молча провожаютъ его долгимъ сербизнымъ взглядомъ. Въ нѣкоторыхъ уголкахъ горныхъ тущобъ встрѣчаются партіи дѣтей, которыя напоминаютъ своимъ видомъ что-то первобытное. На этихъ маленькихъ войнахъ, обыкновенно, ничего не надѣто, за исключеніемъ только волчьей шкурки, которая наброшена на плечи, и кожаного передника; на ногахъ и головѣ ничего нѣтъ. Съ луками въ рукахъ эти полугольи дѣти имѣютъ какой-то крайне дикій и воинственный видъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть полугольями почти взрослѣхъ дѣтей, что 3—4 лѣтнія малютки, которыя бѣгаютъ здѣсь, имѣютъ на себѣ хотъ какія-нибудь рубашонки. Спросите любого изъ такихъ подростковъ, почему онъ такъ жалко одѣтъ, вы всегда услышите одинъ простодушный отвѣтъ: «лабосо надорумъ» (платья не имѣю). Малѣйшей хотъ какъ-нибудь, въ ущербъ иногда себѣ, родители стараются прикрѣпить какою-нибудь рубашкою, такъ какъ безъ одеждъ они легко могутъ простудиться по слабости организма, а эти—болѣе взрослѣе, и потому, какъ ихъ ни жалко, по бѣдности приходится положиться на волю Худо: авось они вытерпятъ и не простудятся.

Само-собою понятно, что причина такого отношенія къ подросткамъ кроется не въ скудости горца-таджика, который для дѣтей ничего не пожалѣетъ, а въ его бѣдности. Хлопокъ, засѣваемый въ горахъ въ небольшомъ количествѣ, и то только тамъ, гдѣ его позволяетъ разводить климатъ, не удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ населенія, и потому горцы вынужденны покупать ткани или хлопчатобумажную пряжу въ городахъ, отдавая за это различныя свои незатѣйливныя произведенія и скоть. Глядя на этихъ до-нелзя оборваныхъ, полугольихъ дѣтей, прикрѣпленныхъ грязными, страшно засаленными лохмотьями, невольно думается, какую бы могли сослужить драгоценную службу волокна конопли и куджута, которые здѣсь засѣваются только изъ-за масла. Но, къ сожалѣнію, эти растения другого примѣненія въ горахъ не имѣютъ, кромѣ упомянутого. Въ праздничныя дни—а такими бываютъ: Нав-Рузъ (Новый Годъ, 8 марта) и Курбанъ-Байрамъ—дѣтей наряжаютъ въ чистыя рубашки. Кромѣ того, въ день Нав-Руза наравнѣ съ взрослыми

имъ красятъ хеною¹⁾ ногти рукъ, ногъ и концы пальцевъ. Хена, по мнѣнію таджиковъ, обладаетъ свойствомъ укрѣплять ногти и придаетъ имъ красивую изгибъ и гладкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Каратегина и Дарваза хену употребляютъ не только въ день Нав-Руза, но и въ другіе праздники въ году, причѣмъ дѣтямъ красятъ, кромѣ того, волосы на головѣ и подошвы ногъ; послѣднее дѣлаетъ, по мнѣнію туземцевъ, кожу на подошвахъ твердою и нечувствительною, что очень важно, если принять во вниманіе постоянную ходьбу по гористой мѣстности и острыми камнями.

Желая хотъ чѣмъ-нибудь порадовать своихъ дѣтей въ торжественныя дни, родители наканунѣ послѣднихъ окрашиваютъ яйца, часть которыхъ отдаютъ дѣтямъ, часть оставляютъ у себя. Ничего и говорить, что радость дѣтей въ такіе дни бываетъ безпредѣльна. Да и мудро ли, если такое счастье выпадаетъ имъ въ году только разъ или два! И маленькій горецъ всегда съ затаенною радостью и нѣкоторою тревогою передъ праздниками спрашиваетъ своихъ родителей, много ли будутъ красить яйца и какихъ болѣе: красивыхъ или желтыхъ (окрашиваютъ только въ эти два цвѣта²⁾). Въ самый день праздника, особенно если это бываетъ весною или лѣтомъ, весь кишлакъ выходитъ на улицу: взрослѣе, здороваясь другъ съ другомъ, обмѣниваются крашенными яйцами, а дѣти въ чистыхъ рубашонкахъ, съ выбритыми или стриженными головками, бережно прижимая къ груди такіе же яйца, съ ликующимъ видомъ спѣшатъ подъ тѣнь деревьевъ, на зеленѣющіе берега ручьевъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ, дѣвочки и мальчики, такъ же, какъ и у насъ на Пасху, начинаютъ катать яйца. И въ этой игрѣ проводятъ весь день съ утра до поздняго вечера. Радости дѣтей радуются и взрослѣе: это катанье дѣтскими яйцами и ихъ ликованіе при этомъ, по вѣрованію горцевъ-таджиковъ, есть прославленіе дѣтскими сердцами всемогущаго Худо-Парвардигора, который милостивымъ взоромъ вѣчнаго покровителя взираетъ на безгрѣшныя

¹⁾ Толченый корень *Balsamiae hortensis*.

²⁾ Въ красный цвѣтъ яйца окрашиваются фуксиномъ и «руйаномъ» (сухіе стебли *Rubiae peregrinae*, кипяченые въ водѣ), покупаемыми у забѣжныхъ купцовъ-узбековъ и равнинныхъ таджиковъ. Окраска въ желтый цвѣтъ достигается слѣдующимъ образомъ: высушиваютъ грибовидные наросты на стволахъ тутовыхъ деревьевъ и перетираютъ ихъ въ порошокъ, который бросаютъ въ кипящую воду, куда, затѣмъ, опускаютъ и яйца.

созданія—на дѣтей, и доволенъ, что они своею радостью чтятъ Его праздникъ.

Подрастаетъ дитя, и если въ дѣтствѣ не сладка была для него жизнь, мало видѣлъ онъ радостей даже въ ту счастливую пору, то что сказать о взросломъ человѣкѣ? Суровая, окружающая природа постепенно охватываетъ и всецѣло подчиняетъ себѣ его, невооруженнаго противъ нея различными благами цивилизованной жизни. Сгибаясь подъ тяжестью выпавшей на его долю участи, безропотно переноситъ горецъ рѣзкую смѣну жары холодами, осеннюю и весеннюю непогоду и ненастье, зимній холодъ и стужу, и лишь жметъ онъ въ это время ближе къ очагу своей бѣдной хижинѣ, гдѣ ярко пылаетъ та стихія, которой, по его преданіямъ, въ сѣдой древности поклонялись его праотцы. Полагая въ большинствѣ случаевъ все свое благосостояніе въ земледѣліи, горецъ терпѣливо воздѣлываетъ самыми примитивными орудіями землю, изъ которой, по его вѣрованіямъ, Творцомъ былъ впервые вызванъ къ бытію человѣкъ. И нерѣдко трудъ земледѣльца приноситъ лишь горести разочарованія: пропадаетъ посѣвъ, замерзаютъ всходы и проч. А впереди надвигается грозный призракъ голода и беспощадное требованіе исправнаго платежа податей¹⁾. Сжимается сердце таджика, и часто, очень часто наивно спрашиваетъ онъ заблуждаго въ его горы чужестранца: «Скажите, тюрка, скоро ли насъ возьметъ къ себѣ «Бѣлый Царь» (*Шодибхи-Сафид*)? У него, говорятъ, такъ хорошо жить: податей платятъ мало и нѣтъ голода». Но молчитъ заблуждѣвшій путникъ въ отвѣтъ на этотъ

¹⁾ Вотъ, напримеръ, какъ взимаютъ головную подать въ Каратегинѣ и прочихъ мѣстахъ Нагорной Бухары. Эмпу: $\frac{1}{10}$ часть собраннаго за годъ хлѣба, 20 фунтовъ масла съ богатыхъ и баранъ стоимостью въ 12 тенговъ (1 рубль 92 к.), или же 12 тенговъ деньгами; съ бѣдныхъ же, вмѣстѣ масла и барана,—кусочекъ «маты» стоимостью отъ 60 к. до 1 рубля. Въ пользу же ира, амлекзара, волостного старшины и ихъ прислуги сходить еще пуда по два хлѣба зерномъ, полпуда или пудъ масла и нѣсколько тенговъ деньгами, смотря по степени выпрашиванія, или, вѣрнѣе, вымогательства. При страшной окружающей бѣдѣ такіе поборы невыносимы, ибо если перевести на нашъ курсъ стоимость ихъ съ каждаго мѣстнаго горца, то сумма выйдетъ внушительная. Въ самомъ дѣлѣ, если положить, что въ среднемъ горцы-таджики даютъ 2 пуда пшеницы ($\frac{1}{10}$ часть съ земельныхъ доходовъ), то, считая по 1 р. 10 к. пудъ, выйдетъ 2 рубля 20 коп.; 20 фунтовъ масла стоятъ, приблизительно, 5 рублей, баранъ—три рубля, или столько же деньгами; итого выйдетъ 10 рублей съ богатыхъ. Съ бѣдныхъ же, если, при всемъ одинаковомъ остальномъ, вмѣсто барана и масла положить кусочекъ маты рубля въ два, выходитъ всего податей рублей на 5. Если прибавить еще столько же на мѣстныя власти, то непосильность платежа такихъ поборовъ станетъ очевидною. Недонимокъ же не полагается: для ихъ устраненія существуютъ многія, весьма радикальныя, мѣры.

вопросъ, и горецъ изъ силъ выбивается, стараясь заработать кусочекъ хлѣба себѣ и своей семьѣ въ занятіяхъ какимъ-либо кустарнымъ промысломъ, промываніемъ золота и проч., или же бредетъ пѣшкомъ за сотни верстъ, на чужбину, искать работы, чтобы прокормить свою семью и уплатить подати. Безболзненно и легко проходитъ онъ высокіе перевалы на пути и опасныя дороги со всевозможными карнизами и балконами, не останавливаютъ его и широкія бурливія горныя рѣки. Всѣмъ извѣстный бурдюкъ (*санбъ, сангоч*¹⁾) забираетъ ему въ дорожную сумку для путевыхъ запасовъ, служитъ и для переправы черезъ рѣки. Для этого горецъ-таджикъ кладетъ снятое платце въ сангочъ, надуваетъ послѣдній воздухомъ и, туго завязавъ отверстіе, подвязываетъ бурдюкъ поясомъ спереди туловища, между ногъ; затѣмъ, войдя въ рѣку, ложится на воду и переплываетъ на другой берегъ²⁾.

На чужбинѣ, перенося различныя лишенія и насмѣшки окружающихъ надъ своею наивною, горецъ живетъ лишь одною мыслію о своей семьѣ и родныхъ горахъ. Къ нимъ стремится его сердце, и, скопивъ кое-что изъ своего скуднаго заработка, на крѣпкихъ радостяхъ онъ спѣшитъ подъ родное небо. Тамъ ему дороги каждый кустъ, каждый камень, тамъ мила ему родная природа, съ ея шапкообразными карагачами, могучими раскидистыми деревьями грецкого орѣха или съ низкорослыми березками и трепетнолистными осинами; дороги ему и прохладная тѣнь дубравъ въ жаркій полдень, и зимнія вьюги и непогоды. Даже болѣзнь не удерживаетъ горца-таджика на чужой сторонѣ, и если только онъ въ состояніи двигаться, то тащится въ родной кишлакъ. Тамъ онъ, на дорогой родинѣ, легче умретъ, если суждено ему умереть, и скорѣе выздоровѣетъ, если Худо не изгладилъ его изъ книги жизни, ибо велика дѣйственность родныхъ «мазаровъ» (гробницы святыхъ). Въ самомъ дѣлѣ, если влюбившись въ кого, а тебѣ не отвѣчаютъ взаимностью, иди къ мулла или какому-либо вѣдуну, и они прочтутъ тебѣ наговоръ на хлѣбъ, солъ или какое-либо лакомство;

¹⁾ У равнинныхъ таджиковъ—«губсаръ».

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что при переправахъ черезъ большія горныя рѣки въ большинствѣ случаевъ на бурдюкахъ переправляются партіи, сплывавшія между собою руками и ногами.

кому хочеш дай наговоренное—ни одно сердце не устоитъ противъ тебя, и муки души твоей пройдутъ безслѣдно. Смазавъ кто-нибудь—отрѣжь тайно лоскутъ отъ платя смазавшаго, зажги на огнѣ и этимъ дымомъ окури больного: болѣзнь сниметъ какъ рукою. Заболѣвъ лихорадкою или другою какою-либо болѣзнию—иди къ муллахъ или лозови его къ себѣ; онѣ завяжетъ толстую нитку узлами, прочтетъ надъ каждымъ узломъ заговоръ и надѣнетъ эту нитку больному на шею. Не хочешь обращаться къ муллахъ или знахарю—отправься къ наиболее чтимому мѣст-

Кладбище.

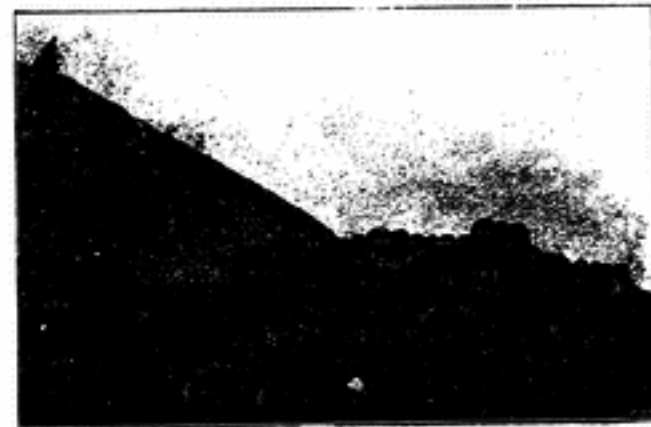
ному мазару и горячо помолись у гробницы святого, а если имѣешь состояніе, то принеси тамъ жертву. Или же повѣсь на «дерево обѣтовъ» кусокъ матеріи и поклянись, что если выздоровѣешь, то поставишь столбко-то зажженныхъ свѣчей въ камнѣ подлѣ мазара или мечети, и болѣзнь пройдетъ безслѣдно.

Въ борьбѣ съ природой изъ-за насущнаго хлѣба проходитъ вся жизнь горца-таджика. Мало ему выпадаетъ свѣтлыхъ дней въ жизни, и не мудрено, что преждевременная старость и истощеніе являются его пожизненными спутниками, не мудрено,

что число дѣтей, нерѣдко и при многоженствѣ, бываетъ незначительно: одинъ-два, много двое-трое. Но вѣчная жизнь въ скудости не изгнала изъ сердца горца бодрого, веселаго духа; не сталъ онѣ мрачнымъ и угрюмымъ. Часто раздаются его смѣхъ и часто пѣсни и пляски изъ конца въ конецъ оглашаютъ горные кишлаки. Любитъ онѣ свои родивія горы и, довольный и по-своему счастливый, живетъ въ родномъ кишлакѣ до самой смерти въ блаженномъ невѣдѣніи все мятущейся жизни цивилизованнаго человека.

Приходитъ время умирать—таджикъ оставляетъ этотъ мѣръ съ твердымъ сознаниемъ того, что тамъ, за гробомъ, его также ждетъ жизнь, именно: если онѣ жилъ на землѣ добродѣтельно, жалѣлъ несчастныхъ и нищихъ, любилъ людей, говорилъ правду, оказывалъ гостеприимство, избѣгалъ ссоръ, не дѣлалъ никому зла,—его душа будетъ жить въ раю (*бахишт*), наслаждаясь блаженствомъ и созерцая славу Предвѣчнаго Творца міровъ. Если же онѣ велъ зазорную, худую жизнь, не любилъ людей, говорилъ неправду и сѣялъ зло, то Худо помѣститъ его душу въ аду (*дузахъ*), гдѣ она и будетъ горѣть въ неугасимомъ огнѣ.

И не одинокій умираетъ онѣ: при послѣднемъ разставаніи души съ тѣломъ у одра умирающаго собираются его семейные и родственники, они принимаютъ его послѣдній вздохъ и закрываютъ его глаза. Они обмывають покойника, заворачивають его въ бѣлый саванъ изъ матеріи и хоронятъ по обрядамъ религіи Пророка, причемъ нѣтъ нужды, если за неимѣніемъ настоящаго муллы похоронивія молитвы прочтетъ кто-нибудь изъ грамотныхъ односельчанъ. На могилѣ накладываютъ небольшую груду

Фамильный склепъ богатыхъ людей. (Снято близъ «Калаи-Розарна», на Ванджѣ).

камней, сверху которой наваливаются колючий хворостъ, во многихъ же мѣстахъ въ изголовьѣ послѣдняго успокоенія умершаго человека втыкаютъ высокій шестъ съ насаженными на него деревянными голубемъ (*кафтър*), символомъ неоскверненной человеческой души, взлетѣвшей къ своему Творцу.

У знатныхъ лицъ существуютъ особня фамилныя кладбища: рядъ могилъ, обнесенныхъ высокою, иногда зубчатою глинобитною стѣною, въ которую ведетъ затѣйливо рѣзная дверь.

Скорбь по утерянномъ членѣ семьи, помимо присущаго всему человечеству плача, выражается также и трауромъ, ношение котораго свойственно, кажется, лишь однимъ женщинамъ. Его цвѣтъ бываетъ различенъ, смотря по мѣстности: въ Карагешѣ, напримѣръ, траурный цвѣтъ бываетъ краснымъ, въ Дарвазѣ—бѣлымъ; обычный срокъ его ношенія—день, но если покойникъ былъ примѣрнымъ мужемъ или хорошимъ сыномъ, то трауръ носятъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ и даже цѣлаго года, не говоря о траурѣ души, который туземная женщина способна носить по дорогомъ ей человѣкѣ всю жизнь въ своемъ сердцѣ. Проходятъ дни, уносятся циклы лѣтъ¹⁾, а таджичка время-отвременно заходитъ на знакомую ей могилу и, вспоминая объ умершемъ, пролѣветъ подчасъ не одну слезу надъ дорогимъ ей прахомъ.

¹⁾ Въ горахъ неизвѣстно лунное счисленіе, котораго здѣсь придерживаются лишь муллы. Всѣ мѣстные туземцы слѣдуютъ солнечному счисленію, введенному на Востокъ въ XI вѣкѣ сельджуками султаномъ Малек-Шахомъ и позаимствованному у китайцевъ. По этому счисленію годъ считается отъ одного весенняго равноденствія до другого и состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ, каждый въ 30 дней; недостающіе 5 дней прибавляются къ послѣднему мѣсяцу. Года распределяются по цикламъ; каждый циклъ заключаетъ въ себя 12 лѣтъ, которыя слѣдуютъ у горцевъ-таджиковъ въ такомъ порядкѣ: 1-й—годъ мыши (*сали-мур*), 2-й—годъ быка (*сали-бакыр*), 3-й—годъ леопарда (*сали-назми*), 4-й—годъ зайца (*сали-харифи*), 5-й—годъ крокодила (*сали-назми*), 6-й—годъ змѣи (*сали-мур*), 7-й—годъ лошади (*сали-аси*), 8-й—годъ барана (*сали-чустимд*), 9-й—годъ обезьяны (*сали-халдунд*), 10-й—годъ курицы (*сали-мур*), 11-й—годъ собаки (*сали-си*) и 12-й—годъ свиньи (*сали-хук*). (О лѣтосчисленіи циклами см. статью Терентьева «О мусульманскомъ лѣтосчисленіи», приложенную къ его «Хрестоматіямъ: турецк., персидск., киргизск. и узбекской». Изд. 1876 г. Спб.).

Распределеніе на часы неизвѣстно: пору дня опредѣляютъ просто по солнцу или по намазамъ.

Глава VII.

Образцы памятниковъ народнаго творчества.

Помѣщаемъ ниже нѣсколько, по нашему мнѣнію, наиболее интересныхъ басенъ и сказокъ горцевъ-таджиковъ записаны въ разныхъ мѣстахъ Кухистона и первоначально были помѣщены въ нашихъ «Материалахъ для изученія нарѣчія горныхъ таджиковъ Центральной Азии»; находя, что въ данномъ случаѣ дословность въ передачѣ ихъ на русскій языкъ была бы не совсѣмъ уместна, мы позволили себѣ мѣстами допустить нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, незначительныя, отклоненія отъ оригинала. Полагаемъ, что отъ этого суть предлагаемыхъ памятниковъ народнаго творчества и, такъ сказать, ихъ индивидуальная окраска особенно не пострадала. Вѣроятно, большинству читателей нижепомѣщаемыя сказки и басни отзовутся чѣмъ-то роднымъ, знакомымъ съ дѣтства, хотя и слышаннымъ или читаннымъ въ ту пору совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ другой формѣ, чѣмъ онѣ предлагаются здѣсь. Это обстоятельство лишній разъ доказываетъ общность идей и образовъ человечества, хотя бы тѣ или другіе представители послѣдняго стояли на различныхъ ступеняхъ культуры.

Подобно впечатлѣніямъ ранняго дѣтства, навсегда сохраняемымъ въ сердцѣ, не въ примѣръ событіямъ болѣе позднихъ лѣтъ, такіе памятники народнаго творчества, слагаясь въ младенчествѣ народовъ, потомъ помнятся послѣдними и въ періодъ возмужалости и во время старости, когда, «въ предѣлахъ земныхъ совершивъ все земное», они достигаютъ вершинъ культуры и цивилизаціи.

I.

Осель, Левъ, Верблюдь и Волкъ.

Б а с н я ¹⁾.

Одинъ начальникъ каравана велъ караванъ изъ десяти верблюдовъ и десяти ословъ въ Китай. Дорогою одинъ верблюдь и одинъ осель настолько изнурились, что онъ принужденъ былъ бросить ихъ въ пустынь на произволъ судьбы. Оставленный Осель напился пьянымъ и сказалъ своему товарищу Верблюду:

— Давай запоемъ пѣсни.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Верблюдь,—нельзя этого дѣлать: услышитъ Левъ, придетъ и съѣстъ насъ.

Но не послушался Осель предостереженій Верблюда и затянулъ пѣсню. Пришелъ Левъ. Верблюдь, увидя его, сказалъ Ослу:

— Ну, не говорилъ ли я тебѣ: не пой пѣсни. Вотъ Левъ и пришелъ.

И сказалъ Левъ:

— Сейчасъ съѣмъ Осла.

Но Осель сказалъ на это Лву:

— Постой, давай-ка побьемся о закладъ: кто изъ насъ достанетъ мозгъ земли, тотъ и съѣстъ другого.

Левъ согласился на это. А надо замѣтить, что Осель до прихода Льва зарылъ въ землю горшокъ съ кислымъ молокомъ. Сколко Левъ ни копалъ земли, не могъ найти въ ней мозга, Осель же сразу нашелъ; вырылъ горшокъ съ кислымъ молокомъ и подбросилъ его за ручку до самаго неба. Затѣмъ устремился на Льва съ крикомъ:

— Ну, теперь я съѣмъ тебя!

Испугался Левъ, что ему грозитъ опасность бѣтъ съденнымъ и побѣжалъ безъ оглядки. Попадается ему навстрѣчу Волкъ.

— Что ты бѣжишь, Левъ?—спрашиваетъ тотъ.

¹⁾ Записано со словъ Ходжи-Назара, изъ кишлака Дэн-Ходжа-Али, на одномъ изъ притоковъ р. Сурхоба, въ Каратегинѣ.

— Какъ же мнѣ не бѣжать: меня хочетъ съѣсть Осель,—отвѣчаетъ Левъ.

— Вернись,—началъ Волкъ уговаривать Льва,—у меня есть съ Ослемъ старыя счеты: надо мнѣ получить съ него прежній долгъ, сорокъ кусковъ мяса. Вернись, мнѣ вмѣстѣ и съѣдимъ Осла!

Но Левъ изъ боязни не соглашался. Тогда Волкъ посоветовалъ Лву сдѣлать слѣдующее:

— Чтобы намъ не разъединиться, надѣнь ты веревку съ петлею на мою шею, а петлю на другомъ концѣ веревки закрѣпи на своей шеѣ.

Послушался Левъ и поступилъ по совѣту Волка. И пошли они назадъ къ Ослу. Последній, увидѣвъ ихъ, заревѣлъ что есть силы. Левъ опять испугался и побѣжалъ, потащивъ за собою на арканѣ и Волка, такъ что тотъ задыхался и издохъ.

II.

Человѣкъ и Змѣя.

Б а с н я ¹⁾.

Былъ одинъ человѣкъ. Отправился онъ въ путь и дошелъ до лѣса, котораго былъ объятъ пламенемъ. На вершинѣ одного изъ деревьевъ увидѣлъ онъ Змѣю, которая сказала тому человѣку:

— Выгони меня изъ огня.

— Нѣтъ, Змѣя,—сказалъ Человѣкъ,—не выгони я тебя изъ огня.

— Почему?

— Да потому, что ты меня ужалишь.

— Клянусь тебѣ, что не ужаю тебя,—сказала Змѣя.

Повѣрилъ ей Человѣкъ, сдѣлавъ изъ веревки петлю, забросилъ ее на дерево, захватилъ Змѣю и выгналъ изъ огня. Потомъ сказалъ:

— Ну, Змѣя, вылезай теперь изъ моей петли.

— Нѣтъ,—отвѣчала Змѣя,—не вылезу я и ужаю тебя.

¹⁾ Записано со словъ Сохиб-Назара, изъ кишлака Техаръ, въ верховьяхъ р. Ванджа въ Дарвазѣ.

И взмолился тогда Человѣкъ:
 — Не кусай ты меня безъ свидѣтелей.
 И пошли они искать свидѣтелей. Пришли къ Ивѣ.
 — Скажи, чѣмъ платится за добро?—спросилъ Человѣкъ у
 дерева.
 — За добро платятъ зломъ,—отвѣтила Ива.
 Восторжествовала Змѣя и сказала:
 — Ужалою тебя, а вонъ не влѣзъ.
 Но Человѣкъ просилъ Змѣю идти дальше. Пошли они даль-
 ше и пришли къ Лисѣ.
 — Эй, Человѣкъ, что ты пришелъ?—спросила Лисица.
 — Да вотъ Змѣя не пускаетъ меня: ужалить хочетъ.
 И сказала Лиса:
 — Змѣя, влѣзъ-ка изъ петли Человѣка, я посмотрю на
 тебя.
 Змѣя вѣшла и поползла.
 — Человѣкъ, бей ее палкою,—закричала Лиса.
 Человѣкъ ударилъ Змѣю палкою и убилъ. Такъ онъ осво-
 бодился отъ нея и пошелъ далѣе. Великъ Господь!

III.

Сынъ визиря.

Сказка 1).

Жилъ-былъ одинъ царь, былъ у него визирь. Однажды царь сказалъ визирю: «Собери со всего царства молодыхъ людей по парѣ, т.-е. чтобы каждому юношѣ приходилось по дѣвчкѣ-ровесницѣ. Мы ихъ всѣхъ, начиная съ твоего сына и моей дочери, перевѣчаемъ». Сталъ визирь исполнять приказаніе царя, но во время сборовъ молодежи умеръ. У визиря хотя и былъ сынъ юноша, но царь не исполнилъ своего обѣщанія: не отдалъ за него своей дочери.

— Матушка,—обратился однажды молодой человѣкъ къ матери,—сходи къ царю, попроси его вѣдать за меня дочь. Если

1) Записано со словъ того же Сохиб-Назара, изъ кишлака Техаръ, въ верховьяхъ р. Ванджа.

же онъ не согласится, то пусть хоть дастъ мнѣ сколько-нибудь денегъ.

Пошла старуха къ царю и повторила просьбу сына. Царь вынулъ три золотыхъ и далъ женѣ визиря. Та принесла деньги домой и отдала ихъ сыну. Тотъ взялъ ихъ и отправился на базаръ. Видитъ онъ—трое людей хотятъ убить котенка. Далъ имъ молодой человѣкъ за него три золотыхъ и принесъ котенка къ себѣ домой.

На базарѣ въ г. Карагачѣ (въ Хисарѣ).

— Неужели, дитя, ты заплатилъ за котенка три золотыхъ?—спросила его мать.

— Матушка,—отвѣчалъ юноша,—его хотѣли убить, а я спасъ его отъ смерти.

Опять пошла его мать къ царю, принесла другіе три золотыхъ и опять отдала сыну. Снова тотъ понесъ эти деньги на базаръ. Видитъ—трое людей хотятъ убить щенка. Заплатилъ онъ за него три золотыхъ и принесъ щенка домой. Горько заплакала мать, увидя сына со щенкомъ, и сказала:

— Дитя мое, ты истратилъ шесть золотыхъ и приобрѣлъ лишь котенка и щенка.

Въ третій разъ отправилась бѣдная женщина къ царю и, получивъ отъ него еще три золотыхъ, попрежнему отдала ихъ сыну, а онъ опять понесъ эти деньги на базаръ. Понравился тамъ ему одинъ сундукъ, купилъ онъ его и принесъ къ матери. Едва послѣдняя подняла крышку сундука, какъ вышелъ изъ него драконъ, да такой страшный и громадный, что нижняя губа его—на землѣ, а верхняя доходитъ до неба. Увидя это

На базарѣ въ Патта-Хисарѣ (на Амударьѣ).

чудовище, жена визиря упала въ обморокъ; очнувшись, она сказала сыну:

— Удали, ради Бога, отъ меня этого дракона!

Юноша положилъ дракона обратно въ сундукъ, закрылъ крышку и понесъ его къ его отцу. Въ видъ подарка за принесенное дѣтище, драконъ подарилъ сыну визиря перстень стоимостью въ одинъ поясъ земли¹⁾. Юноша понесъ этотъ перстень на базаръ и, продавъ его, такъ много привезъ денегъ, что весь замокъ царя наполнилъ ими. И царь вѣдалъ свою дочь

¹⁾ По мнѣнію мусульманъ, вся земля дѣлится на семь поясовъ.

за сына визиря, и тотъ сталъ обладателемъ на землѣ полного счастья. Да, достигнемъ и мы такого счастья по милосердію Того, Кто самый Милостивый изъ милосердыхъ.

IV.

Сказка о курильщикѣ опія и о его мнимомъ богатствѣ¹⁾.

Былъ одинъ курильщикъ опія²⁾; сидѣлъ онъ однажды въ банѣ; кончилъ курить и собирался уже выходить изъ бани, какъ туда вошелъ какой-то купецъ изъ Балха и крикнулъ ему:

— Эй, носильщикъ!

Продавецъ опія подбѣжалъ къ нему:

— Къ вашимъ услугамъ!—сказалъ онъ.

— Отнеси-ка вотъ это кислое молоко въ мою квартиру, и сколько это стоитъ?—сказалъ купецъ.

— Полъ-тенгги.

— Одну мирі я дамъ тебѣ.

Курильщикъ согласился и взялъ горшокъ съ молокомъ. Идя, онъ размечтался.—На эту монету,—говорилъ онъ,—которую мнѣ дастъ купецъ, я куплю себѣ курицу, она мнѣ снесетъ тридцать яицъ. Изъ тридцати яицъ будутъ у меня цыплята. Каждый цыпленокъ снесетъ мнѣ по яйцу, и изъ этихъ яицъ введется множество куръ; число ихъ достигнетъ тысячи лаковъ³⁾. Продавъ куръ, я сдѣлаюсь богачемъ и куплю себѣ барановъ, нѣсколько тысячъ барановъ. Затѣмъ женюсь, жену возьму либо у царя, либо у купца, либо у поселанина. Лучше возьму у царя дочь. Пошлю сватовъ къ царю. Царь согласится, выдастъ за меня свою дочь, за нею дастъ большой кадыкъ. Приведу я ее въ свой домъ и скажу: «дочь царя, приготовь-ка какое-либо кушанье, чтобы я поѣлъ; а потомъ и время проведу весело!» Позоветъ царица невольницу, прибѣжитъ на ее зовъ молодая дѣвушка, а она ей скажетъ: «приготовь-ка кушанье, я покушаю съ моимъ мужемъ, а потомъ предадимся удовольствіямъ!» Дѣвуш-

¹⁾ Записано со словъ муллы Давлата, изъ книжки Сархі, въ верхояхъ Оби-Хингоу.

²⁾ Въ оригиналѣ бѣимъ, что значить курильщикъ «бѣимъ» (растения, известнаго въ ботаникѣ подъ именемъ *Datura-stramonium*).

³⁾ Лакъ=100.000.

ка побѣжитъ приготовить кушанье. Побѣдимъ, и я скажу: «ну теперь я покурю.» — «Отлично», скажетъ моя жена. Придетъ невольница за кушаньемъ, а я курю. Покуривши, скажу своей женѣ: «принеси-ка мнѣ воды. Я вѣмою себѣ руки!» Жена отвѣтитъ: «вѣдь я дочь царя, не подамъ тебѣ воды!» — «Что же ты не подашь, — я твой мужъ!» закричу я. — «Ты курильщикъ опія, безумецъ, и я не подамъ тебѣ воды!» «О ты, дочь проклятаго, принеси воды!» закричу я; жена опять начнетъ возражать: «твой

На базарѣ въ «Мужин-Абдалѣ» на одномъ изъ притоковъ Ях-Су).

отецъ—проклятый, ты—курильщикъ опія, воръ, нищій!» — Тогда я вбѣду изъ терпѣнія и позову палача, а жена кликнетъ слугъ. Я разсержусь, вскочу съ мѣста и ударю жену; та закричитъ палачамъ. Явятся двое палачей, обнажатъ мечи и ударятъ меня по головѣ».

Но не попали палачи по головѣ его, а попали по горшку съ кислымъ молокомъ, которъй и разбился вдребезги ¹⁾. Въ

¹⁾ Т.-е. курильщикъ опія до такой степени увлекся своими мечтами, что вообразилъ, будто бы палачи хотятъ его ударить, и выпустилъ горшокъ изъ рукъ.

это время возвращавшійся изъ бани купецъ нагналъ курильщика опія и спрашиваетъ его: «для чего ты разбилъ горшокъ?» — Курильщикъ опія отвѣчалъ: «палачъ царя ударилъ меня по головѣ, но не попалъ по ней, а по горшку, и разбилъ его». — Купецъ ударилъ его два раза пинкомъ, курильщикъ опія пустился бѣжать, не получивъ обѣщанныхъ ему денегъ. Такъ ему и не пришлось бѣгъ богачемъ.

V.

О продолжкахъ Ашур-Айора и его жены.

Сказка ¹⁾.

Жилъ-былъ на свѣтѣ человѣчище по имени Ашур-Айоръ, имѣлъ онъ жену по имени Ашур-Бика-Джонъ. Случилось однажды, что нечего имъ было ѣсть. Всталъ Ашур-Айоръ и пошелъ искать пропитанія, а жена его отправилась къ Судьѣ съ просьбой:

— Ашур-Айоръ у меня ушелъ изъ дома и умеръ. Дайте, ради Бога, сиротамъ хоть сколько-нибудь муки!

Далъ Судья Ашур-Бика-Джону чашку муки и спрашиваетъ ее:

— Не удостоишь ли ты меня своею благосклонностью?

— Какъ настанетъ ночь, захватите барана и побольше муки и приходите ко мнѣ, — шепнула та Судьѣ.

Судья съ радостью исполнилъ все, что ему сказала Ашур-Бика-Джонъ: принесъ къ ней въ домъ муки, привелъ барана и пригласилъ гостей. Зарѣзали барана; Ашур-Бика-Джонъ наварила разныхъ кушаний и началась пирушка. Когда гости разошлись, Судья остался у «вдовѣ» ночевать. Но ночью пришелъ Ашур-Айоръ и сталъ стучаться въ дверь. Испугался Судья и спрашиваетъ женщину:

— Что мнѣ дѣлать?

— Ложись скорѣе въ колѣбелъ, — сказала ему Ашур-Бика-Джонъ и затѣмъ впустила мужа. Войдя въ домъ и осмотрѣвшись, Ашур-Айоръ спросилъ жену:

— Что это въ колѣбелѣ?

— Ребеночка Богъ послалъ, — отвѣчала та.

¹⁾ Записано со словъ Махмед-Саяда, изъ кнѣзика Пешхаръ, на р. Панджѣ, въ Дарвазѣ.

Подошелъ Ашур-Айоръ поближе къ колыбели и видитъ, что у «ребенка» ноги высунулись изъ колыбели и торчатъ.

— Послушай-ка,—обратился Ашур-Айоръ къ женѣ,—принеси мнѣ топоръ: я укорочу ребенку немного ножки.

Перепугался Судья, услывшавъ это, вскочилъ и вмѣстѣ съ колыбелю убѣжалъ домой ¹⁾.

Прошло послѣ того нѣскольکو времени, и опять настала въ семьѣ Ашур-Айора голодъ. Вышелъ Ашур-Айоръ изъ дому, а жена его пришла къ Райсу ²⁾ и повторила ему ту же просьбу, что когда-то говорила и Судьѣ. Понравилась Ашур-Бика-Джонъ Райсу и тотъ предложилъ ей войти за него замужъ.

— Согласна,—отвѣчала «вдова»,—берите больше муки и приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Настала ночь; взялъ Райсъ муку, собралъ гостей и пришелъ съ ними къ невѣстѣ. Та наварила похлебки, и пошелъ пиръ горой. Когда гости ушли, Райсъ и говоритъ Ашур-Бика-Джону:

— Постели постель и ляжемъ спать.

Легли. Вдругъ въ дверь постучался Ашур-Айоръ и закричалъ женѣ:

— Отпри-ка дверь!

— Что мнѣ дѣлать?—въ испугѣ заметался Райсъ.

— Завернись скорѣй въ коровью шкуру, авось Ашур-Айоръ тебя не увидитъ,—сказала Ашур-Бика-Джонъ и пошла отпирать мужу двери. Райсъ же завернулся въ коровью шкуру и сталъ въ углу у двери ³⁾.

Вошелъ Ашур-Айоръ и, заглянувъ за дверь, спросилъ жену:

— Чья это корова?

— Райса,—отвѣчала та.

— Давай-ка убьемъ ее,—предложилъ женѣ Ашур-Айоръ,—и съѣдимъ.

Испугался Райсъ и опрометью, какъ былъ въ шкурѣ, убѣжалъ домой.

¹⁾ Надо замѣтить, что колыбели всюду на Востоку дѣлаются съ однимъ или двумя полукруглыми надъ или ободьями. Поэтому чтобы залѣзть въ колыбель или вылезть изъ нея взрослому, нужно подлѣзть подъ эти ободья.

²⁾ Райсъ—начальникъ вообще.

³⁾ Двери хона въ большинствѣ случаевъ открываются внутрь помѣщенія, почему райсъ и сталъ у двери въ углу въ надеждѣ, что вошедшій Ашур-Айоръ, отворивъ дверь, не увидитъ его въ комнатѣ.

На другой день Ашур-Айоръ говоритъ женѣ:

— До сегодняшняго дня ты добывала пропитаніе дѣтямъ, инынѣ же ты оставайся дома: займусь этимъ дѣломъ я.

Купилъ Ашур-Айоръ осленка и погналъ его по улицѣ. Попадаютъ ему навстрѣчу трое прохожихъ.

— Что у тебя за осель?—спрашиваютъ они Ашур-Айора.

— Этотъ осель дорогого стоитъ,—отвѣчаетъ Ашур-Айоръ:—когда онъ испражняется, я его толкаю ногою, и онъ извергаетъ денбги.

Подивились прохожіе такому диковинному ослу и купили его у Ашур-Айора за двѣсти тенбговъ. Получилъ Ашур-Айоръ денбги и понесъ ихъ къ себѣ домой. Новіе же владѣльцы осла сколько ни толкали послѣдняго, онъ, къ сожалѣнію, ничего не извергалъ, кромѣ того, что ему было свойственно по его природѣ.

— Ахъ, мерзавецъ,—ругались обманутые люди,—Ашур-Айоръ обманулъ насъ. Поведемъ осла обратно къ хозяину и возвемъ денбги назадъ.

Привели осла къ Ашур-Айору, вошли въ хона; видятъ, жена Ашур-Айора умерла и онъ сидитъ около нея съ палкой въ рукѣ.

— Къ чему у тебя палка?—удивились люди.

— Эта палка оживляетъ мертвецовъ,—отвѣтилъ Ашур-Айоръ и, поднявъ палку, ударилъ ею по мертвой женѣ: жена тотчасъ же ожила и встала. И сказали люди про себя:

— Купимъ эту чудесную палку и много приобрѣтемъ богатства.

Приобрѣли они эту палку у Ашур-Айора за двѣсти тенбговъ и ушли.

Разнеслась вѣсть, что умеръ царь; слуги его случайно встрѣтили людей, купившихъ палку у Ашур-Айора, и когда послѣдніе рассказали, что у нихъ за палка, слуги царя стали ихъ упрашивать пойти и оживить умершаго царя. «Мы вамъ много за это всякаго добра дадимъ», говорили они.

Пришли владѣльцы чудодѣйственной палки во дворецъ и ударили ею по трупу царя; но сколько ни били его, покойникъ не ожилъ, и со срамомъ и побоями изгнали ихъ изъ дворца царедворцы. И пришли эти люди опять къ Ашур-Айору, но дома застали одну грустную его жену. На ихъ вопросы, гдѣ Ашур-Айоръ, Ашур-Бика-Джонъ сказала, что онъ умеръ. Пришли люди къ могилѣ Ашур-Айора и видятъ, что изъ нея подымается пламя.

— Подблѡмъ ему, окаянному,—сказали они:—сожралъ онѣ наши денѣги: вотѣ теперѣ его огонь и палитѣ въ могилѣ.

Разрѣли они могилу Ашур-Айора и каждый по-очереди хотѣлъ осквернитѣ ее. Но едва первѣй расположилъ на могилѣ, Ашур-Айорѣ изо всей силы ударилъ того человѣка молотомъ въ задѣ, такъ что онѣ тотчасъ же испустилъ духъ, двое же другихъ его товарищей со страху бросилъсѣ бѣжать. Ашур-Айорѣ же возвратилъ къ себѣ въ домѣ и счастливо зажилъ. Мѣи его въ такомѣ положеніи и повѣнѣ видимѣ.

VI.

Лисица и Перепелка.

ВАСНЯ ¹⁾.

Жила-была на свѣтѣ Лисица. Однажды летѣла Перепелка, и прямо на Лису; испугаласѣ послѣдняя и убѣжала, а потомѣ, подкарауливъ птичку, схватила ее.

— За что ты меня схватила, Лиса?—спрашиваетѣ Перепелка.

— Ты меня напугала, и вотѣ я тебя схватила, чтобы съѣсть,—отвѣчала Лисица.

— Я тогда, не ѣшь меня,—взмолиласѣ Перепелка.

— Нѣтъ, шалишь, съѣмѣ,—не слушала Лиса.

— Я буду твоимѣ другомѣ и буду кормитѣ тебя,—говорила птичка.

— Какъ это ты сдѣлаешь?—спросила Лиса.

— Ты видишь вонѣ того человѣка?

— Вижу.

— Его жена готовитѣ теперѣ пищу, чтобы отнести ее мужу,—сказала Перепелка.

Дѣйствительно, черезѣ нѣсколько времени показаласѣ женщина, несшая мужу пищу.

— Посиди пока здѣсь,—сказала Перепелка Лисицѣ и порхнула на дорогу.

¹⁾ Записано со словъ Махмед-Джалля, изъ книжки Кругозаръ, на р. Панджѣ, въ Дарвазѣ.

«Дай-ка я поймаю эту птичку»,—подумала женщина и, поставивъ чашку съ пищею, бросиласѣ ловитѣ Перепелку. Лисица же воспользоваласѣ этимъ временемѣ, выбѣжала изъ-за своей засады, и прямо къ чашкѣ; поѣла всю пищу и, испражнившисѣ въ чашку, опять прикрѣла ее крѣшкой. Улетѣвшая отъ женщины Перепелка подлетѣла къ Лисицѣ и спрашиваетъ ее:

— Поѣла?

— Поѣла,—отвѣчала та.

Женщина же, бросивъ ловитѣ Перепелку, вернуласѣ къ оставленной чашкѣ, взяла ее, поставила на голову и отправиласѣ къ мужу. Когда тотѣ взялъ отъ жены чашку и снялъ крѣшку съ нее, то вмѣсто пищи увидалъ лисѣй пометѣ.

— Это что такое?—спросилъ онѣ жену.

— Это пометѣ Лисицы,—сказала жена.

Схватилъ человѣкъ палку и сталъ битѣ жену, приговаривая: «почему ты не принесла мнѣ пищи?» Сильно избилъ онѣ женщину, такъ что та съ плачемъ убѣжала домой.

— Ну, теперѣ я свѣта, пойдемѣ дальше,—сказала Лисица.

Пошли дальше. Черезѣ нѣсколько времени дошли до одной деревни и, взобравшисѣ на крѣшу одного хона, заглянули внутрѣ хижинѣ; видятѣ, подлѣ очага сидятѣ мужчина и женщина.

— Подожди здѣсь, а я влечу въ хижину,—сказала Перепелка Лисѣ и вспорхнула въ хона.

Женщина, увидя Перепелку, сказала мужу:

— Вотѣ эта птичка обманула меня, затвори-ка дверь: сейчасъ мнѣ ее поймаетѣ.

А надо замѣтитѣ, что женщина была та самая, у которой Лисица поѣла кушанье въ чашкѣ.

Мужъ притворилъ дверь, Перепелка порхнула на постель.

— Постой,—сказалъ мужъ,—я ее убью.

— Нѣтъ,—отвѣтила жена,—убью ее я.

Схватилъ мужъ камень и пустилъ имѣ въ Перепелку, но не попалъ въ нее, а въ своего ребенка-сына, которѣй тутѣ же и умерѣ.

— Ты убилъ нашего сына!—закричала женщина, а птичка перелетѣла съ постели и сѣла на край котла, въ которомъ вариатѣ пищу. Въ гнѣвѣ женщина схватила большой ковшъ, а мужъ палку, при чемѣ и та и другой бросилъсѣ за Перепелкой съ крикомъ: «вотѣ я убью ее!» Замахнулъсѣ мужъ палкою, но

жена предупредила его и запустила ковшомъ въ птичку, но не попала въ нее, а угодила въ лобъ мужу, которій тутъ же упалъ и умеръ. Перепелка же чрезъ отверстіе въ кровшѣ вметѣла къ Лисицѣ, и обѣ немало смѣялись надъ всѣмъ происшедшимъ.

— Ну, довольно, смѣяться, — сказала наконецъ Лисица, — пойдѣмъ хотѣ поплачемъ.

Спустились онѣ съ кровши и пошли далѣе. Дорогою Перепелка замѣтила двухъ спящихъ собакъ и полетѣла къ нимъ. Лисица же, не замѣтивъ, куда полетѣла ея спутница, стала искать ее по сторонамъ, и вдругъ увидѣла собакъ; съ испугу она бросилась бѣжать. Собаки же тѣмъ временемъ, замѣтивъ Перепелку, вскочили схватить ее, но птичка, какъ бы спасаясь отъ нихъ, полетѣла прямо на Лисицу и этимъ навела собакъ на послѣднюю. Собаки, увидя Лису, бросились за нею. Лиса спряталась отъ нихъ въ нору. Собаки, видя неудачу, возвратились обратно. Перепелка же положила у входа въ нору сухую тѣлку, которая, колебаясь отъ вѣтра и катаясь по землѣ, сильно громыхала. Лисица, пугаясь этихъ звуковъ, стала копать выходъ изъ норы въ другомъ мѣстѣ; сдѣлавъ его, она сильно утомилась. Найдя тѣлку, Лисица поняла, что та была причиною ея испуга.

— Погоди же, — сказала Лиса тѣлкѣ, — ты меня испугала; я пойду и утоплю тебя.

Привязала Лиса тѣлку къ хвосту и потащила въ рѣчку. Придя къ берегу, она опустила хвостъ, а тѣлку въ воду; когда тѣлка достаточно наполнилась водою, то потащила Лису въ воду.

— Что ты меня пугаешь? — сказала Лиса тѣлкѣ, а въ послѣднюю все продолжала булькать вода.

Въ это время прилетаетъ Перепелка. Лиса, увидя ее, спросила:

— Другъ, ты куда же улетѣла?

— А я ныряла подъ водою, наполнивъ свои шальвары камнями, — отвѣчала Перепелка.

— Вотъ какъ, — сказала Лисица, — попробую и я. Наложила камней въ свои шальвары, повѣсила ихъ на шею и нырнула въ воду, но больше ужъ не появлялась изъ рѣчки. Такъ Перепелка освободилась отъ Лисицы.

VII.

Ястребъ, Ворона и Лисица.

Басня 3).

Жилъ-былъ одинъ Ястребъ¹⁾; ввелъ онъ дѣтей на вершинѣ дерева. Пришла къ нему Лисица и говоритъ:

— Брось мнѣ одного дѣтенка: я его съѣмъ. — Но Ястребъ не далъ Лисѣ своего птенца.

— Брось, — приставала Лисица, — иначе я поваляю дерево.

Испугался Ястребъ, и бросилъ Лисицѣ одного изъ своихъ дѣтенка; та подхватила его и съѣла.

Увидѣвъ это Воронъ и спрашиваетъ Ястреба:

— Для чего ты отдалъ Лисицѣ своего птенца?

— Я испугался словъ Лисы, такъ какъ она хотѣла обвить мое дерево хвостомъ, повалять его и съѣсть всѣхъ моихъ птенцовъ.

— Не отдавай больше Лисѣ птенцовъ: не можетъ она повалять дерева, — сказалъ Воронъ и улетѣлъ.

Приходитъ опять Лиса къ Ястребу и требуетъ другого птенца.

— Не дамъ я тебѣ больше своихъ дѣтей ѣсть, — отвѣтилъ Ястребъ.

— Кто это научилъ тебя бить умнымъ? — спросила Лиса.

— Самъ, — отвѣчалъ Ястребъ.

— Неправда, — приставала Лисица, — говори, кто тебя научилъ?

— Воронъ, — сознался Ястребъ.

Пошла Лиса прочь отъ дерева, легла въ чащу и высунула на дорогу языкъ. Замѣтивъ его Воронъ, и думая, что лежитъ что-нибудь съѣдобное, потянулъ за языкъ Лисы, чтобы его съѣсть, но Лисица схватила Ворона и сказала:

— Это ты научилъ Ястреба не давать мнѣ птенцовъ. По годи, теперь я тебя съѣмъ!

¹⁾ Записано со словъ того же Махмед-Джалала.

²⁾ Въ подлинникѣ — «кальмурга», родъ ястреба безъ хохла на головѣ.

— Не бѣшь меня здѣсь, Лиса,—сталъ спрашивать ее Воронъ.
— Гдѣ же мнѣ тебя съѣсть?—спросила Лисица.
— На какомъ-нибудь высокомъ мѣстѣ,—сказалъ Воронъ.
Послушалась Лиса, принесла его на высокое мѣсто и
говорить:

— Богъ здѣсь я тебя съѣмъ!

— Прочти сначала молитву: я предъ смертью послушаю.

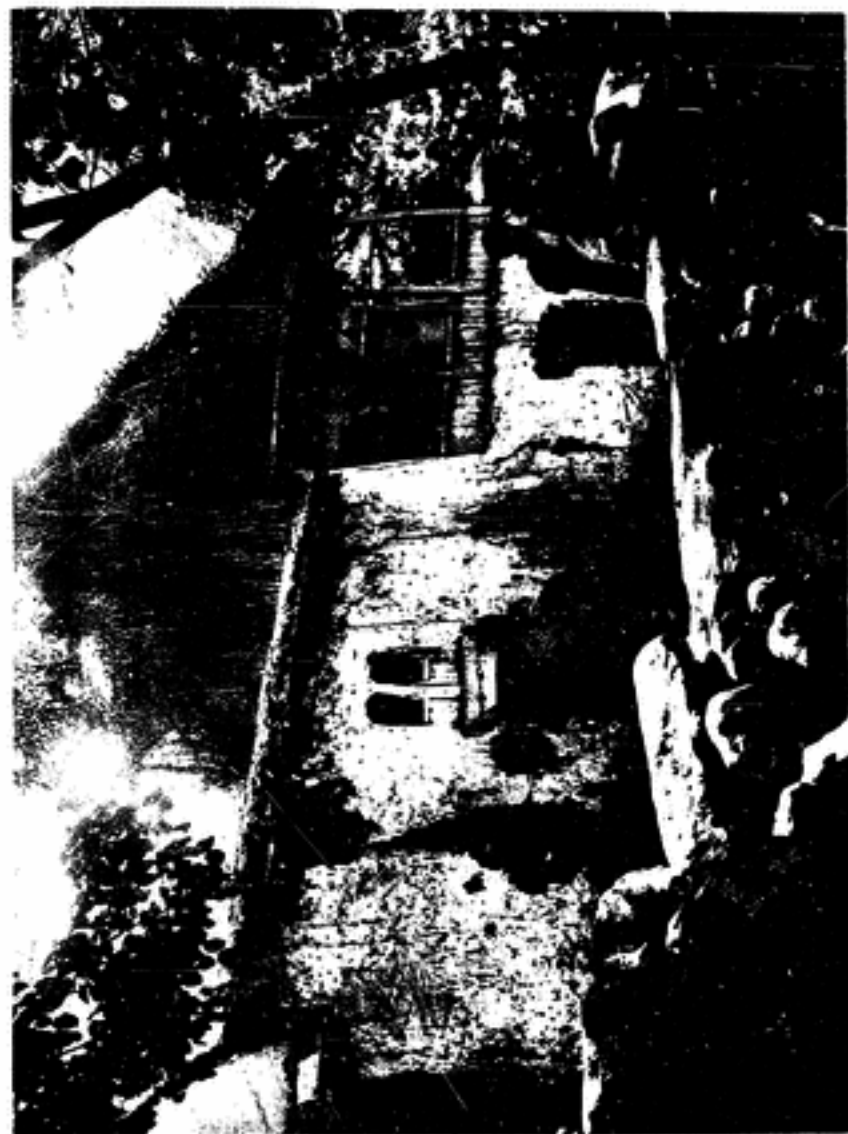
— Богъ великъ!—начала Лиса, раскрывши свой ротъ. Въ
этотъ моментъ Воронъ и вылетѣлъ у нея изо рта.

Удивилась Лиса и, опомнившись, проворчала:

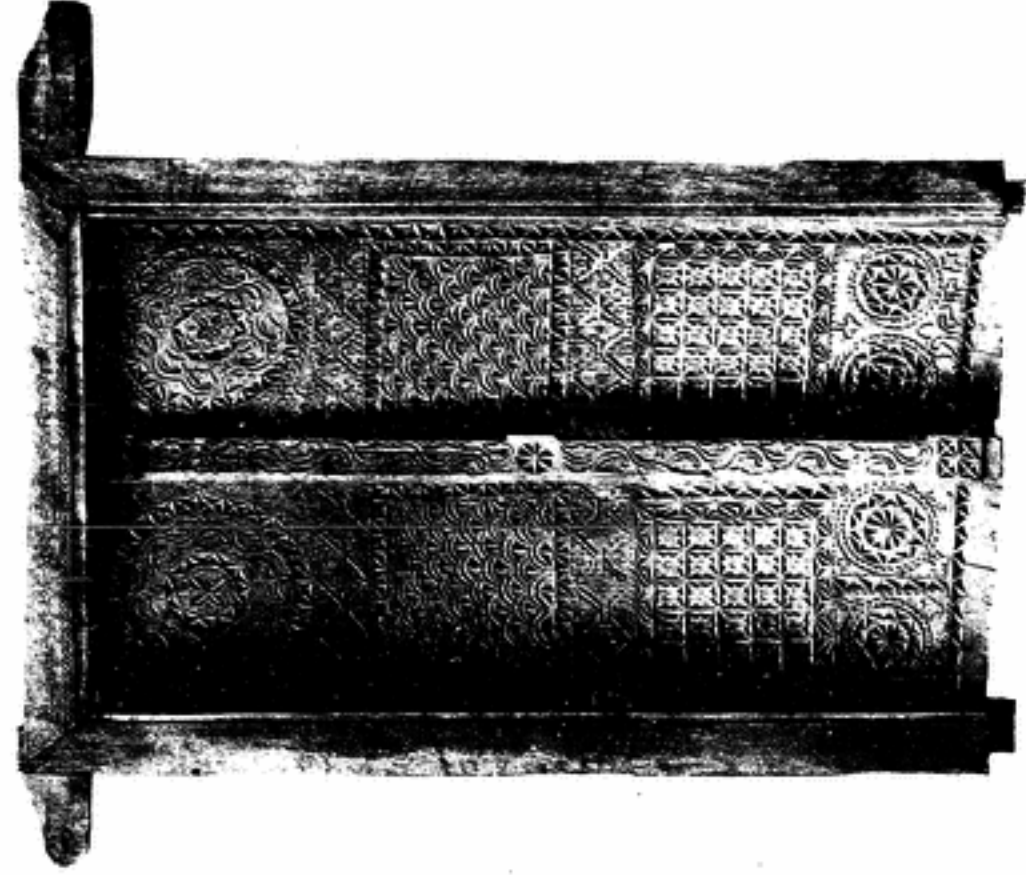
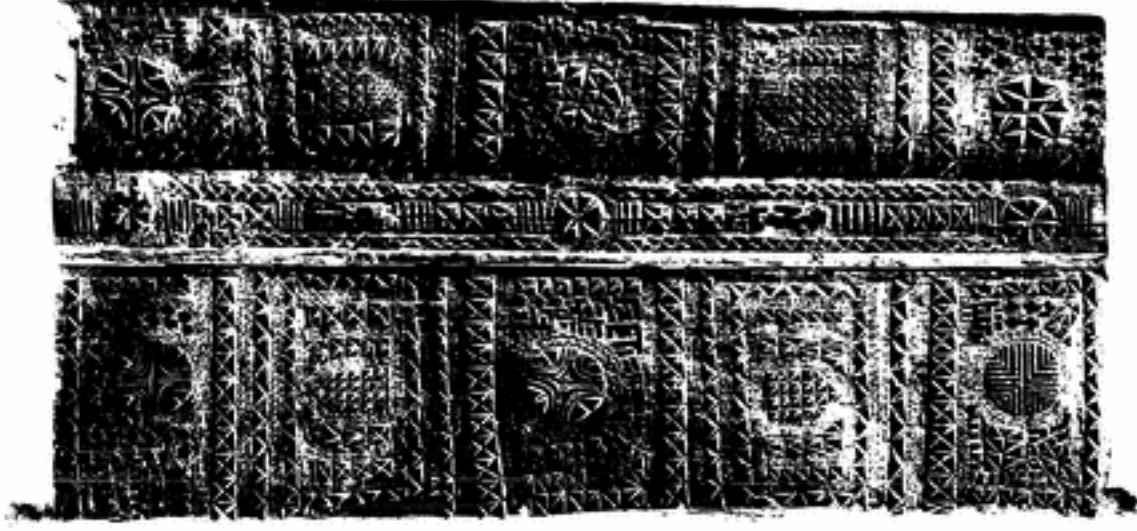
— Сначала надо было откусить голову у этого мерзавца,
а потомъ ужъ и молитву читать.

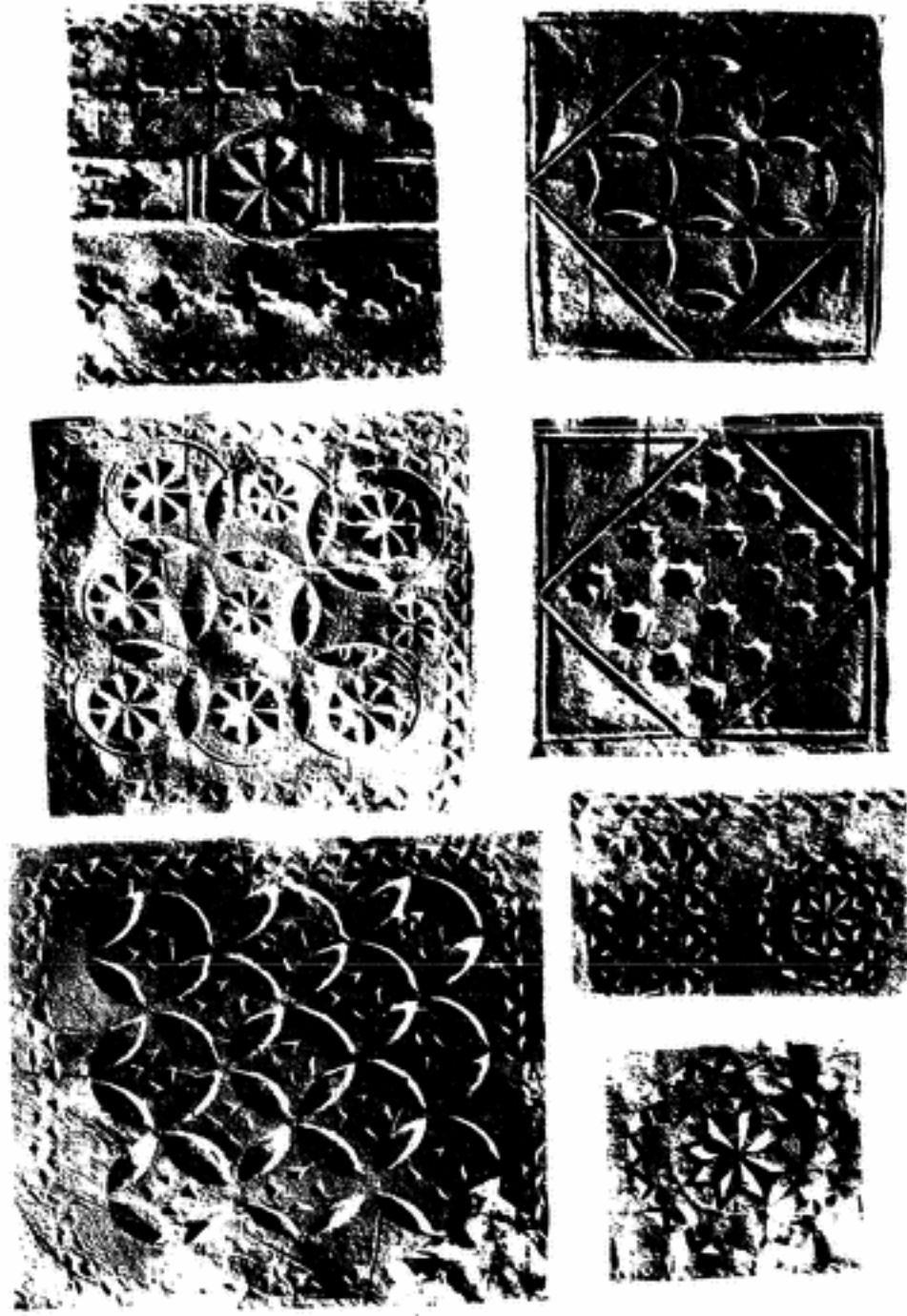
Базарный пѣвецъ и «осулгій» (разказчикъ сказокъ).
(Снято въ Патта-Хисарѣ, на Аму-Дарѣ).

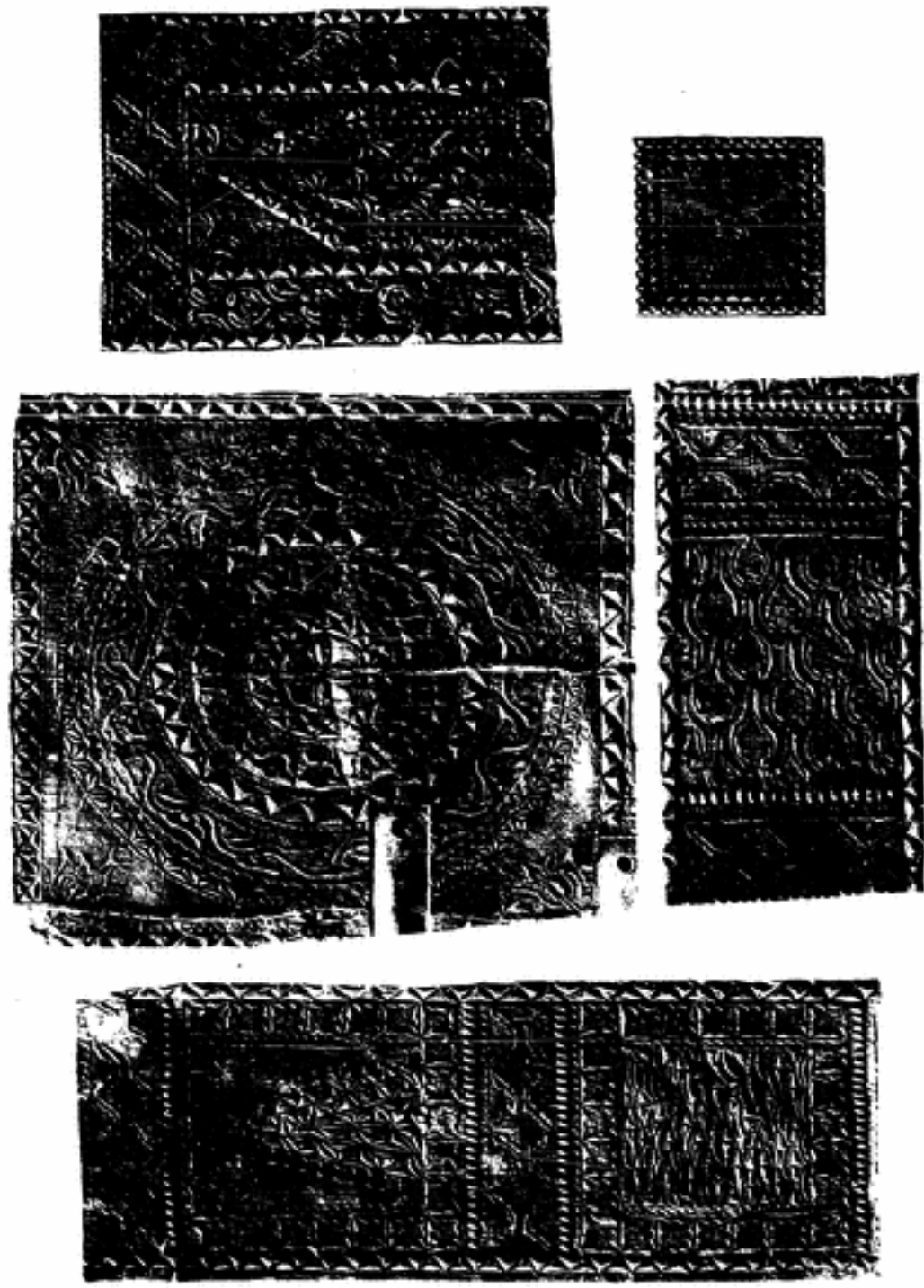
Даричко, живая постройка въ концѣхъ на Пондочѣ.

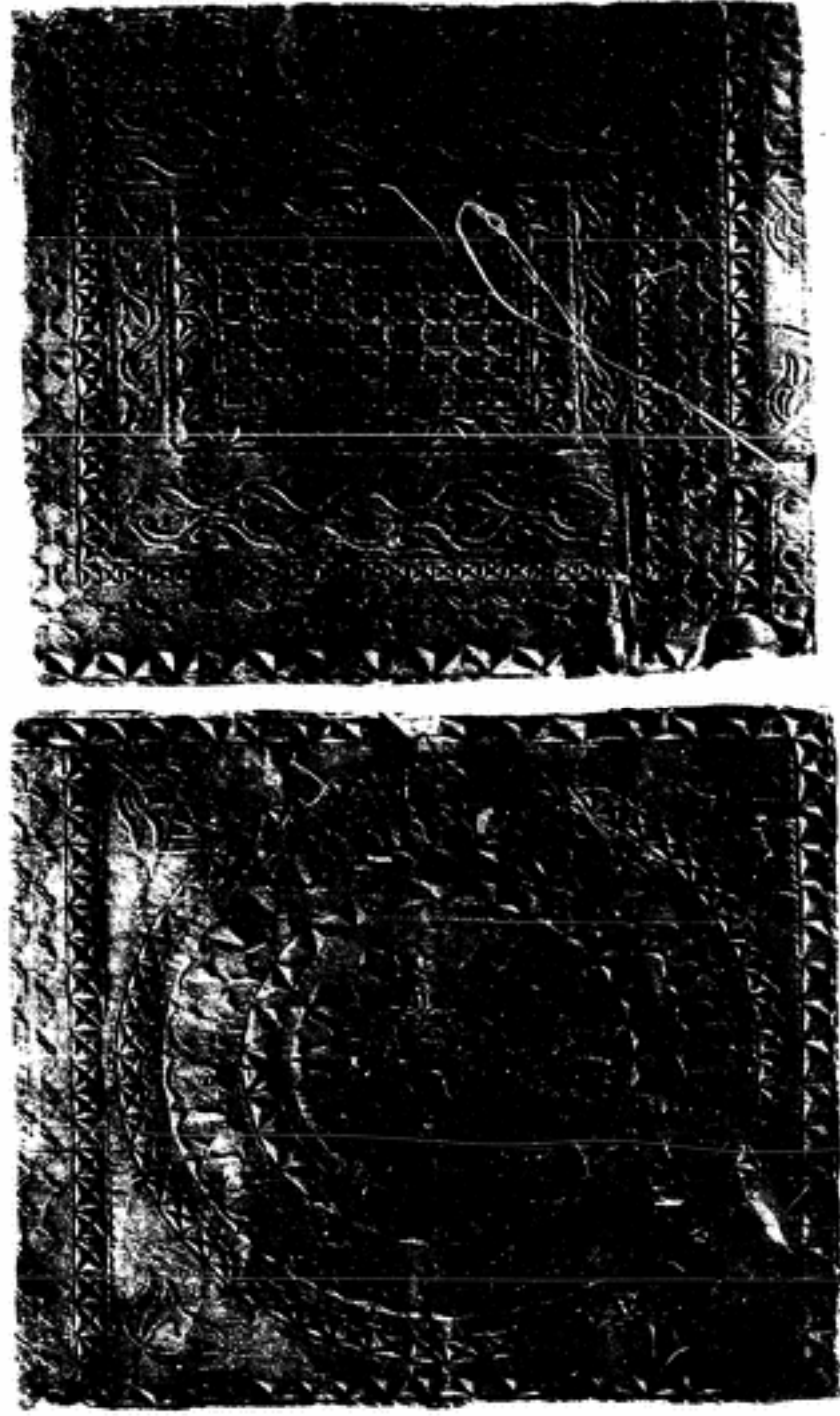
Образцы ризаных шерей из оюргунских дошик.

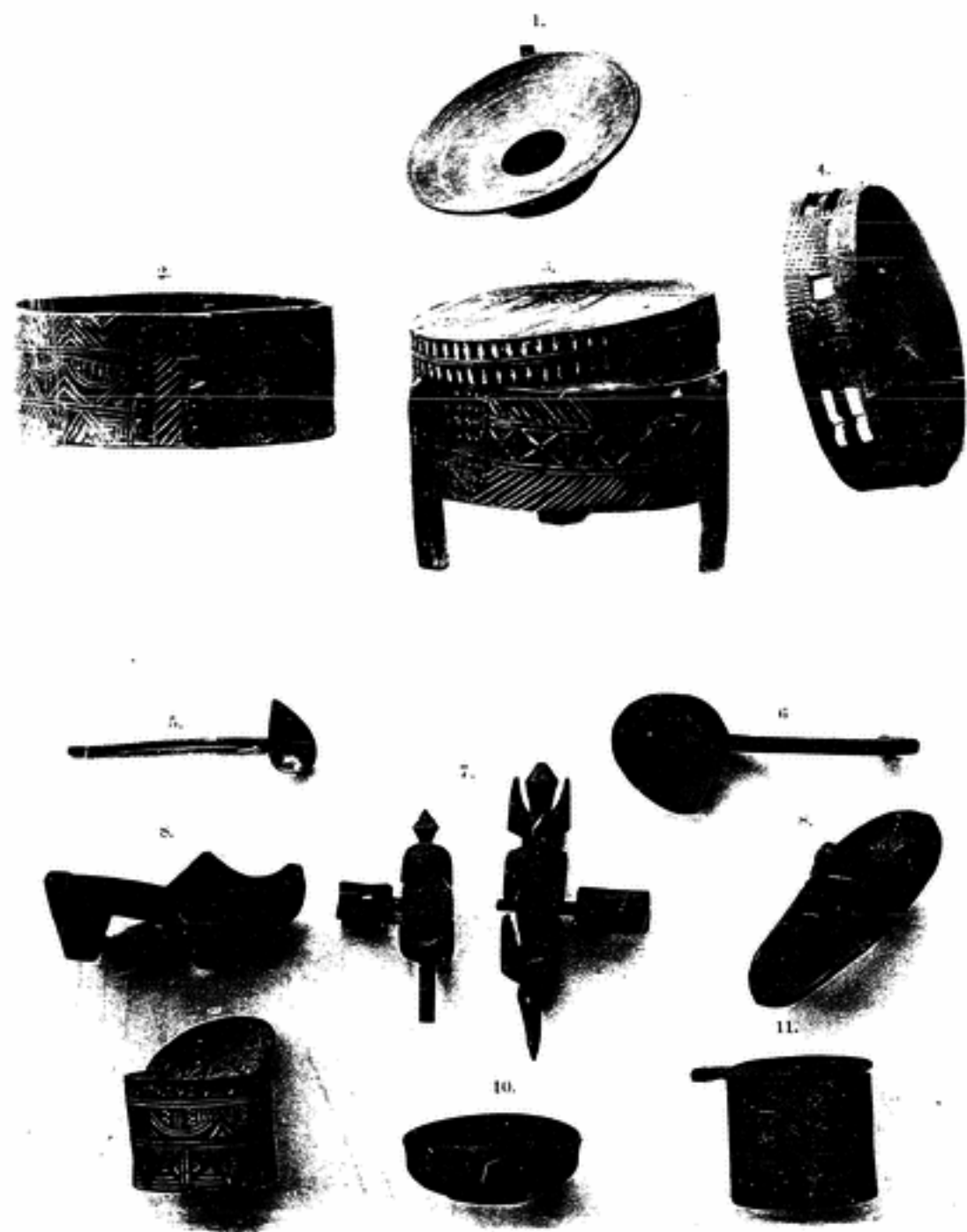
Образцы резьбы-орнаментов: на дереве и породах горных «Свердловск» и «Михайловск».

Образцы рѣзныхъ орнаментовъ, встрѣчающіеся на деревѣхъ и порожкахъ, горныхъ «жургановъ»
и жбетахъ «михаловскихъ».

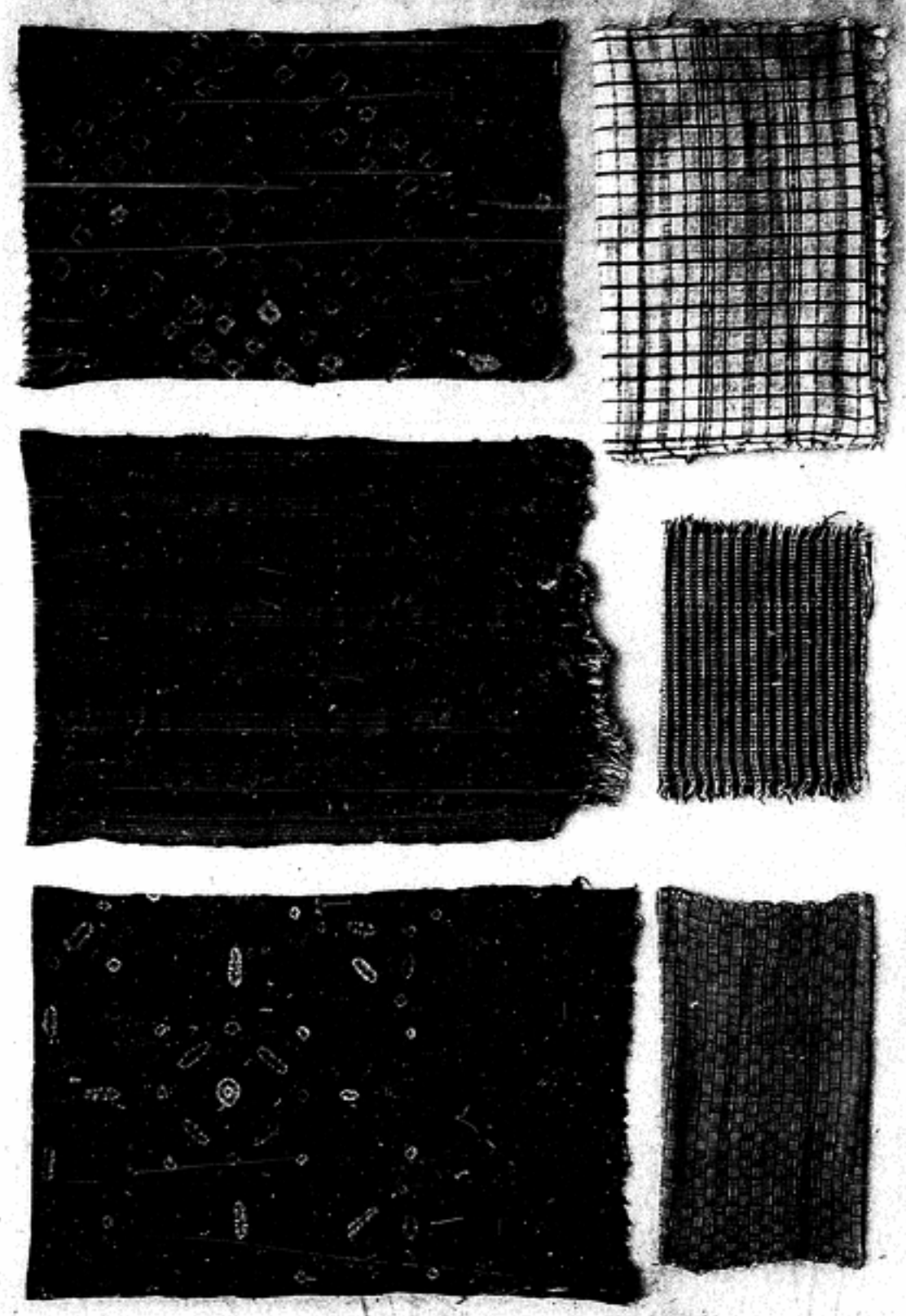

Образцы різьблених орнаментов, встрижених на дзеркалі і порочах горняхъ „куртані олтъ“.

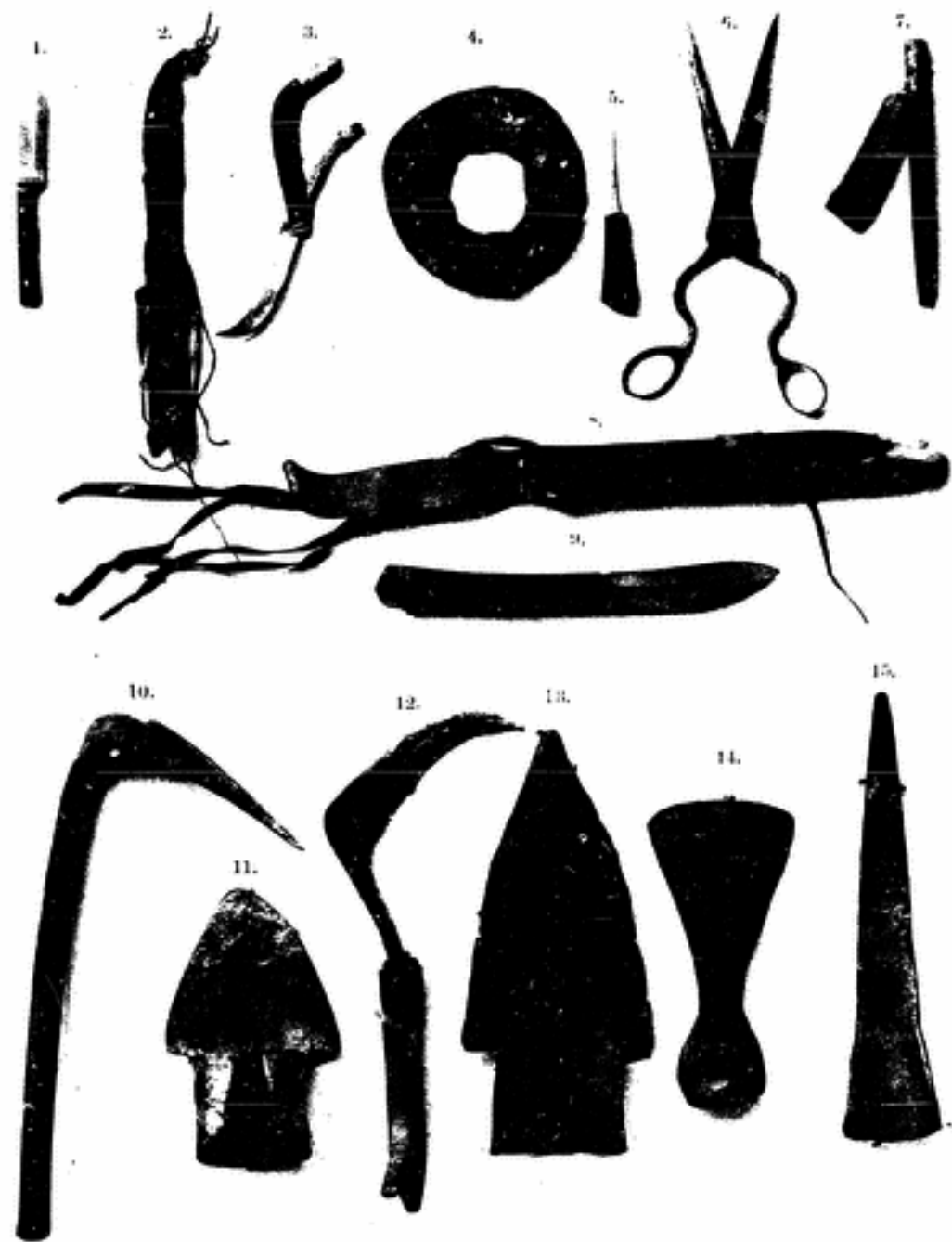

Деревянные изделия горных таджиков.

1. Деревянный таз для умывания. 2. „Росси“. 3. „Табанги“. 4. Бубень. 5. 6. Ложки для еды. 7. Подсвечники для втыкания „широгов“. 8. Деревянные туфли („кафит“). 9. 11. „Табанги“ другой формы. 10. Деревянная чашка („табак“) для кушанья.

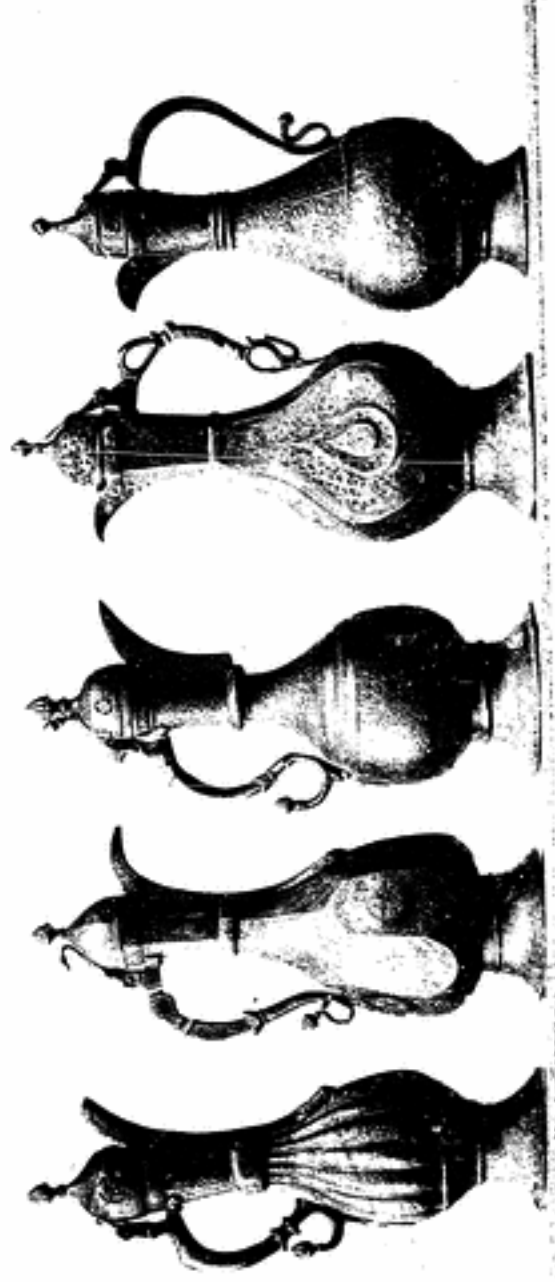

Образцы хлопчатобумажных тканей дриазского производства.

Железные изделия таджиков долины Ванджа.

1, 2, 3, 8 и 9—ножи с ножнами для ношения на поясе. 4—подкова, 5—инло.
6—ножница, 7—бритва, 10 и 15—клевцы для копания земли, 11—сошник, 12—серп.
13—заступа, 14—мотыга.

Образцы металла кушановъ („бѣн-джен“) для воды и для заправки для огня изъ употребленій въ Дарилѣ, кокандской, самаркандской, казырской и афганской работы; средина часть персидской работы; покрываетъ ея шейку и четвертая часть шейку итгскихъ пашаговъ.

Изданія гр. А. А. Бобринскаго.

Н. Ю. Зографъ. Черепа изъ Макшеватскихъ пещеръ. In-folio, 33 стр., 7 фототип. табл. 1899 г.

А. Семеновъ. Материалы для изученія нарѣчій горныхъ таджиковъ Центральной Азіи. In-quarto, въ двухъ частяхъ: I ч.—56 стр., 9 фототипій. 1900 г. II ч.—74 стр., 4 фототипіи. 1901 г.

Гр. А. А. Бобринской. Орнаментъ горныхъ таджиковъ Дарваза (нагорная Бухара). In-folio, 18 стр., 5 цвѣтныхъ и 15 черныхъ фототипій, раб. фот. Павлова. 1900 г.

Его же. Секта Исмаилья въ русскихъ и бухарскихъ предѣлахъ Средней Азіи. In-8, 18 стр., 1 цинкографія. 1902 г.

Складъ изданій:

Москва, Малая Никитская, № 20.

Изданіе гр. П. С. Шереметева и гр. А. А. Бобринскаго.

Гр. Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣздка въ Бѣлозерскій край. In-quarto, 180 стр., многочисленныя фототипіи и цинкографіи, раб. фот. Павлова. 1902 г.

Складъ изданія:

Воздвиженка, домъ гр. Шереметева.